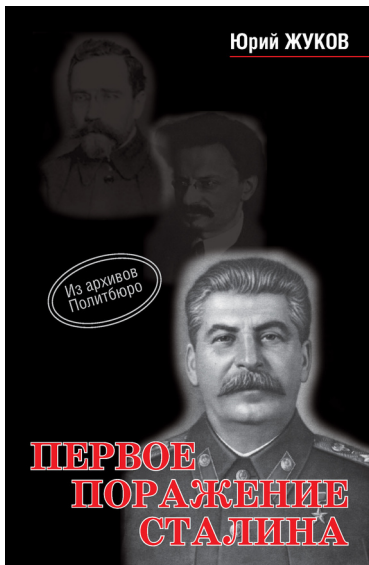

Юрий ЖУКОВ

Из архивов
Политбюро

**ПЕРВОЕ
ПОРАЖЕНИЕ
СТАЛИНА**

Юрий Николаевич Жуков

Первое поражение Сталина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8277337

Первое поражение Сталина 1917–1922 годы от Российской Империи – к СССР/ Юрий Жуков:

Издательский центр «Аква-Терм»; Москва; 2011

ISBN 978-5-905024-02-3

Аннотация

Книга «Первое поражение Сталина» рассказывает о начале политической карьеры будущего общепризнанного лидера Советского Союза. О том, как в годы революции и Гражданской войны он пытался сохранить единство России, не допустить ни её распада, ни раздела на национальные республики. И о том, кто ему в том противостоял, почему Сталин так и не смог одержать победу в жестокой и бескомпромиссной борьбе.

Книга создана на основе уникальных архивных документов, большинство из которых лишь недавно рассекречено и предлагает совершенно новый взгляд на события тех бурных лет.

Книга рекомендована к печати Учёным советом Института российской истории РАН.

Содержание

Часть I	7
Глава I. Новая власть – старые проблемы	7
1. Автономии!	9
2. На полпути к решению	16
3. Кануны	26
4. Вызов Киева	33
5. Путь в Каноссу	42
6. Крах	52
Глава II. Три фронта борьбы	64
1. На переломе	65
2. Первый фронт. Украинский	76
3. Жребий брошен	87
4. Эффект домино	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Юрий ЖУКОВ

Первое поражение Сталина 1917–1922 годы От Российской Империи – к СССР

Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы избежать.
Огюст Конт

В марте 1913 года в Петербурге вышел из печати и поступил в продажу очередной, третий, номер легального большевистского журнала «Просвещение». Среди прочих материалов он содержал и статью Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия». Статью столь пространную, что её пришлось публиковать в трех номерах, а год спустя – из-за большого к ней интереса – даже издать отдельной брошюрой под несколько иным названием: «Марксизм и национальный вопрос».

Этой статьёй автор, до того известный только в узких партийных кругах как функционер регионального масштаба, главным образом по двум работам («Вкратце о партийных разногласиях» и «Анархизм или социализм»), напечатанным на грузинском языке, ибо имели значение прежде всего для кавказских организаций РСДРП, заявил о себе как о серьёзном, зрелом теоретике. Обратившемся к вопросу, разрабатывавшемуся европейской социал-демократией начиная с Четвёртого (лондонского) конгресса Второго Интернационала, и выдвинувшем лозунг «право наций на самоопределение», трактуемый как политическая или культурная автономия.

Новая работа Сталина стала результатом и глубокого, тщательного изучения более чем актуальной, начиная с революции 1905 года, для России проблемы, и знакомства с нею на практике во время первой зарубежной поездки – три с половиной месяца с начала ноября 1912 года по февраль 1913-го он провёл в Австро-Венгрии. Жил сначала в Кракове, а потом в Вене.

Злободневность избранной проблемы и для Российской Империи, и для большевистской партии Сталин объяснил далеко не сразу. Для начала, в чём сразу же проявил чисто научный подход, объяснил своё понимание термина «нация», чему посвятил первый из семи разделов работы. Последовательно, используя широкий круг примеров, полемизируя с виднейшими лидерами австрийской социал-демократии Отто Бауэром и Карлом Реннером, писавшими под псевдонимами Шпрингер, Синоптикус указал:

«Нация есть исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». И тут же подчеркнул – «только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию».

Затем подвёл читателя к следующему тезису. «Нация, – указал Сталин, – является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи». Раскрыл такое объяснение следующим образом: «В западной Европе... образование наций означало... превращение их в самостоятельные национальные государства». Не стал при этом углубляться в историю, напоминая, что появились они с 1648 года, со времени завершения охватившей весь континент Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира. Счёл более важным донести до читателей иное:

«В то время как на Западе нации развивались в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отноше-

нии оказались немцы – они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными в государственной организованности оказались мадьяры... В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы». А далее сказал то самое важное, что, по его мнению, и породило национальный вопрос:

«Ворвавшись в спокойную жизнь оттеснённых национальностей, капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность Рейхсрата в Австрии и Думы в России способствует усилению «национальных чувств». Народившаяся интеллигенция проникается «национальной идеей» и действует в том же направлении. Но приступившие к самостоятельной жизни оттеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства. Они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!»

Вслед за тем Сталин пояснил: «Так складывались в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии, хорваты и прочие в Венгрии, латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и прочие в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом... Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу... Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттеснённых наций...

Стеснённая со всех сторон буржуазия угнетённой нации, естественно, приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая своё собственное дело за дело общенародное... И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг её /буржуазии – Ю.Ж./ знамён: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство. Так начинается национальное движение...»

Но тут же Сталин растолковывает, конкретизирует: «Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой».

Только прочно обосновавшись на единственно бесспорном для всех без исключения марксистов классическом положении – фундаменте, Сталин и продолжил развитие своей мысли. «Поэтому, – резюмирует он, – социал-демократия всех стран провозглашает право на самоопределение». Но что же стоит за таким лозунгом? И даёт ему собственное толкование, коренным образом отличавшееся оттого, на котором настаивали теоретики австрийской социал-демократии и лидеры «Бунда» – партии, объединявшей российских евреев.

Право на самоопределение, утверждает Сталин, означает что «только сама нация имеет право определять свою судьбу. Никто не имеет права **насиловать** вмешиваться в жизнь нации, **разрушать** её школы и прочие учреждения, **ломать** её нравы и обычаи, **стеснять** её язык, **урезать** её права».

Правда, сразу же последовала оговорка, и весьма принципиальная. «Это, конечно, не значит, – подчеркнул Сталин, – что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу».

Далее же Сталин впервые высказал то, что на протяжении последующего десятилетия будет повсюду отстаивать, пытаться осуществить на практике. Нация, по его твёрдому убеждению, «имеет право устраивать свою жизнь на началах автономии, вступать с другими нациями в федеративные отношения, совершенно отделиться... Но это ещё не означает, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, то есть для её большинства, то есть для трудящихся слоев». И сразу же задаётся важнейшим вопросом: «какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс – автономия, федерация или сепарация?»

Ответ следует незамедлительно: «Экономические, политические и культурные условия: – таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно устроится та или иная нация, **какие формы** должна принять её будущая конституция». Только затем Сталин позволил себе перейти от общего к частному. От поиска ответа – как же решать национальный вопрос, не вообще в Восточной Европе, а в России.

«В России, – съехидничал он, – во-первых, «слава богу, нет парламента». Во-вторых, и это главное, осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьба русского вопроса, а, значит, и «освобождения» наций связываются в России с решением аграрного вопроса, то есть с уничтожением крепостнических остатков, то есть с демократизацией страны... Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос – подчинённый».

Следующие два раздела работы Сталин посвятил целенаправленной критике культурной автономии. Ещё раз категорически отверг её, под каким бы флагом она не выступала, ибо для него такое решение «противоречит всему ходу развития наций. Она, – пояснил Сталин, – даёт лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям?»

Наконец, вернулся к наиглавнейшему – как же решать национальный вопрос в России. И начал с наиболее хорошо знакомого ему. «На Кавказе, – объяснил Сталин, – имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы». К таковым относились мингрелы, абхазы, аджарцы, сваны, лезгины, кобулетцы, ингуши, осетины, ингилойцы, закавказские татары (азербайджанцы)... «Как бытие такими народностями?... К каким нациям их отнести? Возможно ли их «организовать» в национальные союзы?» – задал он риторические вопросы, и сам же ответил на них:

«Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь **в духе вовлечения запоздалых наций и национальностей в общее русло высшей культуры**. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупляться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперёд и облегчает им доступ к благам высшей культуры».

Завершил же Сталин работу конкретным предложением. Правда, заимствованным у Мартова. Точнее, из сказанного тем ещё в 1903 году на II съезде РСДРП и включённого в программу партии. Наиболее разумной формой решения национального вопроса должно стать «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно русских областей». Но далеко не для всех.

«Единственно верное решение, – указал Сталин, – областная автономия. Автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. д.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определённым населением, живущим на определённой территории. Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальные перегородки. Наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население».

Так, вводя альтернативу культурной автономии областной. Сталин и сделал её «необходимым пунктом в решении национального вопроса». Но понимая, что предлагаемые им области не являются моноэтническими, оговорил и такую проблему. «Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основания лишь в том случае, если страна останется при старых порядках».

...Когда Сталин писал «Марксизм и национальный вопрос», он не мог даже помыслить, что всего через четыре года его статья потеряет чисто теоретический, отвлечённый характер.

Часть I Ящик Пандоры

Глава I. Новая власть – старые проблемы

С отречением Николая, а вслед за тем и Михаила, появилось, казалось бы, долгожданное, столь чаяемое либералами ответственное, пусть и назвавшее себя временным, правительство. Ответственное, перед продолжавшей существовать никем не распущенной Думой, сессию которой при желании можно было возобновить в любой день. Той самой Думы, «по почину» которой якобы Временное правительство и возникло. На самом деле всё оказалось далеко не так просто.

Только что вступивший в должность министра иностранных дел П.Н. Миллюков на первой же официальной встрече с французским послом Морисом Палеологом откровенно объяснил: «Мы сосредоточили в своих руках все виды исполнительной власти, в том числе и верховную. Мы, следовательно, не ответственны перед Думой».¹ Уточнять – а перед кем всё же ответственно Временное правительство? – почему-то не стал.

Позиция всех новых министров (в том числе, и премьера) основывалась на тексте отречения, подписанного Михаилом. А в том прямо указывалось, что Временное правительство облечено ВСЕЮ властью. Следовательно, не только исполнительной, но и законодательной. Правда, всего лишь на время до созыва Учредительного собрания. И вот такая деталь вскоре и породила несколько позже названное тем же Миллюковым «перерывом в праве».

Сознательный отказ от ответственности перед Думой породил и иное. Неизбежное в самом близком времени усиление значения Совета рабочих и солдатских депутатов просто как единственного в стране органа выборного. Уже в силу только того призванного подменить собой и формально существующую, но бездействующую Думу, и пока не существующее Учредительное собрание, с выборами в которое не очень торопились.

Словом, странная, необъяснимая позиция Временного правительства сама по себе вела к неизбежному в таких обстоятельствах двоевластию.

Между тем, все, абсолютно все – и народ страны, и союзники – ждали от Временного правительства, ибо ждать больше было не от кого, ответа на самый важный, воистину судьбоносный вопрос. Сможет ли новая Россия не просто продолжать воевать, всего лишь удерживая фронт, но и по договорённости, достигнутой в октябре минувшего года, перейти в наступление. Совместно с французскими, английскими и итальянскими силами нанести Германии и Австро-Венгрии последний, решающий и сокрушительный удар.

Только потому Временному правительству и пришлось первой же декларацией, от 6 марта, заверить Париж, Лондон и Рим в верности данным прежде обязательствам. Заявить, что «будет верно соблюдать все союзы и сделает всё, от него зависящее, чтобы обеспечить армии всё необходимое для ведения войны до победного конца».² Оговорку же – «всё, от него зависящее» – допустили далеко не случайно. Из-за неуверенности в боеспособности «полученных в наследство» вооружённых сил.

Худшие опасения подтвердились слишком скоро.

«Запасов в стране, – констатировала записка Ставки, направленная всего три недели спустя в МИД, – для полного продовольствия армии **недостаточно...** Вследствие недостатка угля, металла, расстройства транспорта и переживаемых событий производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится... Укомплектование людьми в ближайшие месяцы подавать на фронт в потребном числе нельзя, ибо во всех

запасных частях происходят брожения... Укомплектование лошадьми будет задержано, так как по условиям внутреннего транспорта и необходимости не ослаблять полевые /сельскохозяйственные – **Ю.Ж.**/ работы, все реквизиции лошадей задержаны. Железнодорожный транспорт находится в значительном расстройстве, и, даже при условии отыскания запасов, мы не можем подавать одновременно на фронт запасы для ежедневного довольствия и для образования запасов, без наличия которых хотя бы на двухнедельную потребность нельзя начинать каких-либо операций».

«Армия, – продолжала записка, – переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через два-три месяца. Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство. Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время пойдёт вперёд, очень трудно».

Далее же следовал неутешительный вывод:

«1. **Приводить** ныне в исполнение намеченные **весной активные операции недопустимо**. 2. Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта. 3. На всех фронтах, до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов, необходимо перейти к обороне. 4. Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронте. Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях. 5. Надо, чтобы правительство всё это совершенно определённо и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что **мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде**»³ /о совместном и одновременном наступлении не позже апреля 1917 года – **Ю.Ж.**/.

Итак, оборона вместо наступления... Но не только. Ставке, пока особо не подчёркивая, пришлось отметить и иное. Солдаты стали выражать своё отношение к войне самым простым и наглядным способом – дезертирством. Нараставшим, ширившимся с каждым днём бегством с фронта. Спустя всего год Н.Д. Набоков так объяснял происходившее: «Трёхлетняя война осталась чуждой русскому народу, он ведёт её нехотя, из-под палки, не понимая ни значения её, ни целей, он ею утомлён, и в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказала надежда, что она приведёт к скорому окончанию войны».⁴

Но не только дезертирство изрядно поубавило оптимизма у власти. Требовала самого срочного решения ещё одна проблема. По всей стране начались, всё усиливаясь, «аграрные беспорядки», как привычно называли крестьянские волнения. Разгром имений и «чёрный», то есть исключительно на свой страх и риск, раздел помещичьей земли. Пахотной, которой никогда не хватало тем, кто её обрабатывал, луговой – для сена, шедшего на прокорм скоту.

Временное правительство уже 19 марта признало: решение земельного вопроса «составляет самую серьёзную социально-экономическую задачу переживаемого периода», является «основным требованием всех демократических партий». Правда, тут же оговорилось – вопрос о земле «станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании»⁵. Не раньше. Но на некоторые меры правительство всё же отважилось. 16 марта национализировало земли удельного ведомства, то есть принадлежавшие царской семье в совокупности. Более 7 миллионов гектаров. А спустя десять дней новым постановлением добавило к национализированным и земли кабинета бывшего императора. На том имитация земельной реформы завершилась. Крестьяне так и не получили от государства ни одной десятины.

На том беды и несчастья, с которыми пришлось столкнуться новой власти, не ограничились. К коллапсу экономики и транспорта, к бегству солдат из окопов, к крестьянским волнениям добавилось и то, чего прежде ещё не было. То, что угрожало распадом страны,

безразлично, выиграет ли она войну, или проиграет. Громогласно, требовательно заявил о себе сепаратизм.

1. Автономии!

Избавиться разом хотя бы от внутренних проблем премьер Г.Е. Львов попытался самым, как он полагал, простым, радикальным и вместе с тем демократическим способом. 7(20) марта он направил во все административные центры России циркулярную телеграмму, подписанную лишь им одним.

«Придавая самое серьёзное значение, – гласило распоряжение Львова, – в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства, обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей, передав управление председателям губернских земских управ в качестве правительственных комиссаров».⁶

Трудно вообразить, чтобы автоматическая полная замена одних чиновников царского министерства внутренних дел другими, также занимавшими свои посты по назначению, смогла что-либо изменить к лучшему. Однако Львов не ограничился лишь такой мерой. На следующий день было опубликовано с ним интервью, которым премьер только усилил им самим и порождённый административный хаос. «Назначать, – вдруг заявил премьер, противореча смыслу собственной телеграммы, – никого правительство не будет. Это вопрос старой психологии... Пусть на местах сами выберут».⁷ И тем поставил накануне назначенных комиссаров в ложное положение. Чётко указал, что их пребывание в должности – весьма кратковременное. Следовательно, безответственное. Так, вмиг разрушил пусть плохую, даже очень плохую, но всё же хоть как-то ещё действовавшую систему управления. Усугубил же ситуацию одновременный роспуск полиции и жандармерии как органов порочного самодержавия.

За такими решениями и последовала неизбежная, легко предсказуемая смута, прежде всего проявившаяся на национальных окраинах. Ускорили же её два постановления Временного правительства, на деле означавшие добровольный отказ от двух наиболее развитых в промышленном отношении, наиболее культурных регионов.

Первым стал принятый 7(20) марта акт «Об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении её в полном объёме». По сути ставший выражением взглядов и Прогрессивного блока, высказанных ещё в августе 1915 года, и царского правительства, признавшего в конце 1916 года, под давлением обстоятельств, неприемлемым жёсткий курс по отношению к Финляндии.

В Петрограде полагали такой акт вполне достаточным, дабы снять все накопившиеся за годы войны противоречия с Гельсингфорсом. И получить, наконец, столь необходимый займ в размере 200 миллионов финских марок, призванный компенсировать отсутствие в Великом Княжестве воинской повинности. И увеличить поставки молока, масла, мяса для нужд столицы, испытывавшей острейшую нужду в продовольствии, а также фуража для армии. И пресечь всё нараставшее «егерское движение» – нелегальный отъезд в Германию молодёжи призывного возраста для военного обучения и последующей службы в рядах немецкой армии на её восточном фронте, то есть против России. Словом, наконец-то избавиться от постоянного страха перед финским вооружённым восстанием, которым российские власти давно уже сами себя настойчиво запугивали.

Возвратить насильственно отнятые законные права великому княжеству не составляло особого труда. Зато сразу же тот, кто сделал бы это, представал в глазах всего мира подлинным демократом, решительно порвавшим с тяжким наследием самодержавия. Вместе с тем,

акт от 7(20) марта призван был и послужить не вполне ясным, неотчётливым обещанием всем политическим кругам Финляндии – пророссийским пока ещё социал-демократам; старофиннам, являвшимся сторонниками ориентации на Германию и Швецию; младофиннам, решительно настроенным в пользу Антанты – той самой широкой автономии, на деле означавшей чуть ли не полную независимость, которой те и добивались.

Однако непродуманность, непоследовательность политики Временного правительства выразились буквально в первой же фразе столь важного документа. Практически повторившей традиционную формулу всех императоров при вступлении на престол, лишь несколько изменив её чисто стилистически: «Облеченные всей полнотой власти, мы сим утверждаем и удостоверяем...»

Разумеется, акт включил всё то, что стало необходимым, являлось порождением насущных требований времени. Полное перечисление законов Российской Империи, изданных почти за три десятилетия, и ограничивших автономию Финляндии, а потому и отменяемых отныне. Объявление полной амнистии осуждённым по политическим мотивам, подразумевавшее, прежде всего, высылку в Томскую губернию П.Э. Свинхувуда, получившую слишком шумную огласку в Европе. Разрешение созвать избранный в июле 1916 года сейм, права которого предполагалось значительно расширить, и обещание представить на его утверждение законопроекты о независимом Верховном суде Великого Княжества, о свободе печати, о союзах. Но ни слова не было сказано о расквартированном в Финляндии 42-м отдельном корпусе, по численности приближавшемся к армии. Видимо, подразумевалось, что его пребывание вполне оправдано войною.

Завершался же акт 7(20) марта более чем патетически: «Мы торжественно сим актом подтверждаем финляндскому народу на основе его Конституции, незыблемое сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры и языков /финского и шведского – **Ю.Ж.**/ Мы выражаем твёрдую уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов».⁸

Итак, обещана была всего лишь **внутренняя** самостоятельность. Не более. Только то, чем и без того обладала Финляндия даже при самодержавии.

Подписывая акт, и премьер Львов, и все министры твёрдо полагали – всё население Великого Княжества вполне удовлетворится всего лишь восстановлением своих старых прав, а вековая уния двух государств сохранится и в будущем. Но ошиблись депутаты сейма, возобновившего свои заседания 21 марта (2 апреля), уже не захотели довольствоваться «внутренней самостоятельностью». Возжелали – революция, так революция! – гораздо большего.

Социал-демократ Мякелин заявил: «Автоматический переход власти монарха к Временному правительству означал бы, что русская революция произвела изменение финских основных законов. Если мы приняли манифест 7 марта и санкционировали созыв сейма, из этого не следует, что мы признали за Временным правительством право решать внутренние вопросы Финляндии»⁹. А другой депутат, от Шведской народной партии, Хурнборг пошёл в своих требованиях ещё дальше. «Финляндия, – торжественно возгласил он с трибуны сейма, – и пусть это знает весь мир, будет настаивать на признании её самостоятельности».¹⁰

17(30) марта Временное правительство сделало ещё один шаг на пути к скорому и неизбежному, как становилось очевидным, распаду страны. Выпустило «Воззвание к полякам», попытавшись выразить в нём как бы своё собственное отношение к давно «перезревшему» польскому вопросу. Решилось, наконец, на то, к чему фактически уже подошло Особое сове-

щение по разработке основных начал будущего государственного устройства Польши всего месяц назад, 12 февраля.

Вынуждала же к тому настоятельная необходимость каким-либо образом сделать то, что лишь намеревалось царское правительство. Необходимость отреагировать, пусть и со значительным запозданием, на провозглашение 5 ноября 1916 года независимости Польши. Воссоздание её Центральными державами, но только из исключительно российских губерний с преобладающим польским населением, да и то далеко не всех. И, кроме того, постараться предотвратить формирование польской армии численностью чуть ли не в миллион человек. Появление той силы, которая вполне могла оказаться решающей в грядущих сражениях на германском фронте.

«Старая власть, – назидательно растолковывало воззвание населению Привислинского края, два года назад оставленного русскими войсками, – дала вам лицемерные обещания, которые могла, но не хотела исполнять. Срединные державы /Германия и Австро-Венгрия – Ю.Ж./ воспользовались её ошибками, чтобы занять и опустошить ваш край. Исключительно в целях борьбы с Россией и с её союзниками они дали вам призрачные государственные права, и притом не для всего польского народа, а лишь для одной части Польши, временно занятой врагами. Этой ценой они хотели купить кровь народа, который никогда не боролся за сохранение деспотизма».

Далее же манифест чуть ли не слёзно взывал о самом важном. Но не для Польши, а для русского Генерального штаба: «Не пойдёт и теперь польская армия сражаться за дело угнетения свободы, за разъединение своей родины под командою своего векового врага». Подразумевалось, что поляки должны вступать, постоянно пополняя, в действовавшую в составе российских вооружённых сил дивизию Польских стрелков, развёрнутую только что, 24 января 1917 года, из образованной ещё в октябре 1915 года Польской бригады.

Лишь затем говорилось об основном. «Временное правительство считает, – без обиняков указывало воззвание, – создание независимого Польского государства, образованного **из всех земель, населённых в большинстве польским народом** / выделено мной – Ю.Ж./, надёжным залогом прочного мира в будущей обновлённой Европе». И пояснялось: «Освобождённый и объединённый польский народ сам определит государственный строй свой, высказав волю свою через Учредительное собрание, созванное в столице Польши и избранное всеобщим голосованием... Российскому Учредительному собранию предстоит... дать своё согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из всех трёх ныне разрозненных частей её».¹¹

Так, решительно и бесповоротно, Временное правительство распорядилось частью территории собственной страны. Понадеялось на непрременную, как оно полагало, поддержку такого решения всею «революционной демократией» – как всех политических партий, так и будущих депутатов столь же будущего Учредительного собрания. Было твёрдо уверено, что раз и навсегда избавилось от будоражившей страну столетие самой острой из всех национальных проблем. Однако «Воззвание к полякам» вместе с актом от 7(20) марта привело к обратному результату. Породило «эффект домино» – требования территориальной автономии чуть ли не во всех национальных окраинах. И прежде всего там, где они оказались спровоцированными самой властью.

...С 24 апреля 1915 года, когда германская армия захватила Либаву, военное положение в Прибалтике практически не менялось. Немцы продолжали удерживать Ковенскую, Виленскую и Курляндскую губернии, а фронт вот уже два года проходил несколько южнее Двины, превратив тем самым Ригу в важнейший для обороны Петрограда стратегический пункт русской армии.

Столь же неизменной всё это время оставалась и официальная антинемецкая государственная политика для края. Суть же её выражали не столько демонстративные действия

– повсеместное закрытие немецких школ, запрет говорить по-немецки в общественных местах, эвакуация Дерптского университета вглубь России с одновременным переименованием его в Юрьевский, – сколько иное, более основательное. Поиск форм ликвидации сословной обособленности немецкого рыцарства (дворянства) Прибалтийского края и его многовековых привилегий.

Но если до февраля выдвижение такого вопроса являлось делом исключительно правительства, то теперь, после революции, его обсуждение взяло на себя местное коренное население. Уже 13(26) марта в Риге по сути самовольно собралось губернское Земское собрание – в отличие от ещё юридически не ликвидированного немецкого дворянского ландтага состоявшее только из латышей. Оно и потребовало, практически поддержав ноябрьскую, 1916 года, инициативу бывшего министра внутренних дел А.Д. Протопопова и премьера Б.В. Штюрмера о разделе Лифляндской губернии по этническому признаку.

Правда, теперь, после революции, ещё никем не санкционированный местный орган самоуправления скорректировал недавнее предложение, не изменив притом его чисто националистической сути, потребовал объединить все территории Прибалтийского края, населённые латышами, в единую административную единицу – Латвию. Согласно первому пункту резолюции Земского собрания, её должны были составить Курземе-Курляндская губерния; Видземе-Рижский, Вольмарский, Валкский, Венденский уезды Лифляндской губернии (её южная часть); Латгалия – Люцинский, Режицкий и Двинский уезды Витебской губернии.

Второй же пункт резолюции недвусмысленно гласил: «Латвия должна быть автономной и нераздельной провинцией России с широкими правами самоопределения».¹²

Рижское Земское собрание не сомневалось, что Временное правительство непременно удовлетворит хотя бы первую часть резолюции, и не ошиблось. Ещё бы, ведь за ним, в его пользу было не только антинемецкое настроение, выражавшееся в шпиономании и доносительстве. Главной своей заслугой латыши полагали создание добровольческой Латышской стрелковой дивизии, насчитывавшей к началу 1917 года 39 тысяч человек. Её восемь полков, входивших в состав 12-й армии, и сдерживали немцев под Ригой, прикрывая значительный участок фронта, протянувшегося от Балтики до Двинска.

Действительно, всего две недели спустя, 30 марта (12 апреля) Временное правительство утвердило двумя постановлениями национальное размежевание Лифляндской губернии. Отделило её северные уезды (Неоновский, Феллинский, Юрьевский (Дерптский), Веросский и Эзельский), включив в состав Эстляндской губернии. Кроме того, оба постановления – по Лифляндии и Эстляндии порознь – предусматривали в самом ближайшем будущем упразднение существовавших губернских органов местной власти – правлений, присутствий, а также только что созданной должности губернского комиссара по крестьянским делам, и замену их выборными Земскими советами.¹³

Однако очень скоро достигнутого латышским политикам показалось недостаточным. Всего через месяц крупнейшая в Латвии партия, Крестьянский союз, поспешила сформулировать более радикальные требования к Временному правительству. В программе, принятой на съезде, прошедшем в Валке 29 апреля, потребовала:

«Для России – демократической федеративной республики (союза, народов – государств), возглавляемой: а) коллегиальным органом – Президиумом, члены которого избираются на три года, из среды Палаты депутатов на общем её заседании; б) Советом представителей отдельных государств».

Для самой же Латвии предусматривалось, что она должна иметь «с Россией: а) общую дипломатию с правом в случае надобности иметь за границей особых хозяйственных агентов; б) общие морские и сухопутные войска (народную милицию)... в) общие таможи и

таможенные пошлины... г) общие деньги». И твёрдо указала: «основные законы Латвии вырабатываются и принимаются Учредительным собранием Латвии».¹⁴

Ну а Латышская национал-демократическая партия пошла в своих устремлениях ещё дальше. В изданной ею и распространяемой по всей стране брошюре «Латышское государство» открыто призывала к отделению от России не только Латвии, но и Литвы, Эстонии, Финляндии, Украины.¹⁵

Наконец, появившаяся на картах только благодаря жгучему желанию латышей воссоединиться Эстония также поспешила заявить о своём стремлении к обособлению. 2 июля Эстонский национальный конгресс, проходивший в Ревеле, практически без каких-либо серьёзных изменений утвердил как собственную резолюцию программу Эстонской радикально-демократической партии, принятую в конце мая.

На словах высказав поддержку Временному правительству конгресс, тем не менее, заявил, что он «в настоящее переходное время стремится всеми силами к тому, чтобы в среде Соединённых Штатов республиканской России возник полноправный Эстонский Штат, который, являясь частью нераздельной России, сосредоточил бы в своём ведении все касающиеся Эстонского края дела. Заодно конгресс высказал и территориальные претензии, первые такого рода в стране. Потребовал присоединить к Эстонии город Валку, расположенный на новой административной границе с Латвией, и населённую русскими Нарву».¹⁶

Идея сепаратизма в различных формах – от требования отделения до предоставления минимальной автономии – начала распространяться по России как эпидемия. Так, уже в конце марта газета грузинской партии социал-федералистов «Сахалко пурцели» возвала к населению:

«Требуем автономии Грузии!.. Беспредельное доверие и любовь национальностей России к Временному правительству будут бесконечны только в том случае, если революционное правительство судьбу этих национальностей разрешит в революционном смысле... Мы сами должны выработать законы свободной Грузии. Мы требуем не только грузинского демократического правительства, но и законодательства. Не только грузин-чиновников, но и грузин-правителей и грузинских депутатов грузинского парламента». Газета же «Сакартвело» потребовала всего-навсего немедленно выслать из Грузии «пришельцев», то есть русских.¹⁷

Тем всё нараставшее националистическое движение отнюдь не ограничилось. Продолжало охватывать один регион за другим. 6(19) марта самообразовавшийся во Владикавказе и никого фактически не представлявший Временный Центральный Комитет объединённых горцев Северного Кавказа единодушно высказался «за выделение горских общин в отдельную автономную единицу». 25 марта (7 апреля) столь же нелегитимно возникший в Бахчисарае Крымо-татарский курултай (съезд) выдвинул боевой лозунг – «Крым для Крымцев». Месяц спустя религиозный по сути Туркестанский мусульманский Центральный Совет счёл самым актуальным для народов Средней Азии добиваться автономии края.¹⁸

И всё же, весной 1917 года наибольшую угрозу для целостности страны представляла стремительно развивавшаяся ситуация в Киеве. Там 4(17) марта местные политические лидеры, давно мечтавшие хоть о какой-нибудь власти, поспешили воспользоваться шансом, предоставленным им революцией.

М.С. Грушевский, С.А. Ефремов, В.В. Дорошенко – от Союза украинских автономистов-федералистов (ещё накануне – поступовцы); В.К. Винниченко, М.В. Порш, С.В. Петлюра – от Украинской социал-демократической рабочей партии; Н. Ковалевский. Л. Ковалёв, П.А. Христюк – от Украинской партии социалистов-революционеров решили срочно образовать собственный «национальный» центр. С этой целью в тот же день собрали по городу представителей всевозможных профсоюзных и общественных организаций – от Това-

риществ а техников и агрономов до руководителей церковных хоров – и от их имени объявили о создании Украинской Центральной Рады (Совета). Председателем её избрали того, кого совсем недавно освободили из тюрьмы за антиправительственную пропаганду в пользу Австро-Венгрии, кого с почтением начали величать «отцом украинской истории».

Уже 5(18) марта Рада громогласно заявила о себе. Выпустила обращение «К украинскому народу» и направила в Петроград две телеграммы. Премьеру Львову, в которой кратко отметила: «Уверены, что справедливые требования украинского народа и его демократической интеллигенции будут удовлетворены». И министру юстиции А.Ф. Керенскому, чуть приоткрыв ей сущность своих требований: «Верим, что отныне не будет обездоленных народностей и что недалеко уже время полного осуществления наших давнишних стремлений к свободной федерации свободных народов».¹⁹

Не дождавшись от Временного правительства ответа, который можно было бы толковать как официальное признание. Рада организовала 19 марта (1 апреля) в Киеве многотысячную манифестацию. На Крещатике, перед зданием городской Думы. Грушевский призвал участников шествия бороться за широкую автономию Украины. А на Софийской площади собравшиеся как бы голосованием одобрили резолюцию, предложенную Радой:

«Требуем от Временного правительства тесно связать вопрос автономии Украины с интересами нового строя и побудить население Украины ко всяким жертвам /подразумевалось продолжение войны – Ю.Ж./ путём немедленного издания декларации, которой была бы признана необходимость широкой автономии украинской земли».²⁰

Петроград вновь не отреагировал, и тогда Грушевский счёл необходимым ещё жёстче выразить цели националистов. Выступил в газете «Нова Рада» со статьёй, ультимативно повторив откровенно сепаратистские планы Рады. «Появилась настоятельная необходимость, – писал бывший профессор университета города Лемберг, как в Австро-Венгрии называли «свой» Львов, – обеспечить украинскому народу государственные права федерированием с Россией, а если потребуется, то и полной независимостью... Знамя независимости Украина развернёт в тот момент, когда российские централисты захотели бы вырвать из наших рук стяг широкой украинской автономии в федеративной и демократической Российской Республике».²¹

Объяснение же того, что националисты понимают под «широкой» автономией, последовало чуть позже, из Харькова. Там, на местном «украинском» съезде, и уточнили: Украина нуждается в автономии, аналогичной финляндской.²² Иными словами, со своими парламентом и правительством, денежной системой и таможенными границами, армией...

Не добившись от Временного правительства и на этот раз не только признания, но и вообще какой-либо реакции на свои заявления, Центральная Рада сделала следующий ход. Чисто пропагандистский. Собрала 6(19) апреля в Киеве так называемый Украинский национальный съезд. Правда, не использовала необходимую для того демократическую процедуру – выборы. Поступила проще. 28 марта (13 апреля) объявила, что своих представителей на съезд могут присылать все без исключения политические, просветительские, профессиональные, иные организации и общества. Но при обязательном условии – **стоящие на платформе широкой национально-территориальной автономии Украины**.²³

Съехавшихся в Киев из близлежащих сёл и местечек крестьян, учителей, агрономов, солдат не спрашивали, кого и на каком основании они представляют. Просто выдавали каждому мандат «делегата». Таким образом, заранее обеспечили поддержку с их стороны всего того, что бы ни предложили организаторы. И действительно, все полторы тысячи собравшихся (почти половина их проживала в Киеве) дружно проголосовали за резолюцию, в которой столь нуждалась Центральная Рада:

1. Украинский национальный съезд, признавая за Российским Учредительным собранием право санкции нового государственного порядка России, а также автономии Украины и федеративного устройства Российской Республики, полагает, однако, что до созыва Российского Учредительного собрания приверженцы нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными, но в соглашении с меньшими народностями создавать неотложно основания её автономной жизни.

Идя навстречу желаниям Временного правительства в деле организации и объединения общественных сил, признаёт неотложной потребностью организацию Краевого совета из представителей украинских областей и городов, народностей и общественных слоев, к чему инициативу должна взять Украинская Центральная Рада.

2. Украинский конгресс, признавая право всех наций на политическое самоопределение, полагает: а) что границы между государствами должны быть установлены согласно с волею пограничного населения; б) что для обеспечения сего необходимо, чтобы были допущены на мирную конференцию, кроме представителей воюющих держав, и представители тех народов, на территории которых происходит война, в том числе и Украина...

5. Украинский национальный конгресс поручает Центральной Раде проявить как можно скорее инициативу в деле создания прочного союза тех народов России, которые, как и украинцы, требуют национально-территориальной автономии на основаниях демократической Российской Республики.

Украинский национальный конгресс постановляет: поручить Центральной Раде организовать из своих делегатов и представителей национальных меньшинств комитет для выработки проекта автономного статута Украины, после чего этот статут будет предложен на утверждение конгрессу Украины, организованному так, чтобы он выражал волю населения всей территории Украины. Санкция автономного строя Украины признаётся за российским Учредительным собранием...²⁴

Вот так, не меньше, и не больше. Участие в мирной конференции, установление границ, да ещё и инициатива в создании «союза требующих национально-территориальной автономии» народов страны! Уже только подобный призыв в любой цивилизованной демократической стране повлёл бы немедленное уголовное преследование. Арест и суд за попытку развала государства, да ещё ведущего войну. Однако Временное правительство смолчало. Не обратило оно ни малейшего внимания и на формирование конгрессом краевых органов власти. Инсценировку избрания нового состава всё той же Центральной Рады численностью в 150 человек, нечто вроде парламента, её председателем – Грушевского и заместителями – Ефремова и Винниченко.

Одновременно сепаратисты явочным порядком приступили и к тому, что называли «украинизацией» российских вооружённых сил. Пренебрегая тем, что шла война, решили создавать из находившихся на фронте дивизий и корпусов собственные национальные формирования.

Ещё 5(18) марта несколько офицеров киевского гарнизона объявили себя Войсковой Радой. Именно она и приступила, не без пока молчаливой поддержки Центральной Рады, к набору добровольцев в Первый украинский полк имени гетмана Богдана Хмельницкого. Решительный протест, но столь же неправомерного Комитета депутатов войск Киевского военного округа, последовал 16(29) апреля. Он постановил:

«1. Всякое переформирование частей войск не может не отразиться на боевой мощи всей армии. 2. Формирование отдельного украинского полка потребует по техническим условиям значительного времени. 3. Формирование украинских частей может дать толчок требованиям выделения всех украинских элементов из общей русской армии. 4. Вопрос должен быть поставлен на обсуждение Фронтового /Юго-Западного фронта – **Ю.Ж.**/ съезда 20 апреля... 6. Обратиться к Киевской Войсковой Украинской Раде с просьбой склонить 3000

украинцев /выразивших желание служить в полку имени Хмельницкого – **Ю.Ж.**/ немедленно отправиться в армию в общем порядке».

Решение Комитета поддержали – а иначе и не могло быть – командующий Киевским военным округом генерал-лейтенант Н.А. Ходорович и начальник штаба округа генерал-майор Н.Э. Бредов, рассматривавшие самовольное формирование полка как вопиющее нарушение воинской дисциплины, а также Киевский Совет рабочих депутатов.²⁵ Но что-либо изменить они так и не смогли.

Временное правительство знало о происходившем. Во всяком случае, должно было знать, ибо о том кричали все петроградские газеты. Знали, но бездействовали. Бездействовал премьер, он же министр внутренних дел Г.Е. Львов. Бездействовали министры, военный – А.Н. Гучков, юстиции – А.Ф. Керенский. Видимо, уповали на правительственную декларацию от 27 марта (9 апреля), которая в самой общей форме пообещала:

«Цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов».²⁶

2. На полпути к решению

Столь же безучастными к целостности страны оказались и все основные партии России – кадеты, эсеры, меньшевики. Более всего их беспокоили только два вопроса: обоснование их собственной поддержки Временного правительства да сохранение верности союзникам, и для того продолжение войны любой ценою. Все остальные проблемы, требовавшие незамедлительного решения, оставляли на будущее, на волю Учредительного собрания.

Лишь большевики поспешили, ещё не выработав новый взгляд на события, сделать достоянием широкой гласности свой старый, довоенный, документ. Опубликовали по инициативе В.М. Молотова 17(30) марта в «Правде» (тираж 85 тысяч экземпляров) выработанную Сталиным резолюцию по национальному вопросу. Принятую давным-давно, ещё летом 1913 года. Ею же напомнили об отрицательном отношении к проявлению национализма в любой форме:

«1. Необходима... широкая автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей, **на основании учёта самим местным населением хозяйственных и бытовых условий**, национального состава населения и т. д. 2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства, безусловно, вредно...»/выделено мною – **Ю.Ж.**/.

Затрагивая всё же вопрос о праве наций на самоопределение, большевики вроде бы признали его – «с.-д. партия, безусловно, должна отстаивать это право». Но тут же следовала серьёзнейшая оговорка, вернее, фактическое отрицание такого права: «5. Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, сточки зрения интересов всего общественного развития... Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетённых наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремление разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций».²⁷

Последний пункт и делал дореволюционную резолюцию крайне актуальной. Яснее выразить отношение ко всевозможным поползновениям националистов было невозможно.

Вот в такую обстановку и пришлось окунуться 12(25) марта Сталину. Сошедшему в Петрограде с поезда, привёзшего его из далёкого провинциального сибирского города Ачинска.

Пять дней поездки чуть ли не через половину России, да ещё в вагоне третьего класса, общем – не разделённом на купе, без постельного белья, на жёстких деревянных полках – само по себе оказалось весьма неприятным испытанием. И всё же оно стало для Сталина предвестником счастья. В последнюю минуту вместо призыва на воинскую службу, отправки на фронт в серой солдатской шинели, его подхватил вихрь революции, о которой он мечтал не одно десятилетие. Да ещё принёс в самый центр бурных событий, в столицу. Туда, где его сразу же ввели в руководство партии, действовавшей отныне открыто, свободно. Из ссыльного он превратился в гражданина, который может не только влиять на происходящее, но и на будущее. Если сумеет изменить жизнь так, как ему мечталось в Новой Уде и Сольвычегодске, в Туруханском крае. Так, как подсказывали знания, опыт профессионального революционера.

Уже в день приезда Сталина ввели в ЦК. Пока самообразовавшегося, никем не избранного – не было для того условий. Включавшего восемнадцать человек, среди которых отсутствовали будущие вожди – Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий. А три дня спустя Сталина сделали и членом Президиума ЦК – временного высшего руководящего органа большевистской партии. Вместе с ещё четверыми – П.А. Залуцким, А.Г. Шляпниковым, М.К. Мурановым, Е.Д. Стасовой. Всеми теми, кто и много лет позднее будет оставаться в руководстве партии либо бросать ему вызов, переходя в оппозицию.

Всё? Оказалось, ещё нет. 15(28) марта Сталина ввели и в редакцию газеты «Правда», возобновлённой всего за десять дней перед тем В.М. Молотовым. Дали поручение, значившее в тех условиях не меньше, чем в далёком будущем – избрание членом Политбюро. Ведь из примерно 24 тысяч большевиков только около тысячи находились в Петрограде. И потому им, а не кому-либо иному, предстояло самостоятельно, в самые ответственные дни, вырабатывать партийную линию. Пропагандировать её. Нести в самые широкие массы – рабочим, солдатам страны – своё видение революции. Организовывать эти массы, убеждая именно в своей правоте, вести за собою в жарких политических баталиях.

Мало того, 18(31) марта ЦК делегировал Сталина и в состав Исполкома Петросовета. Казалось бы, теперь ему следовало сосредоточиться, отдавая все силы, только там. Ведь оттуда скорее всего можно было начать восхождение к вершине власти. Однако Сталин отказался от такого пути. Предпочёл публицистику и стал регулярно писать для «Правды». Чуть ли не ежедневно – за девятнадцать мартовских дней – семь статей. Острых, злободневных, нелицеприятных. Простых по стилю, почему и понятных малограмотным читателям, очень далёким от политики.

Первая статья увидела свет 14 марта. О самом важном, по мнению большевиков, – «О советах рабочих и солдатских депутатов». Вторая, 16 марта, – «О войне», третья и четвёртая, 17 и 18 марта, – о власти нынешней и власти будущей – «На пути к министерским портфелям», «Об условиях победы русской революции». И только пятую и седьмую Сталин посвятил тому, что интересовало, волновало его больше всего. Тому, что внезапно, но только не для него, начало приобретать судьбоносное значение – национальному вопросу, перераставшему на глазах в национализм, и сразу же в сепаратизм. Заговорил же о том первым из лидеров всех без исключения российских партий.

Информационный повод нашёлся быстро. 20 марта (2 апреля) Временное правительство приняло постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».²⁸ Если судить только по названию – решение раз и навсегда слишком давно перезревшей, весьма болезненной проблемы. Но стоило только внимательно вчитаться в текст документа, как становилось ясным – он затрагивает интересы лишь... евреев, и никого более. К тому же,

сам текст подготовили столь стыдливые люди, что ухитрились ни разу прямо не упомянуть тех, для кого и отменяли черту оседлости, кому предоставляли права, равные всем остальным гражданам страны – возможность заниматься общественной деятельностью, учиться в любых, средних и высших учебных заведениях, поступать на гражданскую службу.

«Всё это очень хорошо, – вроде бы соглашался Сталин с постановлением в статье «Об отмене национальных ограничений». Но было бы непростительной ошибкой думать, что декрет этот достаточен для обеспечения национальной свободы, что дело освобождения от национального гнёта доведено уже до конца. Прежде всего, декрет не устанавливает национального равноправия в отношении языка».

Почему же Сталин прежде всего затронул вопрос о языке, точнее – о национальных языках? Да только потому, что в отличие и от авторов постановления Временного правительства, и от тех, кто срочно возжаждал автономии, и не меньшей, чем обладала Финляндия, помнил о наиважнейшем. О том, что в стране слишком много народов, говорящих на своём языке. Более того, подавляющее большинство их неграмотно, почему любые рассуждения о возможном разделе территории России по национальному признаку мгновенно превратят её в новую Вавилонскую башню, которая непременно рухнет. Развалится.

«Как быть, – растолковывал Сталин, сознательно выходя за рамки комментируемого документа и преднамеренно обостряя проблему – с областями с компактным большинством не из русских граждан, говорящих не на русском языке (Закавказье, Туркестан, Украина. Литва и пр.)? Нет сомнения, что там будут свои сеймы /автор имел в виду органы местного самоуправления – **Ю.Ж.**/, а значит и «делопроизводство» (отнюдь не частное!), как и преподавание в учебных заведениях (не только в «частных») – всё это, конечно, не только на русском, но и на местных языках». И тут же предложил собственную программу действий. Давно продуманную, обоснованную, выстраданную самой жизнью в царской России.

«Кто хочет, – писал Сталин, – установить действительное национальное равноправие, тот не может ограничиться отрицательной мерой об отмене ограничений, – он должен от отмены ограничений перейти к положительному плану, обеспечивающему уничтожение национального гнёта. Поэтому необходимо провозгласить:

1. политическую автономию (не федерацию!) областей, представляющих целостную хозяйственную территорию /выделено мной – Ю.Ж./ с особым бытом и национальным составом населения, с «делопроизводством» и «преподаванием» на своём языке;

2. право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут оставаться в рамках государственного целого».²⁹

Не трудно заметить, – как и четырьмя годами ранее, Сталин продолжал решительно отвергать даже мысль о федерации. Считал необходимым и вместе с тем вполне достаточным лишь автономию, то есть самоуправление областей. Но таких, чью территорию определит наиважнейшее с его точки зрения – экономические связи, сложившиеся, как можно предположить, довольно давно. И лишь на третье (!) место при определении таких областей ставил национальный состав.

Говоря же о самоопределении, вернее, отделении от России, то такую возможность Сталин явно предусматривал только для Финляндии и Польши. Он достаточно хорошо понимал, что под воздействием событий как мировой войны, так и падения самодержавия, они обязательно будут продолжать добиваться и непременно добьются полной независимости. Тем более что Временное правительство безрассудно потворствовало тому.

Но обоснования, мотивировку своего плана Сталин сразу же посчитал совершенно недостаточными. Уж слишком много говорили и писали о необходимости раздробления России на обособленные только по национальному признаку области, не встречая ни малейшего возражения ни от кого. Потому и счёл важным и своевременным развить свою глав-

ную мысль в ещё одной статье для «Правды». Подчёркнуто вызывающе назвал её: «Против федерализма».

Сталин не стал полемизировать с латышскими и эстонскими, украинскими и грузинскими автономистами. Поступил иначе. Объектом критики избрал путанные рассуждения некоего И. Окулича, опубликованные эсеровской газетой «Дело народа». Следовательно, взгляды, разделяемые и поддерживаемые этой самой популярной тогда в стране партией. Как выяснилось, не просто заигрывавшей с политиками окраин, но без боя, малейшего сопротивления капитулировавшей под давлением националистов.

«Пусть федеральное Российское государство, – возглашал безответственно Окулич, – примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т. д.) атрибуты суверенитета... Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием «Российский союз областей». И для подтверждения такого взгляда приводил как пример для подражания образование Соединённых Штатов.

Вот тут-то Сталин и «поймал» незадачливого писака. Напомнил и ему, и всем эсерам, и читателям «Правды» азбучные истины. Что США создали отдельные до того колонии, что то же самое ранее произошло в Швейцарии, а позже – в Канаде, на обстоятельства возникновения которых также ссылался Окулич.

«О чём же говорят эти факты? – риторически вопрошал и сам же отвечал Сталин. – Только о том, что в Америке, как в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идёт не в пользу федерации, а против неё. Федерация есть переходная форма... Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не берёмся, конечно, повернуть назад колесо истории. Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обречённой на исчезновение».

Далее Сталин стал развивать высказанную мысль, обосновывая её. «Для всех ясно, – указал он, что области в России (окраины) **связаны** с Центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы... Для того чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы **порвать** уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно».

Не ограничив тем аргументацию, Сталин продолжал, приведя не менее, а может, и более значимое доказательство своей правоты. «Америка, – возобновил он школьный урок, – также, как и Канада, и Швейцария, разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому». Растолковывал: в США сорок восемь штатов на семь-восемь национальных групп, в Швейцарии при трёх национальных группах – двадцать пять кантонов.

«Не то в России, – пояснял он. – То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина. Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определённые уголки России с определённым бытом и (не русским) национальным составом населения... Автономию (или федерацию) областей России для того, собственно, и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак».

И чтобы ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения в сути его взглядов, Сталин категорически заявил: «Не ясно ли, что **федерализм в России не решает и не может решить национальный вопрос** /выделено мной – Ю.Ж./, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?» И далее повторил предложен-

ный двумя днями ранее план, несколько скорректировав его применительно к новым обстоятельствам.

«Решение национального вопроса, – настойчиво предлагал Сталин, – должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

1. право на отделение /в первой статье он ещё использовал весьма неопределённое понятие «самоопределение» – Ю.Ж./ для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2. политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции, для областей, отличающихся национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так, и только так должен быть решён вопрос об областях России!»³⁰

Здесь не могут не возникнуть два естественных вопроса.

Почему же Сталин изменил порядок всего двух пунктов своей прежней программы, почему внёс существенные сокращения в прежде устойчивое определение понятия «область»?

Не может вызвать сомнения, первым пунктом он сделал самое серьёзное и в то же время неизбежное – отпадение Финляндии и Польши. Только их, ибо при перечислении в обеих статьях областей с «компактным нерусским населением» именно они и не были упомянуты.

Ответ на второй вопрос не может быть таким же безусловным. Скорее всего, Сталин исключил три из четырёх характеристик областей, которые могли бы в принципе претендовать на автономию, – «целостная хозяйственная территория», «особый быт», «делопроизводство и преподавание на своём языке» – лишь потому, что счёл излишним повторять их, а кроме того, решил привлечь внимание читателей только к одному аспекту сложной проблемы, чисто национальному.

После статьи «Против Федерализма» Сталину пришлось на время отказаться от выражения собственных взглядов на будущее административное устройство России. Поступить так потому, что возвращение 3(16) апреля в страну В.И. Ленина заставило всех находившихся в Петрограде большевиков срочно заняться выработкой новой программы партии. Вернее, обсуждать её основные положения, предложенные Лениным как «Апрельские тезисы», положенные в основу изданной уже 10(23) апреля работы «Задачи пролетариата в нашей революции».

Естественно, Ленин прежде всего уделит первостатейное место таким вопросам, как соотношение классовых сил, двоевластие, внешняя и внутренняя политика Временного правительства, возможное перерастание революции буржуазно-демократической в социалистическую. Национальный же у него оказался только четырнадцатым из девятнадцати. И изложил он его весьма своеобразно. Наметил как бы два взаимоисключающих друг друга, вроде бы противоречивых варианта решения.

Первый – при сохранении существующего политического положения. В таком случае предложил партии «отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетённых царизмом, насильственно присоединённых или насильственно удерживаемых в границах государства, т. е. аннексированных».

Как альтернативу высказал Ленин и иное воззрение. «Пролетарская партия, – писал он, – стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилем, а исключительно свободным братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций».

Для того же, чтобы снять кажущееся противоречие между двумя положениями, Ленин предлагал: «Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила добровольного притяжения к такой республике трудящихся масс всех наций».³¹

Итак, по Ленину – либо аннексии и распад страны, либо республика Советов. Третьего не дано.

Как для первого, так и для второго варианта возможного решения ключевым, помимо «советов», являлось ещё и такое понятие, как «аннексия». Насильственное присоединение или удержание какой-либо территории. Понятие, которое вот уже почти год не сходило с уст руководителей (как стран Антанты, так и Центральных держав). Стало расхожим оно и для членов Временного правительства. Все они без исключения дружно отреклись от «аннексий», предлагая взамен её «самоопределение».

Своё представление и об аннексии как таковой, и о том, как же относиться к ней при начавшемся распаде России, Ленин выразил 17(30) апреля на заседании солдатской секции Петросовета, при ответе на вопрос о судьбе Курляндии. Фактически аннексированной Германией, но в то же время постановлением Временного правительства объявленной составляющей нового территориально-административного образования – Латвии, неразрывной и неотъемлемой части страны.

Отношение Ленина к бесспорному с правовых позиций курляндскому вопросу оказалось, мягко говоря, весьма своеобразным. Ведь основывалось оно не на собранных им самим специально исчерпывающих данных, нет. Под влиянием лишь отрывочной информации, случайно почерпнутой из швейцарских, немецких да французских газет, далёких от объективности. Ещё бы, идёт война!

– Отвоевание Курляндии, – пренебрегая даже видимостью логики, толковал Ленин солдатам, не желавшим ехать либо возвращаться на фронт, – аннексия, так как в таком случае Германия имеет право на отвоевание своих колоний. Нужно предоставить право народу самому решать, как он хочет жить... Воевать за Курляндию не стоит, но стоит воевать за свободное решение Курляндии присоединиться, куда она хочет.³²

Так какой же путь из двух намеченных Лениным следовало избрать большевикам? Первый ли – с Временным правительством, довольствуясь достижениями буржуазно-демократической революции, которые закрепят Учредительное собрание? Но в таком случае последует неизбежный распад России и от неё сохранится ничтожнейшая часть, чуть больше Московского княжества первой половины 16 века. Или второй путь – дальнейшее развёртывание революции с установлением республики Советов, единственное, что и позволит, по мысли Ленина, сохранить целостность страны. Более того, послужит и достижению следующей цели – победе пролетариата если не сразу во всём мире, то для начала в Европе. Иначе зачем слова и о «более крупном государстве», и о не названных «всех нациях»...

Сталин прежде никогда не связывал напрямую единство России с победой мировой революции. Не видел никакой зависимости между ними. Потому и оказался перед сложной лично для него моральной дилеммой. Открыто не согласиться с Лениным, решительно отстаивая собственную оценку событий и прогнозируя их развитие, внося тем самым смуту в и без того далеко пока не стройные партийные ряды в наиболее ответственный момент. Либо, скрепя сердце, признать хотя бы на словах правоту человека, перед которым он всегда преклонялся, забыв на время о своих убеждениях, принципах.

Выбирать Сталину предстояло вместе со всей партией. На её Всероссийской конференции, открывшейся 24 апреля (6 мая). Впервые проходившей в стране открыто, легально.

Форум большевиков собрал 149 депутатов, представлявших (но только по ничем не подкреплённым словам председателя мандатной комиссии Г.И. Бокия) 79 тысяч членов партии. Притом половину их составляли организации всего четырёх промышленных районов

– Петрограда, Москвы, Урала и Донецкого бассейна. Они, как и прежде, в период подполья, по всем без исключения вопросам имели собственные взгляды. Потому-то поначалу отказались принять как абсолютно верные положения, изложенные Лениным в первом же, основополагающем и ключевом докладе – «О текущем моменте». Сводившиеся к одному-единственному, по сути, требованию: Советы рабочих и солдатских депутатов должны незамедлительно взять всю власть в свои руки. Потребовали содоклада одного из лидеров партии Каменева, настаивавшего на ином: «рано говорить, что буржуазно-демократическая революция исчерпала все свои возможности».³³

И всё же, Ленину, но только благодаря настойчивой поддержке Зиновьева, удалось убедить депутатов в своей правоте. Добиться от них полной поддержки всех им предложенных резолюций. И о переходе власти к Советам, и о незамедлительной конфискации всей помещичьей земли и её национализации, и об отказе в поддержке Временного правительства. Совершенно иначе прошло девятое заседание, вечером 29 апреля (11 мая), на котором обсуждали поставленный отдельно в силу значимости и злободневности национальный вопрос.

Выступал по нему докладчиком Сталин. Уже не просто делегат конференции, но член ЦК, избранный утром того же дня с третьим по поданным голосам результатом. В.И. Ленин получил 104 голоса, Г.Е. Зиновьев – 101, И.В. Сталин – 97, Л.Б. Каменев – 95, В.П. Милютин – 82, В.П. Ногин – 76, Я.М. Свердлов – 71, И.Т. Смилга – 53, Г.Ф. Фёдоров – 48.

Выходя на трибуну, Сталин уже принял решение. Он знал, как ему поступить. Не стал полемизировать с Лениным, вроде бы проигнорировав его высказывания. Начал речь с самого простого примера, не должно вызвать разногласий. Впервые прямо назвал ту область, с отделением которой от Россиян полностью соглашался, даже всячески поддерживал.

– Первый вопрос, – обратился Сталин к депутатам, – как устроить политическую жизнь угнетённых наций? На этот вопрос следует ответить, что угнетённым народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено право самим решать вопрос, хотят ли они оставаться в составе Российского государства или выделиться в самостоятельное государство. Сейчас перед нами конкретный конфликт между финляндским народом и Временным правительством. Представители финляндского народа, представители социал-демократии требуют от Временного правительства возвращения народу тех прав, которыми он пользовался до присоединения к России. Временное правительство отказывает в этом, не признавая финляндский народ суверенным. На чью сторону мы должны стать? Очевидно, на сторону финляндского народа, потому что немыслимо признание насильственного удержания какого бы то ни было народа в рамках единого государства. Выставляя принцип права народов на самоопределение, мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнёта на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага.

Отдав, таким образом, неременный долг генеральной идее марксизма, Сталин поспешил вернуться к своей.

– Вопрос о праве наций на самоопределение, – преднамеренно и настойчиво повторяясь, продолжил он, – непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения наций в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки.

Признавая за угнетёнными народностями право на отделение, право решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства. **Я могу признать за нацией право отделиться, но это ещё не значит, что я её обязал это сделать** /выделено мной – Ю.Ж./...

С нашей стороны остаётся, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции... Я лично

высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России...

Я думаю, что девять десятых народностей после свержения царизма не захочет отделяться. Поэтому партия предлагает устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Туркестан, Украина. Географические границы таких автономных областей определяются самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и проч.

Сталин достаточно хорошо понимал; необходимо предложить не только цель – целостность страны, но и то, каким же образом обеспечить её. И потому поспешил воспользоваться самым естественным и простым. «Мы должны, – сказал он, заранее уверенный в единодушной поддержке, – ещё решить вопрос, как организовать пролетариат разных наций в одну общую партию... Практика показала, что организация пролетариата данного государства по национальностям ведёт только к гибели идеи классовой солидарности. **Все пролетарии всех наций данного государства организуются в один нераздельный пролетарский коллектив**»³⁴ /выделено мной – Ю.Ж./.

Ещё в ходе выступления Сталин зачитал подготовленный им проект резолюции по национальному вопросу. Проект, оказавшийся на редкость эклектичным, чисто механически соединившим ультрареволюционные идеи Ленина и его собственные, по сути, государственнические. Зато позволивший выйти из невероятно сложного положения, в котором он оказался на конференции как делегат, да ещё и член ЦК.

«За всеми нациями, – провозглашал проект, – входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и образование самостоятельного государства». Затем следовало то, что должно было послужить подтверждением данного постулата: «Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведёт к прямому продолжению политики царизма».

Далее без какого-либо смыслового перехода либо логического обоснования проект фактически утверждал прямо противоположное: «Вопрос о праве на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент». Вместо подталкивания России к распаду проект Сталина вновь предлагал областные автономии, границы которых следовало устанавливать «на основании учёта самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения». Но тут же, строго по Ленину, их следовало сделать «широкими», с отсутствием «надзора сверху», да ещё и с отменой «обязательного государственного языка», что отнюдь не способствовало бы сохранению целостности России. Кроме того, необходимо было отказаться от «культурно-национальной автономии, т. е. изъятия из ведения государства школьного дела и т. п., и передачи его в руки своего рода национальных сеймов».

В заключение, как гарантию от распада страны, но формально – во имя «победоносной борьбы с международным капиталом и буржуазным национализмом» – резолюция потребовала «слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях – политических, профсоюзных, кооперативно-просветительских и т. д.»³⁵

Не удивительно, что явная противоречивость проекта вызвала острую полемику. В ней же выхлестнулись сдерживаемые полтора десятка лет – со Второго съезда РСДРП (и принявшего лозунг «право наций на самоопределение»), со времён революции 1905 года – разногласия по национальному вопросу.

Первым из оппонентов докладчика выступил делегат от Киевской организации Г.Л. Пятаков. Один из членов секции, образованной конференцией за двое суток перед тем для выработки обсуждаемого документа. Он бесцеремонно обвинил Сталина в консерватизме и идеализме. Тот, мол, поставил «вопрос чисто метафизически, говоря о воле наций, а

не о воле класса», порвал с революционной линией социал-демократии Германии. Польши, Нидерландов, других европейских стран.

– В настоящее время, – сформулировал Пятаков свою позицию, – национальное государство является уже пройденным моментом, и борьба за него является в настоящее время реакционной борьбой, ибо под этим флагом будет вестись борьба против социализма.

Затем киевский делегат, которому каждодневно приходилось сталкиваться с воинствующим национализмом Центральной Рады, стал развивать свою мысль:

– В 1905 году сепаратистские движения не были так сильны, но они были революционны, а в настоящее время «национальная» буржуазия развивает эти движения как движения борьбы против социалистической революции, они стали реакционными...

– Мы против сепаратистских движений, против лозунга национальных государств, и ведём борьбу против таких движений. Раз это так, то «право наций на самоопределение» теряет реальную почву под ногами, является бессодержательным...

– Все социал-демократии ведут определённую борьбу против насильственного удержания наций в пределах государства российского, но это ещё не значит, что если мы ведём такую борьбу, то мы видим в праве наций на самоопределение положительный лозунг...

– Товарищ Сталин говорил, например, что он лично против отделения татар /подразумевалось высказывание о Закавказье – Ю.Ж./ Но политическая партия не может полагаться на то, что каждый отдельный товарищ будет высказывать своё личное мнение...

– Мы должны иметь конкретную формулировку того, что мы хотим, а не ограничиваться формулировкой абстрактного права на самоопределение, формулировкой, способной сыграть на руку мелкобуржуазной реакции.³⁶

От имени семерых из девяти членов секции Пятаков и предложил иной вариант проекта резолюции. Во многом схожий с прочитанным Сталиным. Та же областная автономия с теми же её характеристиками, тот же отказ от культурно-национальной автономии. Но всё это – **во имя предотвращения «раздробления крупных государственных образований на мелкие национальные государства»** /выделено мной – Ю.Ж./ Однако действенным средством такого решения проблемы «семёрка» сочла не единую партию, а социалистическую революцию под новым, привлекательным для многих радикальным лозунгом «Долой границы!». И предложила отказаться даже от упоминания «права наций на самоопределение».³⁷

Такого Ленин стерпеть не смог. Ринулся в бой, но не столько для критики высказанного Пятаковым, сколько того, о чём умолчал Сталин, но подразумевал, вынудив высказаться семерых. Открыто поставить вопрос – должна ли Россия оставаться наднациональным государством или стать чисто национальным, сохранив в своих границах территорию, населённую лишь русскими.

– Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? – патетически воззвал Ленин к делегатам конференции.

В пылу спора он «забыл» о Британской, Французской, Германской империях, которые в своих колониях угнетали несоизмеримо большее число народов. «Забыл», что о Польше речи не могло и быть, ибо полгода она фактически являлась независимой от России. Да и Финляндия, как бы Временное правительство не пикировалось с сеймом, находилась буквально накануне обретения полного суверенитета.

– Надо в России налегать на свободу отделения угнетённых наций, а в Польше подчёркивать свободу соединения, – упорно толковал всё об одном и том же Ленин. Уповал же на весьма призрачную классовую солидарность да на силу своей диалектики. И продолжал настаивать на чреватом страшными последствиями:

– Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист...

– Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская Республика и Российская Республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, если у нас будет республика Милюкова, то отделятся...

В выступлении Ленина не хватало лишь одного. Объяснения, что же общего между независимой Польшей, автономной более ста лет Финляндией и той неопределённой территорией, которую вслед за Центральной Радой он называл Украиной.

Столь же резким, категоричным в суждениях оказался и Дзержинский, поддержавший Пятакова:

– Речь товарища Ленина меня не убедила. В его речи не было того ответа, какой товарищ должен был бы дать. Я скажу, что если товарищ Ленин упрекает польских товарищей в шовинизме, то я могу его упрекнуть в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов. Не знаю, что лучше...

– Товарищ Ленин сказал, что русские должны быть по отношению к сепаратистскому движению совершенно нейтральны, а польские социал-демократы должны с ним бороться. Какая это социал-демократическая точка зрения? Наши позиции должны быть одинаковыми...

– В каждом конкретном отдельном случае надо проанализировать, какие силы двигают и питают сепаратистское движение, и в каждом отдельном случае надо дать определённый ответ. И когда польские рабочие ждут от вас определённого ответа, каким образом решить финляндский вопрос, польский, украинский, вы отвечаете – правом наций на самоопределение. Значит, вы определяете их волю? А что такое нация? Разве нация есть нечто единое?

– Почему подняли голову сепаратистские стремления в своих углах? Дали ли вы в резолюции /Дзержинский отлично понимал, кто является истинным автором документа – **Ю.Ж.**/ анализ этому движению? Почему именно теперь оно разразилось?

– Построение в настоящий момент (национальных) границ есть стремление к классовому господству... Наша сила, сила рабочего класса, заключается в том, что наше хозяйственное целое объединяет весь мир, нас всех объединяет уничтожение границ...

– Наш конкретный ответ: национальный гнёт может быть уничтожен только при полной демократизации государства борьбой за социализм. Сепаратистские же стремления есть стремления борьбы с социализмом. Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение...

Дзержинского попытался опровергнуть Зиновьев. Со столь же чисто теоретических, как и Ленин, позиций марксизма, весьма далёких от российской действительности. Возражал не по существу – просто играл терминами. Но, главное, как и Ленин, подгонял всё к достижению заветной цели – победе мировой революции:

– Человек, который ставит вопрос так, как Пятаков, стоит на точке зрения национализма... Именно потому вопрос национальный ставится в такой острой форме, что он осложняется вопросом о колониях. Мы должны стоять за самоопределение, за право на отделение. Поскольку мы говорим о колониях, мы ставим этот вопрос в связи с империализмом...

– Социалистическая революция будет складываться из целого ряда конфликтов, столкновений в самых различных областях. Мы видим, что в ходе этой войны в нашу революцию приходят много других моментов, в особенности, национальный. Мы видим, например, частые восстания французских колоний в Африке...

– Для того чтобы усиливать, разжигать социальную революцию, для того, чтобы поднять весь Восток, чтобы поднять угнетённые народы на помощь мировой революции, мы

должны дать такой ответ: «прочь империалистов из колоний, и притом без всякого выкупа». Так мы ставим вопрос о социалистической революции!

Делегат Тифлисской организации Ф.М. Махарадзе попытался вернуть участников конференции из горних высей мировой революции, проблем африканских и азиатских колоний на землю. Российскую:

– Национальный вопрос – вопрос в высшей степени сложный, запутанный и вместе с тем серьёзный. К сожалению, я должен сказать, что конференция не имела возможности в должной мере осветить этот вопрос. Но, с другой стороны, я глубоко убеждён в том, что конференция не примет поспешного решения ввиду того, что этот вопрос в той плоскости, в какой он здесь поставлен товарищами Лениным и Зиновьевым, в легальной прессе до сих пор ещё не обсуждался...

– Разве из принципа «признание прав наций на самоопределение» само собой вытекает всё, что только можно предположить, и прежде всего полное политическое отделение известного народа от государства, которому он подчинён? И вот я и говорю, что такое именно понимание в настоящее время является для нас совершенно неприемлемым. По крайней мере, для тех, которые являются представителями именно этих мелких угнетённых национальностей...

– В настоящее время нам предлагают решить национальный вопрос в такой плоскости: установление признания права нации на полное отделение от государства без всяких оговорок... Товарищи, выдвигающие это требование, не могут, однако, последовательно его отстаивать. Они говорят: «установление этой формулы ещё не означает полного отделения...» Я прошу вас вдуматься в это второе положение. Разве оно вытекает из первого? Ничего подобного. Под вторым положением я подписываюсь обеими руками...

– В той части резолюции, где рассматривается абстрактное голословное положение, резолюция товарища Сталина теряет свою убедительность. Это положение является камнем преткновения...

– Хорошо провозглашать общие лозунги, но прежде следовало бы подумать о том, как их проводить в жизнь. Мы теряем почву под ногами, под нами будет подрублен тот сук, на котором мы сидим...

– Если мы обещаем (независимость) Финляндии, почему мы не будем обещать Украине, татарам, грузинам и т. д.? Что же тогда получится? У нас получится настоящее столпотворение, получится такая каша, которую трудно будет расхлебать. Поэтому я просил бы товарищей, чтобы они не принимали поспешного решения по этому вопросу...

– Единственное правильное решение национального вопроса – это самая последовательная демократизация общественного строя. Национальное государство в настоящее время относится к прошлому, а не к будущему.³⁸

И всё же Ленин с Зиновьевым сумели убедить делегатов конференции в своей, а не чьей-либо, правоте. Настояли на своём, добились утверждения резолюции, предложенной Сталиным (или Лениным?), 56 голосами при 16 высказавшихся против из 18 воздержавшихся.

3. Кануны

В те самые дни, когда большевики столь безуспешно обсуждали национальный вопрос, произошло то, чего и следовало ожидать. Возвестившее об очень близком, неумолимо приближавшемся распаде России. Её фактическом разделе – по воле сепаратистов, исходивших из ставшего пресловутым «права наций на самоопределение». Началось непредвиденное – ни Лениным с Зиновьевым, ни пошедшими за ними делегатами конференции.

29 апреля «Петроградская громада» – всего лишь столичное землячество украинцев – получила для вручения Временному правительству документ вызывающего содержания – «Памятную записку об областном управлении украинских губерний». Подписанная членами Центральной Рады А. Лотоцким, П. Зайцевым и А. Шульгиным, она демонстрировала нарочитое пренебрежение интересами страны. В отличие от латышских и эстонских националистов, пока удовлетворившихся административным размежеванием да полученным самоуправлением, киевские потребовали не более и не менее как изменить государственное устройство России. Коренным образом и немедленно.

«Организовать управление страной, – настаивал меморандум, – можно лишь на основе государственной децентрализации, построенной, притом, по национально-территориальному принципу». Иными словами, в разгар войны, пусть народ и стремился к её скорейшему прекращению, следовало приступить, не дожидаясь созыва Учредительного собрания и его решений, к созданию федерации. Тем самым разрушить страну, действуя в интересах только противника – Германии и Австро-Венгрии. Турции.

Стремлением расчленив Россию Центральная Рада не ограничилась. Жаждала контрфронтации, заговя отвергая всё то, что могло бы послужить основой возможных переговоров с Временным правительством о границах автономии. «Для украинских губерний, – безапелляционно утверждал меморандум, – необходимость областного самоуправления выступает с особенной силой **независимо от живущих в крае исторических и национальных традиций** /выделено мной – Ю.Ж./.

Такая формулировка была использована в документе далеко не случайно. Под «Украиной» Центральная Рада понимала отнюдь не Волынскую, Подольскую, Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Территорию, издавна сложившуюся из земель как воссоединённых с Россией в 1654 году, так и присоединённых при разделах Польши в 1793 и 1795 годах, почему и обладавших экономической, бытовой и языковой общностью.

Для Центральной Рады только Юго-Западный край показался слишком маленьким, и она без каких-либо обоснований предъявила права ещё и на Херсонскую, Екатеринославскую губернии – Новороссию, завоёванную у турок «Россией во второй половине 18 века и тогда же колонизованную переселением туда русских, украинцев, немцев, сербов, болгар, греков. Сочла Рада своей и Харьковскую губернию с абсолютным преобладанием русских, с самого начала её заселения, на рубеже 16–17 веков, принадлежавшую России как Слободская Украина (окраина).

А далее при раскрытии понятия «Украина» следовало вообще маловразумительное. Притязания на «прилегающие части» (почему-то без указания конкретных уездов, как то было в случае с Лифляндией и Эстляндией) Таврической, Воронежской и Бессарабской губерний и даже... на Кубанскую область.

Всё это убедительно демонстрировало, что федерализация России на основе столь непомерных желаний вполне может привести не только к территориальным, но и межэтническим конфликтам.

Претендуя на контроль над огромной территорией, киевские сепаратисты вроде бы изъявили готовность поделиться ещё не обрётённой властью. «Организацию общественной жизни, – поясняли они, – легко могла бы взять на себя Центральная Рада». Пригрозив тем, авторы меморандума тут же как бы шли на уступку: «Сохраняя за собой руководство национальной жизнью края. (Рада) полагает необходимым организовать областное управление при помощи специально избранного коллектива/областного совета – Ю.Ж./, облечённого надлежащими от Временного правительства полномочиями». Вместе с тем, Центральная Рада милостиво соглашалась принять у себя присланного из Петрограда областного комиссара.

Завершался же меморандум ультиматумом, форма которого была бы уместна лишь при дипломатической переписке двух независимых стран. Отказ от предложенного в документе, предупреждали его авторы, приведёт к «значительным осложнениям в настроении украинских общественных кругов и народных масс, которые получили бы основание для неблагоприятных выводов об отношении Временного правительства к украинской народности и её ближайшим интересам».³⁹

Премьер Львов на шантаж не поддался. Оставил «Памятную записку» без внимания. Потому и не оставалось сомнений в том, что правительство не только не признаёт Центральную Раду, но и решило просто не замечать её существования. Однако такая реакция властей не обескуражила киевских сепаратистов. Они не отказались от своих далеко идущих намерений. Лишь изменили тактику.

Руководство Рады понимало: ему пока не найти достаточно широкой поддержки в городах. Ведь там преобладали русские и поляки. Да и на селе чаяли не «широкой автономии», а более прозаических земли и мира. Оставалось одно – опереться на «человека с ружьём». На солдат, прежде всего, запасных полков, отнюдь не горевших желанием окантоваться в окопах, под вражескими пулями и снарядами. Вот от их-то имени и был собран 5(18) мая в Киеве так называемый Украинский войсковой съезд. Собирались те, кто готов был поддержать любого, кто избавил бы их от отправки на фронт.

Президиум съезда преднамеренно образовали по принципу непартийному, но некоего представительства. От «армии» – С.В.Петлюра, помощник главного интенданта Западного фронта от Объединенного комитета Земского и Городского союзов. От «тыла» – Н. Михновский, давно известный своими шовинистическими заявлениями провинциальный политик. От Первого украинского полка им Б. Хмельницкого – его командир полковник Ю. Капкан. И от Центральной рады – писатель В.К. Винниченко. Сообща им и удалось предельно просто добиться принятия в последний день работы съезда, 8(21) мая, именно такой резолюции, которая позволяла продолжить давление на власть.

Разумеется, прежде всего в документ включили старые, не раз выдвигавшиеся положения. По смыслу – основополагающие.

«Украинский войсковой съезд, – отмечалось в первом разделе резолюции, – считает необходимой потребностью требовать от Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины». Вслед затем Центральная Рада была объявлена «единственным компетентным органом, призванным решать все вопросы, касающиеся Украины в целом и её отношения к Временному правительству». Настойчиво подчёркивалось: «на мирной международной конференции была представлена Украина в лице своих депутатов от организованного украинского народа во всей СВОЕЙ совокупности» / видимо, включая население австрийских Восточной Галиции и Буковины – **Ю.Ж.** /

Включила резолюция и непеременимые в те дни популистские лозунги. Пообещала украинцам землю – но после Учредительного собрания, и мир – только после победы. Но главным её содержанием стало иное. Совершенно новое требование, изложение которого заняло более половины текста документа. Раздел «Об украинизации армии»:

«Съезд признаёт немедленную национализацию армии на национально-территориальном принципе. В частности съезд объявляет необходимость украинской национальной армии. В этом деле съезд признаёт: а) что в существующих военных единицах в тыловых частях все украинские воины, как офицеры, так и солдаты, должны быть немедленно выделены в отдельные части; б) в военных единицах на фронте выделение должно производиться постепенно, в зависимости от тактических и других военных условий, постольку поскольку такое выделение не будет вносить дезорганизацию на фронтах.

Что касается флота, то съезд по тем же мотивам считает возможным и необходимым: а) в Балтийском флоте скомплектовать некоторые корабли исключительно из команд украинской национальности; б) что касается Черноморского флота, то принимая во внимание то обстоятельство, что этот флот и в настоящее время состоит в подавляющем большинстве из украинцев, съезд признает необходимым в дальнейшем пополнять его исключительно украинцами.

Для практического осуществления принятых постановлений Украинский войсковой съезд решает создать временный Украинский Войсковой Генеральный Комитет при Центральной Украинской Раде, который будет ведать украинскими военными делами и работать в тесном контакте с российским Генеральным штабом».⁴⁰

Это был вызов, не ответить на который Временное правительство не могло. Тем более что в Петроград неделю спустя прибыла делегация Центральной Рады, включавшая обоих заместителей её председателя, В.К. Винниченко и С.А. Ефремова, а также представителей краевых националистических объединений и организаций – украинских партий, социал-демократической, социалистов-революционеров, социал-федералистов, Крестьянского союза, только что образованного Войскового Генерального Комитета.

16(29) мая они посетили Г.Е. Львова и вручили ему новый вариант своих домогательств. Весьма возросших, по сравнению с теми, что содержались в «Памятной записке», и изложенных в более категорическом тоне. Правда, не включавших оказавшимися слишком болезненными вопросы о границах края:

«1. Ввиду настойчивого и единодушного требования автономии Украины, выставляемого украинской демократией, от Временного правительства ожидается выражение в том или ином акте принципиально-благоприятного отношения к этому лозунгу...

3. Для всестороннего осведомления правительства о настроениях на Украине и потребностях украинского населения, а равно и для практического содействия правительству в проведении различных мероприятий, вызываемых особенностями жизни края, необходимо учредить при Временном правительстве должность особого комиссара по делам Украины.

4. Для объединения правительственных мероприятий во всех губерниях с украинским населением требуется учреждение на Украине должности особого комиссара с областным при нём советом».

Повторила Рада в «Записке» и положения, только что утверждённые Войсковым съездом:

«2. Неизбежность постановки украинского вопроса на международной конференции в связи с судьбой Галичины и частей украинской территории, занятой германцами, вынуждает ныне же принципиально решить в положительном смысле вопрос об участии в этой конференции представителей украинского народа, ибо такое участие требует немедленно предпринять подготовленные практические шаги по сношению с зарубежной Украиной...

5. В интересах поднятия боевой мощи армии и восстановления дисциплины необходимо проведение в жизнь выделения украинцев в отдельные воинские части как в тылу, так, по возможности, и на фронте».

Требованиями прямого участия, пусть и по весьма узкому кругу проблем, во внешнеполитической деятельности страны и создания собственной национальной армии делегация не ограничилась. Сочла возможным ещё и настаивать на финансировании нескрываемой сепаратистской работы:

«8. Для удовлетворения национально-культурных потребностей, подавленных при старом режиме, необходимо предоставить из Государственного казначейства в распоряжение Центральной Рады соответствующие средства».

Последним же пунктом делегация решила добиться фактической реабилитации лиц, высланных из края за проавстрийскую пропаганду, а также сосредоточить на подконтрольной Раде территории австрийских пленных – украинцев:

«9. Необходимо разрешить выезд на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, а также облегчить участь пленных украинцев галичан, разместив их в украинских губерниях».⁴¹

На этот раз премьер не уклонился от обсуждения, но и не стал с ним торопиться. Передал записку с требованиями Рады по принадлежности – заместителю министра внутренних дел Д.М. Шепкину, который и подготовил ответ, опубликованный 2(15) июня в «Вестнике Временного правительства» как официальный документ:

«Все вопросы, связанные с автономией как Украины, так и других местностей государства, могут быть разрешены лишь Учредительным собранием».

Тем временем к пока довольно осторожным, по сравнению с украинскими, просьбам Ревеля, Риги, Тифлиса о предоставлении им автономии, прибавилась более серьёзная, настоятельная. Из Елизаветполя (Гянджи), губернского центра, населённого, в отличие от соседнего Баку, исключительно азербайджанцами. Там еще 15(28) апреля состоялся Учредительный съезд Тюркской партии федералистов. Её же программа как основную задачу поставила осуществление:

«1. демократической республики на национально-территориально-федеративных началах вообще и в России в частности; 2. территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии; а также: 3. национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей».⁴²

А три недели спустя те же цели подтвердил и прошедший в Москве Всероссийский мусульманский съезд. Он постановил «признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах, причём национальности, не имеющие определённой территории, пользуются культурной автономией».⁴³

Ставшие общими и господствующими представления политиков национальных окраин о будущем устройстве страны обязательно как федерации подводили к неизбежному. К признанию властью многочисленных автономий. Но автономий, если судить по требованиям финского сейма и Украинской Центральной Рады, всего лишь как вынужденного компромисса. Как промежуточной стадии при переходе России от бывшей унитарности к возникновению на её месте множества независимых государств. Пусть не сразу, через несколько лет, но непременно.

Такая ситуация требовала от Временного правительства и ведущих общероссийских партий срочного принятия решений.

О самых жёстких мерах по отношению к наиболее рьяным сепаратистам. И о том, какой же России быть после Учредительного собрания, на котором депутаты-националисты вполне могли оказаться в большинстве. Однако почти все, кто и являлся властью – партии, представленные во Временном правительстве, ставшем с 6(19) мая коалиционным, включавшем шесть министров эсеров и меньшевиков, – опьянённые воздухом революции, воздухом никогда прежде не испытанной свободы, продолжали видеть всё в розовом свете.

Полное непонимание происходившего продемонстрировало правое крыло социал-демократии – меньшевики всех групп и организаций. Делегаты её объединительной конференции, проходившей в Петрограде с 7(20) по 12(25) мая, не стали вникать в сущность национального вопроса. Судя по результатам, ограничились повторением давнего положения,

внесённого в программу РСДРП ещё в далёком 1903 году. Без дискуссий, споров включили в свою новую предвыборную программу то, что сочли необходимым для новой России:

«Широкая политическая автономия для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями. Границы этой автономии и взаимоотношения между автономными областями устанавливаются Учредительным собранием, причём российский пролетариат будет отстаивать условия, обеспечивающие единство и успешность классовой борьбы и наиболее благоприятствующие развитию производительных сил как отдельных областей, так и России в целом».⁴⁴

Словом, не предложили ничего отличного от резолюции большевиков. Лишь отказались от прямого упоминания права наций на самоопределение, но исходили из него, да оставили все конкретные решения за Учредительным собранием.

Практически ту же по содержанию резолюцию принял и Третий съезд самой многочисленной и популярной тогда партии, социалистов-революционеров. Только – в силу заботы исключительно об интересах крестьянства – исключили из неё упоминание о единстве пролетариата России. Единодушно, даже без какого бы то ни было обсуждения, высказались «за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России».⁴⁵

Только кадеты, переименовавшие себя в партию народной свободы, заняли отличную от прочих позицию. Выступая 9(22) мая при открытии Восьмого съезда, П.Н. Миллюков признал: во внутренней политике перед страной стоят «два вопроса – аграрный и национальный». Однако прежде всего остановился на национальном.

«Задачи широкой децентрализации страны, – признал он, – сейчас ставятся шире, чем они ставились раньше, и партия народной свободы попытается найти решение, которое, давши возможность местностям России создать у себя местную автономию на началах местного законодательства, в то же время **не разрушили бы государственного единства России. Партия народной свободы для настоящего момента не считает правильным разрешение вопроса в смысле организаций национально-территориальных, но ОНА не исключает возможность для существующих исторических территориальных делений (губерний) впоследствии искать для себя путь к объединению, где соседние территориальные единства /губернии – Ю.Ж./ населены одинаковыми народностями, и даже к соответственному изменению границ**»⁴⁶ /выделено мной – Ю.Ж./.

Так обнаружилось если не полное тождество, но необычайная близость взглядов Миллюкова и... Сталина. Людей, представлявших не только противоположные, но и предельно враждебные политические партии. Первый – по принятой тогда терминологии – буржуазную, второй – социалистическую. Объединило же их, но лишь при подходе к национально-территориальному вопросу, только одно – забота о целостности страны. То, о чём почему-то почти все забыли.

Правда, Миллюков, впрочем, как и Сталин, не стал углубляться в тему. Предоставил возможность аргументировано, теоретически обосновать собственную позицию Ф.Ф. Кокошкину Своему старому соратнику и бессменному члену руководства партии, блестящему знатоку права – в прошлом приват-доценту Московского университета. А ещё и автору брошюры «Автономия и федерация», только что изданной как материал для обсуждения на съезде.

Кокошкин же в докладе напрочь отказался от любых недомолвок. Начал с категорического утверждения, что такие понятия, как национально-территориальная автономия и федеративное устройство государства никоим образом не взаимосвязаны, не обуславливают друг друга. Напомнил общеизвестные факты. Существующие федерации – Швейцария, Соединённые Штаты Америки, Южно-Африканский Союз – построены отнюдь не по национальному признаку. Более того, даже отвергают его. Вместе с тем, такие полиэтнические страны, как, к примеру, Бельгия, являются унитарными государствами.

Только затем Кокошкин выдвинул веские возражения против превращения России в федерацию, о какой грезил политики окраин. Прежде всего, подчеркнул докладчик, препятствует такому административному преобразованию «крайняя неравномерность численности всех национальностей, неравномерность занимаемой ими территорий». Обращаясь как к читателям брошюры, так и к участникам съезда, задал риторический вопрос – какой же оказалась бы Россия, став федерацией? И сам же ответил:

«В неё вошла бы Великороссия в количестве около 80 миллионов населения, Украина – я не настаиваю на точных цифрах, а беру грубо-приблизительно – в количестве 25–30 миллионов населения, а затем ряд средних и мелких национальностей, включительно до самых мелких, насчитывающих лишь несколько сот тысяч членов в своей среде... Тут прежде всего возникает вопрос о той компетенции /правах – **Ю.Ж.**/, которая должна принадлежать составным частям этой федерации – национально-территориальным автономным штатам». И обозначил все возможные юридические решения.

Первое – если «будет принят масштаб провинциальных автономий компетенций составных частей федерации». Но это явно не удовлетворит более крупные национальные группы. Второе – «если в пределах федерации для каждой составной части России компетенцию отмерить широко, как это соответствовало бы величине наиболее крупных национальностей, то, надо сказать, компетенция центральной власти оказалась бы сведённой почти к нулю».

«Можно, – продолжал рассуждать Кокошкин в присущей ему академической манере, – отмерить компетенцию составных частей России неравно, можно большим национальностям дать широкие права автономии, а мелким... узкие». И тут же пояснил, что тогда всё зайдёт в «государственно-правовой тупик».

«Если, – продолжал Кокошкин, – крупным национальностям будут отмерены широкие права, то тем самым крупные национальности будут решать обособленно, независимо друг от друга, у себя дома целый ряд важнейших дел, а меньшие национальности таких важнейших дел у себя дома решать не будут, и эти важнейшие дела мелких национальностей будут подлежать рассмотрению общегосударственного парламента... Но тогда мы будем иметь самую чистую и одиозную форму опеки крупных национальностей над мелкими».

«Тем самым, – пояснил Кокошкин, – будет отвергнут самый существенный принцип федерации – равное участие её составных частей в управлении государством».

Рассмотрел докладчик и ещё один, четвёртый по счёту вариант построения федерации. Тот, при котором всем автономиям предоставлялись бы равные права. Рассмотрел детально и тут же категорически отверг из-за полной его несостоятельности. «Мыслимо ли это дело, – воскликнул он, – чтобы в решении важнейших государственных дел восьмидесятимиллионный великорусский народ имел такой же голос, как любая национальность, насчитывающая несколько сот тысяч членов? Это, конечно, немыслимо. И такая федерация была бы заранее осуждена на смерть с самого своего начала».

Казалось, Кокошкин разобрал уже все возможные варианты переустройства страны на национально-территориальных началах. Но нет, привёл пример ещё одного, наиболее опасного, по его мнению, и потому неприемлемого, как и все остальные. Тот, при котором предполагалось одновременное введение как национально-территориальной, так и ПРОСТО

территориальной автономии. «По этим планам, – объяснил правовед, – великорусская национальность должна распасться на целый ряд автономных областей/он подразумевал Урал, Сибирь и т. д. – Ю.Ж./, а Литва, Украина, Белоруссия и другие должны составить целые этнографические объединённые единицы». И заключил: «этот план практически неосуществим».

Продолжая анализ, докладчик подытожил: «Разделение России по национальному признаку логически ведёт в лучшем случае не к федерации, а к так называемому союзу государств, к конфедерации... свободному союзу суверенных государств, соединённых на началах международного договора». Только потом подвёл окончательный итог: «Если бы **конфедерация народностей** и была осуществлена в России, нужно ПРЯМО сказать, что она **ведёт к распадению России, к разрушению государственного единства, и образованию союза самостоятельных национальных суверенных государств**» – /выделено мной – Ю.Ж./.

Не забыв об уже возникших непримиримых разногласиях из-за разграничения национальных областей, предупредил: «эти междунациональные споры... могут дойти, может быть, даже до вооружённого столкновения».

Однако не следует считать, что в выступлении Кокошкин лишь отвергал всё, на чём только ни настаивали политики окраин.

Предложил он и позитивный план. Да, воспользоваться идеей **автономии**, но «совершенно иного типа, **чисто территориальной, поставленной в зависимость от всей совокупности экономических, этнографических, бытовых и других условий** /выделено мной – Ю.Ж./...так, чтобы губернии могли сливаться в более обширные области, если это соответствует желанию местного населения, или, напротив, разделяться на составные части».⁴⁷

В последовавших за докладом прениях все выступившие кроме двух участников съезда (от Чернигова и оккупированной Литвы) поддержали взгляды Кокошкина. Потому-то резолюция или новая редакция программы партии и закрепила следующее:

«24. Высшим территориальным самоуправляющимся союзам (губернским или областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издание местных законов) в определённых сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни...

25. При установлении Конституции Российской Республики упомянутые уже в предыдущем параграфе права местной автономии предоставляются органам самоуправления губерний и соответствующих им территориальных делений (ныне существующих областей). Вместе с тем, Конституция должна открыть закономерный путь к удовлетворению желаний местного населения относительно слияния установленных территориальных единиц в более обширные области, разделения их на меньшие единицы и изменения их границ и компетенции».⁴⁸

4. Вызов Киева

Так, да и то лишь к середине мая, обозначились, наконец, позиции главных политических сил России по вопросу о судьбе национальных окраин. На одной стороне оказались кадеты, отстаивавшие целостность страны и потому напрочь отвергавшие её федерализацию. На другой – эсеры и меньшевики, сохранившие старую приверженность «праву наций на самоопределение». А между ними оказалась единственная оппозиционная партия, большевики. Так и не сумев ПРИЙТИ К единому понятному мнению, в равной степени и поддерживавшие, и отвергавшие требования автономистов.

Временное правительство в силу того, что включало не только кадетов, но и эсеров с меньшевиками, так и не смогло выработать общую линию. Практически уклонилось от принятия каких-либо определённых решений. Тем самым, отдалось на волю революцион-

ной стихии, нисколько не заботясь о последствиях. И продолжало по-прежнему уповать на Учредительное собрание. Мол, оно соберётся и всё рассудит.

Между тем, стремление сепаратистов использовать исключительно в своих целях неоднозначно понимаемое центром и окраинами, ставшее одиозным «право наций на самоопределение», нарастало. Всё более и более усложняло и без того запутанную ситуацию, особенно на оккупированных Германией территориях России. Ведь толковалось такое «право» в обоих военных лагерях на собственный лад.

Хотя Временное правительство и поспешило признать независимость Польши, тем мало чего добилось. Поляки и так ещё в январе 1917 года создали в Варшаве, под эгидой Германии, правительство с премьером Я. Кухажевским. Располагали и собственными вооружёнными силами. Правда, оказавшимися по разную сторону фронтов из-за различной ориентации польских политических кругов. Под австрийскими знамёнами – тремя бригадами, сформированными полковником В. Сикорским. Под русскими – дивизией, вскоре развёрнутой в корпус, под командованием генерал-лейтенанта Ю. Довбор-Мусницкого, и под французскими – отдельной армией генерала Ю. Галлера. А потому теперь больше всего заботило поляков не столько признание уже обрётённой суверенности, сколько определение будущих границ государства.

В непомерных устремлениях обе польские политические группировки, делавшие ставку на победу как Антанты, так и Центральных держав, на востоке не собирались довольствоваться только десятью губерниями Привислинского края. Рассчитывали распространить власть ещё и на Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Холмскую. Тем более что они были обещаны им Берлином и Веной в самом начале войны – в надежде на поддержку. Однако весной 1917 года в планы Германии больше не входило потворствование намерениям поляков. Благо, находившиеся в Вильне лидеры местных националистических партий А. Вольдемарас и А. Сметона подали командующему Восточным фронтом принцу Макс Баварскому петицию. В ней же выражался – разумеется, от имени «всех литовцев» – категорический протест против игнорирования права наций на самоопределение. Высказывалась надежда, что Берлин поможет Литве в пределах Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний обрести независимость.

Такое пожелание, да ещё и идущее якобы «снизу», лучше всего отвечало классическому принципу «разделяй, чтобы властвовать», которому Берлин решил следовать. И потому 5 апреля участники совещания командования германской армии, на котором присутствовал представитель канцлера, поспешили использовать, скорее всего, ими же и инспирированную петицию. Признали желательным и возможным создать в границах рейха Литовское королевство. Жители его, как несколько позже объяснял начальник оперативного управления германского Генерального штаба генерал Эрих Людендорф, «могли бы сохранить под покровительством Германской Империи свою национальную самобытность».⁴⁹ Во исполнение такого замысла Макс Баварский и позволил 30 мая созвать литовский сейм.

В свою очередь, политики, заявившие, что они представляют интересы литовцев, эвакуированных из Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний вглубь России в конце 1914 – начале 1915 годов, поспешили еще 13(26) марта образовать ориентированный на Антанту собственный Национальный совет (тарибу). Он-то и созвал в Петрограде 1 июня Литовский сейм, в первые же часы работы расколовшийся на практически равные две части. 140 его участников представляли правые союзы – Национальный и Национальной свободы, партии – Христианско-демократическую и Национального прогресса. 128 участников являлись членами левых партий – Социал-демократической и Народников-социалистов (лаудининки).

Правые 4(17) июня приняли свою, бескомпромиссную сепаратистскую резолюцию. «Сейм постановил: – гласила она. – 1. Вся этнографическая Литва должна стать независимым государством, навсегда нейтральным. 2. Её нейтралитет должен быть гарантирован

на международной мирной конференции. 3. На этой конференции должны принять участие представители литовского населения. 4. Образ правления во вновь образованной Литве и внутреннее её устройство должно установить созванное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительное собрание Литвы».

Левая часть сейма в тот же день сформулировала собственные, более умеренные требования.

«Будущая международная конференция, – констатировала их резолюция, – должна будет санкционировать право подчинённых народов выделиться, буде они сами того пожелают, из государств, в состав которых они входят, а выделившимся народам обеспечить международные гарантии свободного самостоятельного бытия. Вместе с тем, сейм единодушно постановил: обратиться к Временному правительству России, а также ко всем союзным и нейтральным государствам с требованием признать право литовского народа на самоопределение, разрешение своей политической судьбы в Учредительном собрании Литвы».⁵⁰

Легко заметить, что требования обеих групп Литовского сейма не очень-то разнились. И правая, и левая его фракции дружно настаивали на созыве собственного учредительного собрания, на неременном провозглашении независимости страны, которую должна гарантировать будущая мирная конференция. Только первые заявляли о необходимости признания суверенитета Литвы незамедлительно, а вторые готовы были дожидаться окончания войны.

Ничем не прикрытый сепаратизм сразу же стал сопровождаться взаимными территориальными претензиями. Так, поляки считали своими литовские Ковенскую и Виленскую губернии, а литовцы – Сувалкскую, входившую в Привисленский край, где преобладало польское население. Мало того, обозначилась и третья сторона неизбежного, судя по всему, конфликта. Созданный 27 марта (9 апреля) в Минске Белорусский национальный комитет поспешил заявить и о своих территориальных претензиях: «Ядром /только ядром! – Ю.Ж./ Белоруссии являются губернии Минская, Могилёвская, Витебская, Гродненская и Виленская».⁵¹

Однако заниматься явно бессмысленными до окончания войны распрями Временное правительство не спешило. Трезво осознавая – сначала следует освободить от неприятеля и Польшу, и Литву, и только потом выступать арбитром в спорах националистов. То же полное равнодушие проявила власть и к положению, складывающемуся в Курляндии. Там немецкая часть населения решила, как и все, воспользоваться «правом на самоопределение» и воссоединиться с фатерландом. Германское командование, давно вынашивавшее такие же планы, поддержало горячее стремление немцев оккупированной российской губернии. 30(17) мая разрешило созвать не только сейм несуществующего Литовского королевства, но и ландтаг исчезнувшего с политической карты Европы ещё в 1795 году Курляндского герцогства.

И хотя о замысленном отделении Курляндии сразу же стало известно в Риге, столица немецкие поползновения оставила без малейшего внимания. Точно так же, как и полгода назад – сообщение о создании Польского королевства. Серьёзно беспокоило Временное правительство иное, действительно могущее повлиять на положение в стране, помешать начать уже согласованное по срокам с союзниками наступление на Юго-Западном фронте. На том самом, который и намеревались взорвать, разложив и дезорганизовав, киевские сепаратисты.

Между тем, политический кризис, вот уже два месяца потрясавший Россию, перетряхнул, наконец, и Временное правительство. 5(18) мая прежде однородное, буржуазное, оно было преобразовано в Первое коалиционное – шесть министров от эсеров, меньшевиков, народных социалистов; пять – от кадетов; четверо – беспартийных. На следующий день оно выступило с официальной декларацией. С программой, которой подтверждало прежний курс власти.

«Временное правительство, – указывала, она, – твёрдо верит что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и

обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократической армии, организация и укрепление боевой силы её как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться главнейшей задачей Временного правительства». ⁵²

Сочтя одну только декларацию недостаточной, наследующий день Г.Е. Львов, сохранивший пост премьера, счёл очень важным лично для себя ещё раз заверить Париж и Лондон в верности Петрограда принятым перед Антантой обязательствам. «Установившееся на фронте фактическое перемирие, – заявил он журналистам, – давшее основание германскому канцлеру высказать позорное для России предположение о возможности сепаратного мира, должно быть прекращено. Страна должна сказать своё властное слово и послать свою армию в бой». Львову вторил и новый министр иностранных дел М.И. Терещенко: «Свободная Россия должна доказать, что она верно выполнит взятое на себя обязательство объединённой борьбы и взаимной помощи». ⁵³

Слова эти, более похожие на заклинание, не были лишь обещанием на будущее. В большей мере они являлись извинением за то, что уже произошло. За так и не начатое наступление русской армии весной одновременно с союзниками, которые, тем не менее, попытались прорвать «Линию Зигфрида» и вытеснить немцев с французской территории, выйдя к бельгийской границе. Франко-английские силы, надеясь на согласованную загодя поддержку на Восточном фронте, начали 9 апреля операцию, через месяц завершившуюся для них тяжким поражением. Потерей 340 тысяч человек, в том числе и 5 тысяч из состава Русского экспедиционного корпуса. Настоящим разгромом, в котором не без серьёзных оснований винили Петроград, его неспособность добиваться наиважнейшего в дни войны.

И вот теперь, уже в июне, предстояло вновь попытаться совместными усилиями всё-таки нанести решающий, окончательный удар. Принудить Германию капитулировать. Потому-то Керенский, сменивший А.И. Гучкова на посту военного и морского министра, патетически пообещал: «Я уезжаю на фронт и – я уверен – буду иметь полное основание рассеять тот пессимизм, который сейчас очень распространён даже среди некоторых начальственных лиц». ⁵⁴

Керенский действительно выехал на фронт – уже 9(22) мая. Объехал его от севера до юга. Побывал в Гельсингфорсе, Риге, Двинске, Минске, Каменец-Подольске, Одессе, Севастополе. Посылал отовсюду в адрес правительства телеграммы, полные экзальтированного восторга и эйфорической уверенности. Заодно обратился к армии с воззванием, призвав её готовиться к наступлению. «Вы понесёте, – писал он выпендренно, – на концах штыков ваших мир, правду и справедливость. Вы пойдёте вперёд, скованные дисциплиной долга и беззаветной любви к революции и родине». ⁵⁵

На обратном пути в столицу Керенский 18(31) мая остановился в Киеве, чтобы встретиться с членами Центральной Рады. Потребовать от них в столь трудную для страны минуту отказаться от своих намерений и поддержать правительство. Не препятствовать подготовке наступления, о котором громогласно трубили все газеты.

Однако киевские националисты, чтобы укрепить своё положение в глазах общественности, схитрили. Постарались сообщить о беседе министра с Грушевским так, чтобы она выглядела как чуть ли не полная поддержка Керенского предложений Центральной Рады:

«**Керенский** заявил, что во Временном правительстве существует стремление сделать в вопросе об автономии всё, что возможно «по долгу и совести». Положение правительства осложняется тем, что ему приходится считаться с интересами и взглядами всей России. «Вы говорите о санкционировании Учредительным собранием готового факта, а мы хотели бы, чтобы Учредительное собрание положило бы начало этому факту».

Грушевский – Украинцы хотят лишь национально-территориальную автономию в федеративной Российской республике. Мы не добиваемся независимости, мы имели свою

государственность. Документ о ней вырван у нас Романовыми. Мы хотим, чтобы Временное правительство провозгласило, что оно возвращает наше право на национально-территориальную автономию, а Учредительное собрание это санкционирует.

Шульгин /А. Шульгин – член Центральной Рады от украинской партии социалистов-федералистов – **Ю.Ж./** считает, что только децентрализация России может её спасти, иначе она погибнет.

Грушевский – Украинское движение не угроза для России, а твёрдая опора. На него должно опереться Временное правительство, если оно желает спасения России.

Керенский – Я вижу угрозу не в движении, а в нетерпеливости, с которой мне приходится бороться и в рядах русской демократии. Во всяком случае, я остаюсь вашим другом и сделаю всё, что будет возможно.

Грушевский указывает, что откладывать удовлетворение требований украинского народа нельзя и Центральная Рада не могла бы отвечать за последствия, если бы переданные центральному правительству желания украинского народа не были выполнены». ⁵⁶

Так выглядело содержание беседы, опубликованное еженедельником «Вестник Украинской Центральной Рады». Вроде бы обо всём – готовности Керенского удовлетворить пожелания Киева, угрозы Грушевского, но ни слова о том, что заставило военного министра сделать непредусмотренную ранее остановку в центре Юго-Западного края. Вынудило его заявить об отнюдь не благоприятном для украинских националистов – переформирование армии по национальному признаку во время войны недопустимо. Решительно выступить против всего, «что может разорвать связи между национальностями» России. Весьма твёрдо, решительно подчеркнуть – требования не только создания собственной армии, но и автономии вообще Временное правительство поддерживать не собирается. ⁵⁷

Столь резкая отповедь, данная руководству Рады, не являлась самодеятельностью Керенского, превышением им своих полномочий. К тому дню Временное правительство уже образовало Особое совещание «для выслушивания доклада представителей украинской общественности». (Весьма примечательно: даже в названии своего кратковременного органа правительство не пожелало упоминать не признаваемую им Центральную Раду!) Включило в него председателем – товарища (заместителя) министра юстиции Д.М.Щепкина, и членами от Министерства внутренних дел – С.А. Котляревского и Н.Н. Авилова, от Военного – Л.С. Туган-Барановского, от постоянного юридического совещания при Временном правительстве – Н.И. Лазаревского.

Оба заседания Особого совещания, 21 и 22 мая (3 и 4 июня) проходили в присутствии находившихся в Петрограде членов Рады В.К. Винниченко, С.А. Ефремова, Н.Н. Ковалевского. А.М. Пилькевича и П.Я. Стебницкого. По сути представляли открытую дискуссию с ними.

В первый день члены совещания «ввиду неопределённости термина «автономия» предложили делегатам Рады в дополнительной записке точно указать Временному правительству – в каких формах им представляется возможной и желательной, **не нарушающей единства государства** /выделено мной – **Ю.Ж./** автономия для Украины». Вместе с тем высказало и положительное суждение.

Согласилось с участием украинских представителей в международной мирной конференции, но лишь при обсуждении судьбы Галиции. И не стало возражать против «сношения» российских и австрийских украинцев, но только как сугубо частных лиц.

Выразили члены совещания своё мнение и по военному вопросу. В ходе обсуждения поначалу допустили в принципе «в некоторых случаях возможность выделения украинцев в отдельные воинские части». Правда, тут же отметив «технические трудности, вызываемые осуществлением такой меры». Вместе с тем, категорически высказались «против формирования в настоящее время украинских полков». Мотивировали это тем, что «такая мера может

не поднять, а лишь ослабить боеспособность армии». В конце концов, пришли к окончательному выводу: «совершенно недопустимо образование особой украинской армии, а равно и «украинизации» Черноморского Флота как могущих лишь ослабить боевую силу государства».

Во второй день члены совещания рассмотрели остальные требования Рады. «По вопросу о выезде на родину зарубежных украинцев», то есть возвращения в Галицию австрийских подданных, предложили обратиться в МИД, однозначно отклонили настоятельную просьбу «о размещении пленных украинцев-галичан в украинских губерниях».⁵⁸

Получив столь однозначно отрицательный ответ, Центральная Рада всё же решила настаивать на своём. Для создания же видимости того, что откровенно сепаратистские, иными словами, преступно антигосударственные требования являются якобы «общенародными», объявила о созыве второго Войскового съезда. Намеревалась на нём от имени «солдат-украинцев» уже не просить, а прокламировать и автономию, и создание национальной армии.

Ответ Керенского, на этот раз не кулуарный, а официальный, последовал незамедлительно. 28 мая (10 июня) он направил в Киев телеграмму следующего содержания: «По военным условиям считаю украинский съезд несвоевременным ввиду невозможности в настоящее время отвлекать солдат и офицеров от выполнения их прямого долга перед отечеством. Вопрос о национальных войсках спешно вносится на рассмотрение Временного правительства».

Но так как Центральная Рада отказалась выполнить данное предписание, Керенский вынужден был 1(14) июня повторить свой запрет – «Всякий солдат и офицер может осуществлять все права свободного гражданина, поскольку долг службы не препятствует этому. В настоящее время считаю долгом всякого солдата оставаться в рядах армии. Поэтому всякие обращения о разрешении съездов, не входящих в систему общевоинской организации, вынужден отклонить».⁵⁹

Не довольствуясь приказом только военного министра, петроградские власти решили подкрепить его уже и от своего имени. 2(15) июня официоз «Вестник Временного правительства» опубликовал сообщение: «31 мая Временное правительство заслушало заявление Украинской Центральной Рады. Товарищ министра внутренних дел Д.М. Шепкин представил подробные соображения: «Все вопросы, связанные с автономией как Украины, так и других местностей государства, могут быть разрешены лишь Учредительным собранием».⁶⁰

А день спустя, 3(16) июня, последовало более обстоятельное «Правительственное сообщение об отклонении украинских требований». «Центральная Украинская Рада, – уведомляло оно, – представила правительству свои постановления о будущем устройстве Украины. Эти пожелания распадаются на три группы. Первая касается установления автономии Украины с изданием правительством особого акта принципиального значения; вторая – немедленного выделения для особого административного управления 12 губерний с украинским населением, с учреждением краевого совета и особого комиссара по делам Украины при правительстве, и третья – учреждение особого украинского войска...

Устанавливая основные положения своего постановления, правительство обратило внимание на следующие принципиальные соображения.

Возможно ли признавать Центральную Украинскую Раду правомочной в смысле признания её компетенции по выражению воли всего населения местностей, которые эта Рада желает включить в число 12 губерний, в территорию будущей автономной Украины? Так как эта Рада не избрана всенародным голосованием, то правительство едва ли может признавать её выразительницей точной воли всего украинского народа. Поэтому правительство считает, что как с формальной, так и с тактической стороны вопрос об установлении автономии Укра-

ины может решить только Учредительное собрание. Поэтому явилось бы затруднительным для правительства издание акта по этому вопросу, ибо это имело бы предрешающее значение. Кроме того, без точного определения содержания понятия автономии Украины издание такого акта повело бы к недоразумениям в территориальном и других отношениях. Отрицательное решение по вопросу об издании акта об автономии Украины принято правительством единогласно.

Точно так же правительство признало, что оно не в праве устанавливать новое административное устройство Украины и учреждать особых комиссаров, ибо это всецело подлежит компетенции Учредительного собрания.

По вопросу о самостоятельном украинском войске правительство признало возможным временное разрешение этого вопроса лишь в объёме, указанном военным министром украинским организациям в Киеве.

Вместе с тем, правительство подчёркивает, что оно признаёт национальные особенности, своеобразные условия жизни Украины и необходимость разрешения вопроса о будущем устройстве Украины, которое принадлежит Учредительному собранию».⁶¹

Мало того, накануне премьер-министр дал интервью В.В. Шульгину, депутату 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум от Волынской губернии, теперь считавшейся «украинской», самому известному русскому националисту. Интервью, опубликованное в наиболее распространённой на юге газете «Киевская мысль» 3(16) июня и фактически повторившее всё содержащееся в «Правительственном сообщении», но в более конкретной и резкой форме.

«Отвечая на мои вопросы, – писал Шульгин, – князь Львов сказал, что правительство ни в коем случае не даст согласия на украинские притязания до Учредительного собрания. Автономия Украины – это дело всего русского народа. Временное правительство получило власть от всей нации, и взять на себя ответственность за расчленение России не может. Если народы и племена России пожелают размежеваться, то это их дело. Но такой акт от имени Временного правительства, которому вручена цельная российская держава, был бы ничем не оправдываемой растратой вручённого охране правительства. Это тем более не может быть сделано во время войны, которая объявлена России, всем её частям, а Малороссии грозит, может быть, больше, чем Великороссии.

Если украинцы желают провозгласить автономию до Учредительного собрания, значит, они опасаются, что Учредительное собрание на автономию не согласится. Значит, они хотят это сделать не в порядке соглашения, а против воли остальной России. Но у правительства нет даже уверенности в том, выражает ли действительные желания всего населения юга России та его группа, которая называет себя украинцами и проявляет большую активность.

Правительству совершенно неизвестно, как будет встречено Великороссией и другими племенами, если Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую. Екатеринославскую и Таврическую губернии украинцы объявят автономными, не пожелав даже спросить мнение остальной России. Весьма возможно, что это будет сочтено актом неуважения и такого непонимания общности интересов в прошлом и будущем, что вызовет в высшей степени враждебные чувства в отношении украинцев. А из этого враждебного отношения могут родиться величайшие осложнения. Поэтому правительство всемерно будет противодействовать поползновениям решить украинский вопрос до Учредительного собрания».⁶²

Но ни «Правительственное сообщение», ни ясно выраженное мнение премьер-министра не охладили пыл сепаратистов. Напротив, подстегнули их горячее и неуёмное желание как можно быстрее если ещё не полностью отделиться, то предельно обособиться от страны. Уже 3(16) июня Центральная Рада приняла опасную по последствиям резолюцию:

«Обсудив ответ Временного правительства русского на требования Украинской Центральной Рады и придавая значение тому, что признание права украинского народа на

автономии соответствует его трудовым и национальным интересам, общее собрание Центральной Украинской Рады, пополненное Украинским Советом крестьянских депутатов и Войсковым Украинским Генеральным Комитетом, признало, что отклонение требования Центральной Рады Временное правительство сознательно пошло против интересов трудового народа на Украине и против им же (Временным правительством) объявленного принципа самоопределения национальностей. Ввиду этого собрание Центральной Рады признало необходимым:

1. Обратиться ко всему украинскому народу с призывом организовать и приступить к немедленному заложению фундамента автономного строя на Украине.

2. Центральная Украинская Рада считает нужным немедленно издать к украинскому народу Универсал, в котором имеет выяснить сущность требований украинской демократии, представленной Центральной Радой, а также те задания, которые стоят перед ней в создании автономного строя на Украине совместно с другими национальностями украинской земли». ⁶³

Тем самым, киевские сепаратисты не просто выразили неповиновение той власти, которую они, по их собственным словам, ещё как бы признавали. Они бросили открытый вызов Временному правительству, понадеясь на его слабость. И, чтобы если и не привлечь на свою сторону, а лишь завоевать симпатии собравшегося в тот же день в Петрограде Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, обильно уснастили свои незаконные требования псевдосоциалистической терминологией. Не поскупились на слова «демократия», «интересы трудового народа», «право наций на самоопределение». Заодно сослались и на то, что вместе с ними заодно действует и Украинский Совет крестьянских депутатов (его съезд Рада, избегая настоящих выборов, срочно провела буквально в канун принятия своей резолюции, с 29 мая (10 июня) по 2(15) июня), и явная подмена Совета солдатских депутатов – Войсковой съезд.

Можно предположить и иное. Зная о предстоящем скором наступлении на Юго-Западном фронте – а о нём не знал разве что самый нелюбопытный, – попытаться таким образом шантажировать Петроград. Требовать автономию, к тому же весьма широкую, да ещё для той территории, которую Рада сама же и определила чисто произвольно, угрожая срывом боевых действий, окончательным развалом русской армии.

Решительно игнорируя законное право кого-либо иного представлять интересы населения края или хотя бы одной Киевской губернии, Рада неуклонно продвигалась к намеченной цели. Даже вопреки неожиданному единству взглядов большевиков и меньшевиков на объединённом заседании киевских Исполкомов, Советов рабочих депутатов, войск Киевского военного округа, коалиционного студенчества, прошедшем 2(15) июня.

Так, Киевский комитет РСДРП(б) заявил: «Требование отделения Украины может быть поддержано партией в том случае, если за него выскажется всенародное голосование всего населения Украины». Меньшевики заняли ещё более твёрдую позицию. Их представитель прозорливо отметил: «Украинцы требуют от правительства не мнения, а санкции того, что авторитетный орган государственной власти автономию признает... Для чего нужны /Центральной Раде – **Ю.Ж.**/ войска? В «Декларации» указывается, что это мероприятие необходимо для предупреждения развала армии. Но в действительности на всех съездах /националистов – **Ю.Ж.**/ определённо указывается, что армия нужна Украине для защиты своих прав. Не предупреждение развала, а дезорганизация».

В целом же резолюция, принятая объединённым заседанием – не менее, а более представительным, нежели Рада, – гласила: «Стоя совершенно определённо на почве устройства России на принципах децентрализации и широкой автономии, мы вполне присоединяемся и готовы всей силой своего авторитета поддержать точку зрения правительства, что вопрос этот в смысле общих начал автономии, её объёма и фактического содержания может быть

решён только Учредительным собранием. В настоящее время, по нашему убеждению, может быть речь лишь о подготовке вопроса к Учредительному собранию». ⁶⁴

Но и такая оценка конфликта киевскими Советами Раду не остановила. Убедившись, что серьёзного противодействия со стороны Петрограда она не встретит и окончательно уверовав в собственную безнаказанность, провела с 5(18) по 10(23) июня то, что назвала Вторым Всеукраинским войсковым съездом. Провела только для того, чтобы лишний раз доказать свою уже несомненную силу или, вернее, полную неспособность Временного правительства отстаивать, защищать национальные интересы, целостность государства. Войсковой же съезд, как бы подталкивая Раду к новым незаконным действиям, принял резолюцию, практически не содержащую ничего нового, принципиального. Лишь в более агрессивной форме повторявшую всё не раз звучавшее из уст сепаратистов.

«— Украинский народ, — патетически провозглашала она, — равный со всеми культурными народами мира, имеет со времени уничтожения российского царизма полные права свободного народа, которые и будет защищать...

— Съезд поручает Генеральному украинскому войсковому комитету в самом непродолжительном времени разработать детальный план украинизации войск и принять все меры для немедленного проведения его в жизнь.

— Предлагает Центральной Раде в самом непродолжительном времени созвать территориальное собрание для соглашения с национальными меньшинствами и рассмотрения проекта статута автономии Украины».

Новое собрание солдат, не желавших отправляться на фронт не ограничилось поручениями только Раде и Войсковому Комитету. Потребовало от Временного правительства:

«— Чтобы высшая русская, /так в тексте — **Ю.Ж.**/ войсковая власть /то есть военное министерство и лично Керенский — **Ю.Ж.**/ немедленно провела во всех приказах утверждение Украинского Войскового Генерального Комитета.

— Чтобы все обращения Украинского Войскового Генерального Комитета к высшей русской войсковой власти признавались и исполнялись ею обязательно». ⁶⁵

Используя эту резолюцию как формальное основание, — мол, вот он, глас народа! — в день закрытия съезда пятая сессия Рады приняла обещанный ею в «Декларации» Универсал (манифест) «К украинскому народу на Украине и вне ее территории». На следующий день М.С. Грушевский зачитал его на Софийской площади:

«Народ украинский. Народ крестьян, рабочих и трудящегося люда. Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей украинской земли. Лучшие сыны твои, выборные люди от сёл, от фабрик, от солдатских казарм, от всех громад и обществ украинских избрали нас, Украинскую Центральную Раду, и поручили нам стоять и бороться за эти права и вольности.

Твои, народ, избранные люди заявили свою волю так:

Пусть будет Украина свободна. Не отделяясь от всей России, не порывая с державой российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью. Пусть ПОРЯДОК и строй на Украине даст избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное украинское собрание (сейм). Все законы, которые должны дать этот строй здесь, у нас на Украине, имеет право издавать только наше украинское собрание...»

Перечислив далее те требования, которые украинская делегация предъявила Петрограду, которые «центральное российское правительство отвергло, провозгласил:

«Нас принудили самих творить свою судьбу. Мы не можем допустить наш край до разрухи и упадка. Если Временное российское правительство не может ввести ПОРЯДОК у нас, если не хочет приступить вместе с нами к большой работе, то мы сами должны взять её

на себя. Это наш долг перед нашим краем и перед теми народами, которые живут на нашей земле.

И посему мы, Украинская Центральная Рада, издаём этот Универсал ко всему нашему народу и объявляем: отныне сами будем творить нашу жизнь... С этого времени каждое село, каждая волость, каждая управа городская или земская, которая стоит за интересы украинского народа, должна иметь самые тесные организационные сношения с Центральной Радой. Там, где по каким-либо причинам административная власть осталась в руках людей, враждебных украинству, предписываем нашим гражданам /выделено мной – Ю.Ж./ приступить к широкой, мощной организации и осведомлению народа, и после этого переизбрать администрацию...

Народ украинский, перед твоим выборным органом, Украинской Центральной Радой, стоит большая и высокая стена, которую ей надо опрокинуть, чтобы вывести свой народ на путь свободы. Нужны силы для этого. Нужны сильные, смелые руки. Нужен великий народный труд. А для успешности этой работы, прежде всего, нужны большие средства (деньги). До этого украинский народ все свои средства отдавал во Всероссийскую центральную казну, а сам не имел, да и теперь не имеет от неё того, что должен бы иметь за это. А посему мы, Украинская Центральная Рада, предписываем всем организованным гражданам сёл и городов, всем украинским общественным управлениям и учреждениям с 1 числа месяца июля обложить население особой податью на родное дело и точно и немедленно регулярно пересылать её в казначейство Украинской Рады.

Народ украинский! В твоих руках судьба твоя. В этот трудный час всемерного неурейства и развала докажи своим единомышлем и государственным умом, что ты – народ хлеборобов – можешь гордо и достойно стать наряду с каждым организованным державным народом как равный с равным».⁶⁶

Итак, Центральная Рада расставила, наконец, точки над «и». Провозгласила, не заботясь больше о последствиях:

1. Она якобы избрана всем народом края, правда, не указав, на какой же территории и когда прошли такие выборы; 2. Отныне народ Украины сам, без какого-либо вмешательства, но непременно в лице Рады, будет сам распоряжаться своей жизнью. 3. Больше не станет дожидаться всероссийского Учредительного собрания, а создаст собственный сейм. 4. Ещё до созыва такого сейма все местные органы власти края обязаны ей подчиниться, а если не сделают того, должны быть заменены на послушные. 5. Начиная с 1(14) июня вознамерилась обложить население края собственным налогом.

Мотивировала Рада столь беспрецедентные, незаконные решения стремлением всего лишь не допустить распространения на Украину «разрухи и упадка», якобы воцарившихся вне её пределов. Такое чисто экономическое толкование как бы подчёркивалось тем, что Универсал обошёл две проблемы, совсем недавно являвшиеся для Рады принципиальными, хотя и вызывали наибольшие споры с правительством. Ни разу в акте не упомянули те самые двенадцать губерний, которые постоянно и объявлялись Украиной. Ничего не говорилось и о формировании национальной армии. Видимо, авторы Универсала постарались избежать поводов для новой острой полемики.

И всё же, суть акта от 10(23) июня явно выходила за рамки допустимого тогда дискуссией содержания понятия «автономия». Скорее свидетельствовала об ином – полной готовности провозгласить вскоре суверенитет края, к чему Рада явно решила идти напролом.

5. Путь в Каноссу

Опасения киевских сепаратистов, если они у них ещё и оставались, оказались напрасными. Ни Г.Е. Львов как премьер и министр внутренних дел, ни А.Ф. Керенский как воен-

ный министр, столкнувшись со столь неоспоримым фактом государственной измены – а именно так следовало квалифицировать в условиях военного времени Универсал – не отдали приказ о роспуске Рады и аресте её членов. Ограничились заведомо безрезультатной в сложившейся ситуации публикацией, да и то в одной только газете «Киевская мысль», весьма запоздалого «заключения» Юридического совещания при правительстве. Заключение, всего лишь повторявшего уже переданное украинской делегации три недели назад мнение Особого совещания.

«Временное правительство, – с олимпийским спокойствием констатировал своеобразный ответ на универсал, – не вправе разрешать вопросы об автономии Украины, подлежащие компетенции Учредительного собрания... По вопросу об участии украинцев в международной конференции совещание высказалось против его удовлетворения, ибо в международной конференции принимают участие государства, а не народы. Образование отдельных войсковых частей совещание признало делом военного министра».⁶⁷

Словом, заключение перечисляло всё то, что Временное правительство не собиралось делать, что оставляло на волю Учредительного собрания либо отдельных министров. Но не содержало наиглавнейшего – юридической оценки действий и Рады, и её универсала.

Потому-то Рада и поспешила воспользоваться очередной уступкой Петрограда – а его бездействие иначе трактовать было невозможно. 15(28) июня сделала следующий шаг на пути к независимости Украины. Объяснила: отныне ей следует «стать национальным сеймом, в котором должны освещаться и разрешаться все вопросы, которые выдвигает жизнь». Исполнительным же органом её станет Генеральный секретариат. Краевое правительство во главе с В.К. Винниченко, включающее одиннадцать генеральных секретарей (министров) – внутренних дел, финансов, юстиции, продовольствия, земледелия, иностранных дел, труда, путей сообщения, военного, торговли и промышленности, просвещения. Представлявших три основные украинские региональные партии – социал-демократическую рабочую, социалистов-революционеров, социалистов-федералистов.

Лишь теперь Временное правительство осознало прямую угрозу целостности страны, свою ответственность за происходящее. Однако и на этот раз предпочло прибегнуть только к словам. К ничему не менявшему воззванию.

«Братья-украинцы, – уговаривало оно без какой-либо веры в успех. – Не идите же гибельным путём раздробления сил освобождённой России. Не отрывайтесь от общей родины, не раскалывайте общей армии в минуту грозной опасности. Не вносите братоубийственной розни в народные ряды как раз тогда, когда напряжение всех сил народных необходимо для защиты страны от военного разгрома, для преодоления внутренних препятствий. В нетерпеливом стремлении теперь же закрепить формы государственного устройства Украины, не наносите смертельного удара всему государству и самим себе, ибо гибель России будет гибелью и вашего дела».⁶⁸

Тщетно. Центральная Рада не захотела прислушаться к крику души, к последнему аргументу. Своим упорством сыграла на руку противнику.

В тот же самый день, когда Временное правительство обратилось с воззванием к украинцам, 16(29) июня, давно согласованное с союзниками наступление Юго-Западного фронта должно было начаться. С запозданием на три месяца. Несмотря на полное разложение русской армии – 7-й Сибирский корпус после отдыха в тылу отказался вернуться на позиции; 1-й Сибирский корпус и 2-я Кавказская гренадёрская дивизия объявили, что решили вернуться домой, в места формирования; несмотря на категорический запрет Керенского, началась самочинная украинизация 10-го, 26-го и 39-го корпусов...

И всё же наступление, призванное, прежде всего, продемонстрировать верность союзническому долгу, началось. По плану разработанному Генштабом ещё в феврале и в мае одобренному главнокомандующим генералом от кавалерии А.А. Брусиловым, три армии

Юго-Западного фронта прорвали австрийские укрепления, чтобы попытаться вновь занять Галицию с её административным центром Львовом.

Две недели наступление развивалось более или менее успешно. Позволило овладеть такими важными стратегически городами, как Галич, Станислав, Калуш. Однако противник сумел не только быстро оправиться от удара, но и, подтянув к району прорыва новые силы, перейти в контрнаступление. А 6(19) июля под Тарнополем нанести мощный удар. После него русские армии уже не оказывали ни малейшего сопротивления. Потеряв свыше 150 тысяч человек, стремительно, беспорядочно отступали вплоть до реки Збруч. Только там, на старой, довоенной границе, и остановились.

Смена командующего Юго-Западным фронтом 10(23) июля (генерала Е.А. Гутора заменили генералом Л.Г. Корниловым, которого уже 19 июля (1 августа) повысили, назначив главнокомандующим) ничего не изменила. Солдаты больше не желали воевать, проливать свою кровь неведомо за что. Русская армия окончательно потеряла боеспособность.

Проигранное в Галиции сражение серьёзно осложнило положение и союзников. Полагаясь на поддержку Юго-Западного фронта, они также перешли в наступление. Во Фландрии, в районах Ипра и Вердена. Однако быстрый (слишком быстрый!) успех на востоке позволил немцам перебросить подкрепления на запад, сдержав англо-французские войска. Сражение во Фландрии затянулось до конца ноября, так и не принеся перевеса ни одной из сторон. Только британским дивизиям ценою огромных потерь удалось продвинуться на... 8 километров.

Продуманная, тщательно разработанная совместная операция во второй раз за 1917 год завершилась ничем. И снова Париж и Лондон винили в том свою союзницу, так и не оправдавшую надежд.

Между тем, в Петрограде ещё 3(16) июня открылся Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Вторая, по общему мнению, власть в стране, которая из-за паралича воли Временного правительства с каждым днём обретала всё большую и большую силу, значимость.

Первым, а, следовательно, и самым важным из предложенных для обсуждения, неизбежно оказался вопрос о власти. Следует или нет поддерживать коалиционное правительство. Однако было вполне очевидным, что положительный ответ на него предрешён. Известен загодя, ибо эсеры, меньшевики, трудовики и народные социалисты, чьи представители согласились принять министерские посты, на съезде составляли большинство. Обладали 564 мандатами из 1090.

Так оно и оказалось. Тон задал выступивший первым лидер правых меньшевиков и вместе с тем министр почт и телеграфов И.Г. Церетели. Скучно, невыразительно призвал всех выразить полное доверие Временному правительству. И поступить так лишь на том основании, что ни все социалистические партии вместе, ни одна из них якобы ещё не готовы взять на себя ответственность за судьбы страны.

Вторым оратором – от большевиков – стал Ленин. Он же не только подверг уничтожающей критике политику правительства. Уверенно заявил, что уже сегодня вся власть должна перейти к Советам. А если потребуется, то его партия в состоянии взять на себя ответственность за будущее России. Выступая с докладом по столь широкой проблеме, Ленин, естественно, остановился и на не менее злободневном вопросе – о войне. Точнее, о «мире без аннексий и контрибуций», которого столь дружно вроде бы добивались все партии, представленные на съезде. Но вот тут-то он неожиданно затронул и иное – национальную проблему.

«Революционная демократия, – заметил Ленин, – это большие слова, но применяются они к правительству, которое мизерными придирками осложняет вопрос с Украиной и Финляндией, не пожелавшими даже отделяться, а лишь говорящими – не откладывайте до Учре-

дительного собрания применение азбук демократии». Заодно, мимоходом – не подтверждая убедительными доказательствами – поддержал идею федерализации, которая, по его мнению, и должна исключить возможность угнетения какого бы то ни было народа. И многозначительно добавил, обращаясь к правительству: «Мир без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий». ⁶⁹ Явно имел здесь в виду ситуацию с Финляндией и Украиной.

Но на конкретных отношениях власти с этими национальными окраинами останавливаться не стал. Счёл более важным озаботиться судьбами иных, нежели Россия, стран. Мексики – там с марта 1916 по февраль 1917 года хозяйничал американский экспедиционный корпус генерала Дж. Першинга. Албании – несколькими днями ранее её, нейтральную, оккупировала Италия, установив над ней протекторат. Греции – в ней франко-британские силы совершили государственный переворот свергли короля Константина и вынудили новое правительство вступить в войну на стороне Антанты. Выразил Ленин и беспокойство судьбами Эльзаса и Лотарингии (кому в конечном счете достанется эта территория?), Ирана (что сделают с ним русские и британские войска, находящиеся там?).

С Лениным поспешил вступить в полемику А.Ф. Керенский. Естественно, защищая Временное правительство и его политику.

«Чтобы закрепить завоевания нашей русской демократии, – эмоционально воскликнул он, – нам говорят: покажите на примере собственного государства, что вы против аннексий, покажите сами внутри, что вы отказываетесь от завоеваний! Как же это мы можем сделать? Нам говорят: вот военный министр Керенский ведёт борьбу с Финляндией и Украиной. Я пользуюсь парламентским выражением и говорю: Это неправда!.. И в отношении Финляндии и Украины мы являемся горячими защитниками их автономии.

Мы говорим только одно.

Мы, как Временное правительство, не обладающее, не желающее иметь самодержавных прав, мы до Учредительного собрания не считаем себя вправе декретировать независимость той или другой части русской территории. Нам, товарищи, в этом месте нашей защиты – поддержка всей страны. Кто может пока ещё не высказалась решительная воля русского народа, заниматься декретированием и перекройкой карты русского государства? Мы считаем, что это вне нашей компетенции, и этого делать мы не имеем права». ⁷⁰

Словом, при всей своей категоричности, нежелании «перекраивать карту русского государства», не отверг такого рода домогательства национальных окраин. Просто отложил решение проблемы до созыва Учредительного собрания. Мол, «вот приедет барин, барин и рассудит».

Продолжил прямой спор с Лениным и большевиками идеолог и вождь эсеров В.М. Чернов. Выступая на следующий день. 5(18) июня, счёл для себя непременно остановиться на том же вопросе. Названном им «громадным» – «Об отдельных национальностях и о тех даже отдельных местах, о тех местных радикальных группах, которые при старом строе жили под ярмом тяжкой централизации и у которых поэтому отдача в сторону децентрализации, полной свободы, полной самостоятельности колоссальна».

Собственно, спором позицию Чернова назвать было трудно. Как и Ленин, он отстаивал всё тот же федерализм, который стал общим лозунгом всех националистов. Отлично осознававших, что открытое провозглашение отделения до Учредительного собрания может для них даже в революционной России, где свобода переходила в анархию, завершиться весьма печально.

Ведь накануне открытия съезда, 2(15) июня, все газеты сообщили о восстановлении 129-й статьи ещё царского уголовного уложения. Гласившей: «Виновный в (устном или печатном) призыве к учинению... насильственных действий одной части населения против другой, к неповиновению или противодействию закону или постановлению или распоряже-

нию власти наказывается исправительным домом, крепостью или тюрьмой не свыше трёх лет». Наказанием за такое преступление применительно к воинским частям во время войны являлась уже каторга.⁷¹

Но о том Чернов и не помышлял. «Когда мы говорим, – обратился он к делегатам съезда, – что великий принцип децентрализации, автономизма, федерации должен лечь в основу организации России, мы говорим, что право самоопределения, согласное с потребностью кооперации, великого сотрудничества народов под свободною широкою кровлею, дающей полную свободу проявления каждой отдельной народности. Вот где решение, а не в этом сепаративистском пути, который, продолженный до своих логических последствий, я не знаю, что даст ибо каждой мелкой народности будет поставлен вопрос. Или извольте отделяться, тогда совершенно отделитесь, или извольте подчиняться централизации и совершенной централизации. Этим мы обрекаем их на сепаратный путь».⁷²

Спустя четыре дня, выступая во второй раз, Ленин вернулся к национальному вопросу, и в том самом аспекте, в котором затронул его 4 июня. Снова бросил прежнее обвинение в адрес Временного правительства. Только теперь большую убедительность его речи придало сообщение из Гельсингфорса. Известие о прошедшем там чрезвычайном съезде обладавшей в сейме большинством Социал-демократической партии Финляндии. И о резолюции, принятой ею 6(19) июня. Куда более радикальной, нежели киевский Универсал.

Пока ещё только партийная, а не от имени правительства Великого Княжества или его сейма, резолюция решительно отвергала право правительства России, в том числе и Временного, «утверждать финские законы, принятые сеймом», «распускать сейм Финляндии или назначать открытие или закрытие» его. Сейм, настаивала резолюция, «должен иметь неограниченное право решения относительно финансов и таможенных пошлин» Великого Княжества. Но, главное, требовал документ, «русское правительство не имеет права ни в каком отношении выступать в качестве высшей представительной власти по отношению к финскому народу».

Особо оговаривала резолюция отношение социал-демократов (но только их как партии) к вопросам военным. «В собственной постоянной армии, – указывала она, – финский народ даже и при своей полной самостоятельности вовсе не нуждается».

Подводя итог пока лишь пожеланиям, финские социал-демократы обращались «к социал-демократическим партиям всех стран, но прежде всего к товарищеским партиям России, апеллируя к ним и прося у них поддержки для достижения и обеспечения самостоятельности Финляндии».⁷³ И в том разительно отличались от также называвших себя социалистами членов Центральной Рады.

Вот теперь Ленин смог с гораздо большим основанием бросить упрёк и Временному правительству, и представленным в нём партиям, к тому же составлявшим большинство на съезде Советов.

«Вы говорите, – обличал он собравшихся, – о войне против аннексий и о мире без аннексий, а в России продолжаете внутри политику аннексий. Это есть нечто неслыханное. Вы и ваше правительство, ваши новые министры на деле продолжаете с Финляндией и Украиной политику аннексий. Вы придираетесь к украинскому народу, воспрещаете его собрания через ваших министров. Это не есть аннексия?

Это – политика, которая представляет надругательство над правами народности, терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян, это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик».⁷⁴

Ленин, сославшись на запрет Керенским войсковому съезду в Киеве, не пожелал вникнуть в существо случившегося. Ему потребовался убедительный пример антиреволюцион-

ных, но только с его точки зрения, действий правительства, и он использовал первый под-вернувшийся. Главное посчитал только в запрете самом по себе, не более. Ну а Керенский (и подписавший телеграмму, о которой шла речь) расценил новое упоминание о нём как личный выпад. Поспешил подняться на трибуну, чтобы дать отповедь политическому противнику. Попытался разъяснить истинные причины запрета, опасность не только для страны, но и для революции сепаратистских устремлений Рады, однако утопил их в потоке излюбленного, привычного для него как адвоката прекраснословия.

«Я не буду отвечать, – вещал он, вступая в открытую полемику. – на обвинения по отношению к Финляндии и Украине. Никто и никогда не запрещал украинцам говорить на собственном языке с момента революции. Гражданин Ленин сказал: Мы боремся с украинской культурной автономией. Но мы боремся не с автономией Украины... Вся русская демократия, вся армия говорит: во время войны невозможна генеральная перегруппировка воинских сил на принципе национальностей. Мы не можем допустить, чтобы во время войны, в самый острый военный момент мы могли делать перегруппировку сил по признаку той или иной национальности, ибо и солдаты, и офицеры понимают, что это невозможно тактически».

Затем, напомнив о резолюции финских социал-демократов, подразумевая прежде всего именно её, а потом и свой конфликт с Киевом, перешел к основному:

«Мы установили принцип автономии для всех. Мы только говорим: товарищи социал-демократы, в этот момент, когда всё будущее русской демократии и ваша собственная свобода зависят от успеха русской революции и торжества русской демократии, не вносите всеобщую борьбу тонов и слов, и приёмов, разлагающих единство братства, единство всех трудящихся. Идите вместе с нами, не увлекайтесь шовинистическими тенденциями о том, что необходим обязательно какой-то особенный украинский штык, чтобы создать свободу для всех народов России. Идите вместе с нами! Русский рабочий, солдат, русский крестьянин – такой же демократ. Возьмите его руку в руку и идите вместе!»⁷⁵

Как можно было легко предвидеть, препирательство лидеров фракций с участием Керенского ничего по существу не изменило. Не повлияло на проект резолюции, подготовленной секцией по национальному вопросу, ведь возглавлял её М.И. Либер, и только на том основании, что помимо партии меньшевиков представлял ещё и «угнетённый при царизме, гонимый еврейский народ». Немаловажным оказалось в данном случае и иное. То, что в секцию от большевиков включили не делегата съезда Сталина (вполне возможно, фракция не без оснований опасалась его самостоятельного, расходящегося с ленинским внезапного предложения категорически отказаться от федерирования страны), а А.М. Коллонтай, всю свою революционную деятельность посвятившую защите положения рабочих, но особенно – женщин; и Е.А. Преображенского, не успевшего зарекомендовать себя теоретиком в какой-либо отрасли марксизма.

Зачитанный Либером 20 июня (3 июля) текст проекта резолюции не принёс чего-либо неожиданного. Просто объединил, несколько упорядочив, всё ранее высказывавшееся на съездах и эсеров, и меньшевиков, и даже большевиков;

«В интересах закрепления завоеваний революции и сплочения трудовой демократии всех национальностей, революционная Россия должна немедленно вступить на путь децентрализации управления...

Для обеспечения прав национальностей свободной России революционная демократия будет добиваться в Учредительном собрании широкой политической автономии для областей, отличающихся этнографическими или социально-экономическими особенностями, с обеспечением прав национальных основными законами путём создания предварительных органов местного и общегосударственного характера».

А как более конкретные, практические меры, проект предлагал Временному правительству издать декларацию «о признании за всеми народами права самоопределения вплоть

до отделения, осуществляемого путём соглашения во всенародном Учредительном собрании», а также образовать «Советы по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России в целях как подготовки материала по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, предоставляющих нациям возможность разрешать вопросы внутренней жизни».

Особо оговорил документ наиважнейшее, самое актуальное: «Съезд высказывается против попыток разрешения национальных вопросов до Учредительного собрания явочным порядком, путём обособления от России отдельных её частей».⁷⁶

Словом, проект резолюции с одной стороны безоговорочно признавал право народов России не только на самоопределение, но и на отделение, полную независимость, но с другой – призывал не делать того немедленно, подождать до Учредительного собрания. Именно такую двойственность и отметила Коллонтай в своём выступлении. Предложила иной проект – от имени фракции большевиков. Ту самую формулировку, которую впервые использовал Сталин, которую повторила резолюция Апрельской конференции.

«Вопрос о праве наций на свободное отделение, – настойчиво взывала она, – непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия /здесь Коллонтай оговорила, забыв, что речь идёт об акте съезда Советов – Ю.Ж./ пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов классовой борьбы». И уточнила, что автономия должна предоставляться не нациям, а территориям, независимо оттого, кто её населяет.⁷⁷

Большевистский вариант проекта делегаты съезда решительно отвергли. Как поспешивший заявить о том Либер, так и поддерживавший его единомышленник, одесский городской голова И.Н. Лодкипанидзе. Эсер, сугубо штатский человек, но, тем не менее, представлявший солдат 4-й армии Румынского фронта. «Каждая нация, – настаивал он, – должна получить национально-территориальную автономию».⁷⁸ Таким же стало и мнение большинства, проголосовавшего за предложенную Либером, а не большевиками, резолюцию.

Тогда в дискуссию вступил – впервые проявив себя, как истый политик – Е.А. Преображенский. В очень скором времени соавтор Н.И. Бухарина по «Азбуке коммунизма», этого букваря для совершенно не знакомых с марксизмом большевиков, автор теоретического труда «Первоначальное социалистическое накопление», послужившего основанием и для разработки первого пятилетнего плана, и для коллективизации деревни. Он воспользовался тем фактом, которым пренебрёг, так и не поняв его истинного смысла, Ленин. И чтобы попытаться переломить настроение благодушествовавшей аудитории, напомнил о грозной опасности распада, нависшей над страной и, следовательно, революцией.

Уже «произошёл ряд конфликтов, – напомнил Преображенский, – между правительством и Финляндией с одной стороны, и с Украиной с другой стороны... Перед нами, может, острый конфликт с украинской национальностью». Чтобы избежать его, предложил внести в только что одобренный проект такое дополнение:

«Съезд осуждает как антидемократическую, контрреволюционную политику Временного правительства, оттягивающую до сих пор разрешение насущных и неотложных вопросов, связанных с осуществлением национальных прав угнетённых народностей России, и слагает с себя всякую ответственность за последствия такой политики, приведшей к конфликтам с Финляндией и Украиной».

Предложил всего лишь отмежеваться от политики правительства, не более. Трудно понять, на что надеялся Преображенский и стоявшая за ним фракция большевиков, предлагая эсерам и меньшевикам, сидящим в зале заседания, осудить политику их же министров.

Но всё же такой полемический ход вынудил съезд срочно принять не дополнение к прежней, а две новые, отдельные, резолюции. Одну – по финскому вопросу, всего лишь повторившую требования социал-демократов Великого Княжества. А вторую – по украинскому, более содержательную, но столь же непоследовательную, как и всё выходявшее из-под пера Либера.

«Признавая, – констатировала она, – что украинская автономия может быть окончательно установлена лишь Всероссийским Учредительным собранием, съезд считает необходимым, в соответствии с пожеланиями, высказанными Центральной Радой, немедленное создание временного органа, представляющего демократию всех наций, населяющих Украину, для разработки начал автономного устройства края и для руководства всей подготовительной работой, в частности, по созыву съезда из представителей всего населения Украины.

Съезд предлагает Временному правительству войти в соглашение с органами украинской революционной демократии для организации указанного временного краевого органа для установления и проведения конкретных мер, необходимых для удовлетворения национальных потребностей украинского народа».⁷⁹

Преображенский попытался было объяснить, что имел он в виду совершенно иное. «Нами были выдвинуты требования, – уточнил он, – которые давали бы возможность украинскому пролетариату развить свою классовую **борьбу внутри украинского народа против всякого шовинизма**» /выделено мной – Ю.Ж./.. Однако его слова остались гласом вопиющего в пустыне. Его так и не услышали. Не пожелали понять. Более чем разумные разъяснения отвергли, не вдумываясь в них.

– **Хараш**, объединение еврейских социалистических фракций: «Временное правительство должно признать право на национальную автономию за всеми населяющими Россию народностями.

– **Бер**, меньшевик-интернационалист: «Я полагаю, что то обстоятельство, что большевики выдвигают здесь другую резолюцию, даёт против этой резолюции орудие в руки украинских буржуазных националистов для борьбы с украинскими социалистами... Мне кажется, что это есть удар в спину украинским социалистам.

– **Зиновьев**, внепартийная фракция украинцев: «Мы полагаем, что осуществление всех демократических принципов возможно и до Учредительного собрания революционным путём... Политика Временного правительства, игнорируя все самые справедливые заявления и требования революционной демократии Украины, давала только почву для агитации шовинистов, для агитации национально-буржуазных групп. Эта политика правительства в данном случае не боролась с анархией, с сепаратизмом, а только давала лишний козырь в его руки... Поэтому хотя данная резолюция, выработанная комиссией, в которой мы участвовали, может быть и не вполне нас удовлетворяет, но так как в ней есть шаги к соединению именно революционного пролетариата и вообще всей российской демократии и демократии украинской, ввиду всего этого мы... со своей стороны к ней присоединяемся».⁸⁰

Так, склоняя на все лады изрядно уже затасканные за четыре месяца слова «демократия», «революционный», «пролетариат», «шовинизм», «буржуазный национализм», спекулируя ими, потерявшими изначальный смысл, ставшими обязательными при произнесении речей, ни Либер, ни поддержавшие его делегаты так и не осознали – своей скоропалительной, непродуманной резолюцией они пускают волка в овчарню. Ведь украинские националисты даже не могли ожидать столь выгодного только для них предложения, к тому же освящённого высочайшей значимостью Всероссийского съезда Советов.

Ещё бы, они могли в тот же день уведомить Петроград о выполнении всех предложений. Временный орган? Так он уже существует в лице Центральной Рады и Генерального секретариата, в которых подавляющим большинством представлены именно братские социалистические партии. Те, что и ведут борьбу с шовинизмом. Русским. Не приходится выра-

батывать и «начала автономии». Они готовы, не раз изложены как в обращениях Рады к Временному правительству, так и в Универсале. Что же касается «съезда всего населения Украины», то и его давно, 6(19) апреля, провели.

Но нет, съезд ничего не желал о том знать. Дружным голосованием одобрил резолюцию по украинскому вопросу в редакции Либера. Открыл тем дорогу сепаратизму. Заставил правительство отказаться от всех прежних отповедей Центральной Раде, забыть о категорическом противодействии попыткам решать вопрос автономизации до созыва Учредительного собрания (кстати, о том упоминала общая резолюция съезда по национальному вопросу, принятая двумя часами ранее).

Резолюция по украинскому вопросу вынудила Временное правительство совершить непоправимую ошибку. Смириться, как некогда, в 1077 году, германский император Генрих IV, униженно отправившийся на поклон папе Григорию VII в Каноссу. Вместо того чтобы вызвать в столицу представителей Рады для объяснений, оно незамедлительно направило в Киев собственную делегацию, чем и продемонстрировало воочию свою непоправимую слабость.

24 июня (7 июля) Всероссийский съезд Советов завершил работу, а уже вечером 28 июня (11 июля) в Киев прибыла правительственная делегация. Четверо министров: иностранных дел – М.И. Терещенко, военный – А.Ф. Керенский, путей сообщения – Н.В. Некрасов, почт и телеграфов – И.Г. Церетели, представлявших весь политический спектр власти, от кадетов до меньшевиков. На следующий день они начали переговоры, оказавшиеся необычайно трудными из-за несговорчивости украинской стороны, с М.С. Грушевским и В.К. Винниченко.

Рада к встрече подготовилась необычайно тщательно. Постаралась подкрепить свои, в общем шаткие, позиции поспешной, хотя и чисто формальной, консолидацией со Всероссийским съездом. Загодя объявила, что «как орган украинской революционной демократии состоит, главным образом, из Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».⁸¹ Потому-то своими требованиями всего лишь пытается выполнить только что утверждённые в Петрограде резолюции по национальному вопросу. Только почему-то, настаивая на прежних условиях автономии, больше не упоминала (пусть даже о чисто символических) связях с Россией. Зато вновь заговорила о создании своей, национальной армии. О том, что ещё 21 июня (4 июля) попытались отвергнуть и осудить большевики.

В отличие от большинства делегатов съезда Советов, Сталин практически не посещал его заседания, занимался другими делами. Написал опубликованную 20 июня (3 июля) в «Правде» небольшую статью, резко осуждавшую последние действия правительства – «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда». Среди очень многих обвинений содержащую и такое: «Вместо освобождения угнетённых народов – придираки к Финляндии и Украине, боязнь дать им свободу»⁸². 21 июня (4 июля) выступил на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) с пространным докладом «О национальном движении и национальных полках» (текст его, даже в газетном изложении, не сохранился). В нём же, если судить по подготовленной им же резолюции, попытался в какой-то мере сделать то, что так и не удалось Коллонтай и Преображенскому. В резолюции отмечалось:

«Конференция заявляет, что народы России имеют полное право на самоопределение и самостоятельное решение своей судьбы вплоть до отделения, что в частности Украина имеет полное право осуществить свою автономию, не дожидаясь Учредительного собрания». Судя по этой фразе, возможность предоставления независимости Сталин предназначал только Финляндии. Выделив же особо Украину, оговорил для неё лишь автономию, да ещё и не оговорил, какой она должна быть – национально-территориальной или только тер-

риториальной. Вместе с тем, в резолюции предельно ясно выразил отношение к попыткам Рады создать собственные воинские формирования.

«Конференция, – продолжала резолюция, – будучи убеждена в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, хотя, конечно, право на образование таких полков национальностью конференция не отрицает. Конференция выражает твёрдую уверенность, что пролетариат Украины вместе с пролетариатом всей России, заинтересованный в замене постоянной армии всенародной милицией, будет бороться против превращения национальных полков Украины в постоянную, отдельную от народа армию».

Завершалась же резолюция разъяснением генеральной линии – отстаивать Россию как единую страну, не допускать распада её на самостоятельные государства, образованные по национальному признаку:

Конференция чётко убеждена, что только решительное и бесповоротное **признание права наций на самоопределение**, признание на деле, а не на словах, могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем **проложить дорогу действительному их объединению**, добровольному, а не насильственному, **в одно государственное целое.**»^{83/}
Выделено мной – Ю.Ж./

Сходную позицию по вопросу о национальных военных формированиях заняла на переговорах в Киеве и правительственная делегация. Так, Керенский отверг все поползновения Рады на свои права. Решительно заявил: «Время слов прошло. Мы настаиваем, чтобы приказы боевого значения исполнялись беспрекословно.

Всей мощью, которой располагает военный министр, не словами убеждения, а силой власти я заставляю этой воле революционной демократии и её велениям подчиниться». А командующий войсками Киевского военного округа, вошедший в состав правительственной делегации генерал К.М. Оберучев подкрепил такое жёсткое требование приказом о немедленной отправке на фронт 50 тысяч новобранцев-украинцев, которых Рада и предполагала использовать для национальных полков.⁸⁴

Столь же твёрдо отвергли министры и предложение украинской стороны, настаивавшей на том, чтобы Генеральный секретариат являлся ответственным только перед Центральной Радой – как именно её исполнительный орган, а не перед Временным правительством.

Слишком разнившиеся варианты соглашения, практически не сблизившиеся ни по одному пункту, завели переговоры в тупик. И тогда посланцы столицы решили согласовать свои предложения с действительно широкой демократической общественностью. С исполкомами краевых советов, не связанных с Радой. С местными комитетами всероссийских партий.

На этой встрече Церетели указал: «В настоящий момент, когда все силы страны направлены на борьбу с внешним врагом, окончательное решение украинского вопроса было бы несвоевременным». И добавил – единственно возможное сейчас, это образование краевого органа, занимающегося исключительно проблемами национальной культуры. Со своей стороны Керенский пояснил: «Мы считаем нашим гражданским и моральным долгом во что бы то ни стало – единство революционной власти, единство революционного удара». Подразумевал при этом только одно – успех наступления на Юго-Западном фронте. Наконец, Терещенко пояснил, что приблизить мир, закрепить завоевания демократии сможет лишь единство её стратегического и политического фронта.

Аналогичное мнение, как оказалось, разделяли и все местные партийные комитеты – и меньшевиков, и эсеров, и кадетов. В данный переходный период, единодушно полагали они, если на Украине и возможен какой-либо краевой орган, то только образованный с согласия Временного правительства, подчинённый ему и сформированный из представителей регионального Совета рабочих и солдатских депутатов и Центральной Рады на паритетных началах.

Прошедший в тот день областной съезд кадетов в силу сложившихся обстоятельств счёл своим долгом принять особую резолюцию по украинскому вопросу. Ею настаивал, чтобы законопроект об автономии Украины, подготовленный для внесения на рассмотрение Учредительного собрания, непременно разграничил бы компетенцию властей общегосударственной и автономии, никоим образом не нарушая силы власти государственной,⁸⁵

Столь же однозначной оказалась и резолюция киевской городской конференции большевиков. «Мы не поддерживаем сепаратистские тенденции, – гласила она. – Мы ведём агитацию не за отделение, а только за право отделения. В каждом же отдельном случае надо решать вопрос особо, не сточки зрения национальных интересов, а с точки зрения международной борьбы рабочего класса за социализм».⁸⁶

30 июня(13 июля) делегация Временного правительства заявила о достижении компромисса с Центральной Радой и о подписании с ней призванного примирить обе стороны соглашения. Текст его телеграфом направили в Петроград – на утверждение, а сами четверо министров утром следующего дня покинули Киев. Теперь оставалось лишь ждать известий о том, на чём же сошлись поначалу непримиримые стороны, кто и в чём уступил.

Долго ждать не пришлось.

6. Крах

В чём выразился компромисс, выяснилось 3(16) июля. Из телеграммы на имя Винниченко, подписанной Керенским, Церетели и Терещенко. Только тогда и обнаружилось, что уступки, и по всем позициям, сделаны не Радой, а Временным правительством. Отказавшемся подтвердить собственные резкие отповеди украинским сепаратистам. Не желавшем прежде решать вопрос об автономии Украины до Учредительного собрания.

Соглашение, утверждённое правительством, установило:

«Назначить в качестве временного органа управления краевыми делами на Украине особый орган – Генеральный секретариат, состав которого будет определён правительством по соглашению с Центральной Украинской Радой... Через означенный орган будут осуществляться правительством мероприятия, касающиеся жизни края и его управления... Временное правительство отнесётся с сочувствием к разработке Центральной Радой проекта о национально-политическом положении Украины в том смысле, в каком сама Рада найдёт это соответствующим интересам края... Правительство считает возможным предложить содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии в виде комплектования отдельных частей исключительно из украинцев».⁸⁷

Нет, это соглашение никак не походило на компромисс. Скорее выглядело полной и безоговорочной капитуляцией. Предательством национальных интересов, пособничеством в покушении на целостность страны, да ещё и в военное время. Именно о такой оценке документа руководством партии кадетов ещё накануне узнали в Петрограде. Узнали и о резком столкновении 2(15) июля министров-кадетов с министрами-социалистами, поддержанными премьером. Стало известно, что Керенский, Церетели и Терещенко настаивали на одобрении унижительных для общероссийской власти уступок. И что все министры-кадеты (Н.В. Некрасов – путей сообщения, А.И. Шингарёв – финансов, А.А. Мануйлов – просвещения, Д.И. Шаховской – государственного призрения) требовали отвергнуть такое соглашение. Когда же большинством в семь голосов против четырёх именно этот текст был одобрен, подали в отставку, вызвав правительственный кризис.

Керенский, казалось, только того и ждал. Тут же объявил себя премьером, сохранив за собой и пост военного министра, а 4(17) июля подписал ещё один акт – «Временную инструкцию Генеральному секретариату». В ней, не имея на то полномочий, определил гра-

ницы Украины – губернии Киевская, Волынская, Подольская и Черниговская, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбского уездов», а также «и другие губернии или части их в случае, если образованные в сих губерниях на основании постановления Временного правительства земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения».

Определил Керенский и структуру украинского правительства, теперь уже де-юре, а не де-факто. В нём предусматривались генеральные секретари внутренних дел, финансов, земледелия, просвещения, торговли и промышленности, труда.⁸⁸ Иными словами, вне компетенции сепаратистов остались только дела иностранные, военные да юридические.

Киевские националисты откликнулись на столь выгодное только им соглашение сразу же и весьма восторженно. Редкостным для них по доброжелательному тону, даже предельно верноподданническим Вторым Универсалом. Не поскупились в нём на такие слова: «Мы, Центральная Рада, всегда за то, чтобы не отделять Украины от России».⁸⁹ Ещё бы, ведь они, наконец, добились того, на чём настаивали вот уже четыре месяца!

Добились лишь потому, что Керенский откровенно пошёл у них на поводу. Презрел собственные взгляды, выраженные всего месяц назад – «Организм русской армии не будет ослаблен, никакие организационные меры никогда не нарушат её единства... Выделение национальных войск... в настоящий тяжёлый момент растерзало бы её тело, подорвало бы её мощь и было бы губительно как для революции, так и для свободной России».⁹⁰

Трудно предположить, чем бы обернулись столь вызывающие, столь самовольные действия Керенского, да ещё и приведшие к падению правительства, если бы не последующие события.

Днём 3(16) июля солдаты 1-го запасного пулемётного полка, расквартированного близ столицы, в Ораниенбауме, узнали о приказе расформировать – за полный развал дисциплины – их полк, находившийся на фронте. И о скорой отправке теперь уже их в основном тридцатипяти-сорокалетних, на передовые позиции. Потому и решили выразить протест. Громко, во всеуслышание заявить о желании поскорее вернуться в родные деревни, где шёл «чёрный», то есть самовольный, раздел помещичьей земли, а не оказаться в окопах. Приехали в Петроград и нестройными колоннами направились к Таврическому дворцу, где располагался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), избранный недавно прошедшим съездом Советов.

Возможно, всё прошло бы вполне обыденно, если бы мирную безоружную демонстрацию не обстреляли неизвестные лица. Слух о том тут же облетел весь город. К пулемётчикам начали присоединяться солдаты других запасных полков столичного гарнизона – Московского, Гренадёрского, Павловского, 180-го, 1-го. Все они пошли по Невскому, Литейному, требуя передачи всей власти Советам. Полагали уверенно – вот тогда-то и подпишут мир, а их демобилизуют.

Поначалу большевики, как и все остальные партии (кроме анархистов), никак не реагировали на солдатское шествие. Выразили своё отношение к происходившему весьма своеобразно. Направили во ВЦИК, как члена Бюро этого высшего советского органа, Сталина. Уведомить о своей полной непричастности к бурным событиям, незаинтересованности в них. И настойчиво посоветовать далее не медлить. Воспользовавшись на редкость благоприятной ситуацией, взять власть в свои руки.

Однако меньшевики и эсеры, составлявшие в Бюро подавляющее большинство, 39 членов из 48, растерялись. Отказались хотя бы вступить в переговоры с теми, интересы которых вроде бы представляли и выражали. Не нашли ничего лучшего, как срочно выпустить воззвание. Объявили в нём расформирование 1-го пулемётного полка вполне законным, ибо его

санкционировал Керенский как военный министр, а протестующих объявили «изменниками и врагами революции».⁹¹

Разочарованные, оскорблённые таким отношением, солдаты не вернулись в казармы. Продолжали манифестацию до глубокой ночи. Утром 4(17) июля вновь заполонили центральные улицы, ибо их ряды начали пополнять сначала вооружённые рабочие петроградских заводов, красногвардейцы, а затем и прибывшие из Кронштадта матросы с линкоров «Республика». «Петропавловск», «Слава». Поначалу чисто стихийное выступление всё отчётливее стало превращаться в целенаправленное. Неуклонно вести к общенациональному политическому кризису что усугублялось отсутствием законного правительства и существованием демократически избранного ВЦИКа.

Только тогда лидеры и большевиков (Ленин, Зиновьев, Каменев), и близкой к ним межрайонной организации объединённых социал-демократов (Троцкий, Луначарский) с молчаливого одобрения вождя меньшевиков-интернационалистов Мартова, сочли не только возможным, но и необходимым, обязательным для себя возглавить движение масс. Направить его и добиться столь чаемой ими ликвидации двоевластия, ликвидации Временного правительства. Но с таким решением поспешили.

Не были готовы к дальнейшим действиям, не располагали хоть каким-нибудь стратегическим планом. А потому, даже не ввязавшись в драку, проиграли.

Керенский, меж тем, оправился от испуга. Распорядился вывести из казарм гвардейские полки, не принимавшие участия в манифестациях – Измайловский, Семёновский, Преображенский. Намеревался использовать их как полицейскую силу, для разгона демонстраций. К счастью, делать того не пришлось. Сильный ливень, внезапно обрушившийся на столицу, смёл с её улиц всех. Солдат запасных полков, матросов, рабочих, гвардейцев. Вооружённое восстание, как поспешила власть назвать события двух дней, завершилось, по сути так и не начавшись.

Спустя сутки, 6(19) июля, Временное правительство, уже получившее официальную поддержку ВЦИКа, а потому и почувствовавшее себя сильным, отдало приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Троцкого, Луначарского, некоторых иных большевиков и межрайонцев. Поступило так с одной-единственной целью: отвлечь внимание общественности, политиков от собственных противоправных действий. От того, что по-настоящему угрожало стране, её целостности:

- от подписанного с Радой позорного соглашения;
- от начатой вскоре, 19 июля (1 августа), и одобренной назначенным двумя днями ранее Верховным Главнокомандующим генералом-от-инфантерии Л.Г. Корниловым украинизации десяти дивизий и преобразования 34-го армейского корпуса, командиром которого был генерал-лейтенант П.П. Скоропадский, в 1-й Украинский;
- от, может быть, ещё более опасного отделения Финляндии, что создавало грозный прецедент.

В своих расчетах, если они и были, и Керенский, и Временное правительство, и ВЦИК не предусмотрели только одного. Того, что своим потворствованием Раде они породили цепную реакцию развала страны. Ведь буквально сразу же после публикации пресловутого соглашения, 5(18) июля, сейм Великого Княжества принял закон «Об осуществлении верховной власти в Финляндии». Фактически провозгласил им независимость.

«За прекращением прав монарха, – прокламировал он, – согласно определению сейма Финляндии имеет силу следующее: 1. Сейм Финляндии единолично решает, утверждает и постановляет о приведении в исполнение всех законов Финляндии, в том числе касающихся финансового хозяйства, обложения и таможенных дел. Сейм окончательно определяет также о решении всех прочих дел Финляндии, подлежащих, согласно действовавшим до сих пор законоположениям, решению Государя Императора и Великого Князя. Определения сего

закона не распространяются на дела внешней политики, а также на военное законодательство и управление.

2. Сейм собирается в очередную сессию без особого созыва и определяет срок закрытия сессии. Впредь до издания новой формы правления Финляндии сейм осуществляет в порядке ст. 18 сеймового устава право постановлять о производстве новых выборов и роспуске сейма.

3. Сейм определяет исполнительную власть Финляндии. Высшая исполнительная власть осуществляется временно Хозяйственным департаментом Финляндского Сената, члены которого назначаются и увольняются сеймом».⁹²

Неделю спустя, когда в Петрограде политические страсти, порождённые событиями 3–4 июля, несколько поутихли, председатель сейма К. Маннер и его заместитель В. Иокинен, оба социал-демократы, направили Временному правительству послание, предельно просто и коротко названное ими – «Адрес». В нём же, не скрывая иронии, так объяснили причины появления закона «Об осуществлении верховной власти». Мол, депутаты утвердили его, только внемля настоятельному призыву съезда Советов. Одобрившему решение Чрезвычайного съезда социал-демократической партии Финляндии и принявшему единогласно повторившую его содержание резолюцию.

«Всероссийский съезд представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, – информировали Маннер и Иокинен социалистов России, – изъявил свою готовность поддерживать и требовать для Финляндии права полного самоопределения вплоть до политической независимости. Следовательно, русская революционная демократия, не терпящая сама угнетений, благородно взяла под своё покровительство упования нашего народа на достижение политической самостоятельности.

Однако названный съезд представителей полагал, что разрешение финляндского вопроса во всём его объёме может быть одобрено со стороны России лишь Всероссийским Учредительным собранием. Непосредственное же практическое значение должно признать затем обстоятельством, что съезд представителей, предлагая Временному правительству безотлагательно принять необходимые меры к осуществлению полного самоуправления Финляндии, требовал признания прав сейма издавать и окончательно утверждать все касающиеся Финляндии законы, за исключением внешних сношений и военного законодательства и управления, а равно решать вопросы о созыве и роспуске сейма, а также признания права Финляндии самостоятельно определять свою исполнительную власть.

В соответствии с сим сейм в принятом им ныне законе ограничился лишь установлением тех прав финского народа и народного представительства, безотлагательное признание и введение в действие коих необходимо в видах осуществления полного самоуправления Финляндии».⁹³

И сам закон, и разъяснение причин его принятия продемонстрировали наметившуюся крайне опасную тенденцию. Слишком щедро разбрасываемые необдуманно обещания власти – предоставить всем народам право на самоопределение вплоть до полной независимости, как бы предreshённое преобразование России из страны унитарной в федерацию – обобщались страшной реальностью, неизбежным распадом.

Только тогда Временное правительство опомнилось. Хоть и с запозданием, только 18(31) июля, но всё же жёстко откликнулось на появившийся закон Великого Княжества. Объявило «манифестом» о роспуске сейма. Немедленно, с того же дня. Мотивировало своё столь неожиданно твёрдое решение ничем иным, как заботой о соблюдении законности.

«Временное правительство, – напоминал «манифест», – всенародно приняв присягу о сохранении им прав народа державы российской, не может поступиться ими до решения Учредительного собрания. Продолжая почитать своим долгом и своею заботою охрану и развитие прав внутренней самостоятельности Финляндии согласно манифесту от 7(20) марта

с.г., им изданному, Временное правительство в то же время не может признать за финляндским сеймом право самочинно предвосхитить волю будущего российского учредительного собрания и упразднить уполномочия российской власти в делах финляндского законодательства и управления...

Повелев посему произвести новые выборы в кратчайший срок, 1 и 2 октября нового стиля, текущего года, Временное правительство признало за благо созванный им 22 марта (4 апреля) с.г. очередной сейм распустить и назначить созыв нового сейма не позднее 1 ноября сего года».⁹⁴

Тем власти не ограничились. Вслед за «манифестом» последовал ещё один официальный акт. Постановление: «Заслушав доклад финляндского генерал-губернатора М.А. Стаховича и имея в виду, что ведётся усиленная агитация в пользу незаконного созыва сейма, Временное правительство уполномочило финляндского генерал-губернатора никоим образом не допустить явного пренебрежения интересами России, нарушения государственного порядка и не остановиться в случае надобности ни перед какими мерами для восстановления такового».⁹⁷ Заявление вице-премьера Н.В. Некрасова, вышедшего из кадетской партии ради того, чтобы вернуться во власть: «В финляндском вопросе правительство по-прежнему будет стоять на строго конституционной точке зрения и никакого умаления суверенных прав России не допустит».⁹⁶

Но чем настойчивее Временное правительство пыталось показать свою твёрдость, тем большее возникало ощущение его слабости, неуверенности. Сделав огромные, ничем не вызванные, а потому странные, даже преступные уступки Центральной Раде, оно постаралось оправдаться в глазах граждан, пойдя на неоправданные крайние меры по отношению к финскому сейму.

Действительно, правительство признало автономную Украину, да ещё и в неопределённых, расплывчатых границах, без учёта мнения населения края, разрешило создать украинскую армию. Допустило тем и «пренебрежение интересами России, нарушение государственного порядка», и «умаление суверенных прав России. Когда же в Гельсингфорсе вознамерились всего лишь сами установить срок созыва собственного, вполне законного сейма, в Петрограде почему-то возмутились, обрушились на Великое Княжество запретами, обещаниями наказания. И вызвали тем новую волну критики со стороны оппозиции. Прежде всего, кадетов, уже не раз выступавших со своим особым взглядом на решение национального вопроса.

На своём очередном, 9-ом, съезде, открывшемся в Москве 23 июля (5 августа), они естественно попытались, прежде чем принимать какие-либо решения, разобраться в ситуации, сложившейся в стране после провала наступления Юго-Западного фронта, солдатского выступления в Петрограде и падения первого коалиционного правительства. Оценка же оказалась однозначно отрицательной. Выражаемой одним-единственным словом – «хаос» Во всяком случае, именно так выразился лидер партии П.Н. Миллюков.

Хаос в армии, – констатировал он, – хаос во внешней политике, хаос в промышленности, хаос в национальном вопросе, вызванный признанием Украинской Рады... К этому можно прибавить хаос на путях сообщения... Только усилиями наших товарищей, Шингарёва и его заместителя, не вышел наружу хаос финансов, и усилиями того же Шингарёва отсрочен хаос в области продовольствия».

Причину столь безотрадного положения старый политик и историк увидел в порочности политики и Временного правительства, и премьера. Отсутствия у них социальной ответственности. «Вы помните, – обратился к собравшимся Миллюков, – эту сцену с солдатом, который сказал Керенскому: «Зачем земля и свобода, если я должен умереть?» И потом упал в обморок от крика Керенского: «Молчать, когда говорит министр!»? Вот в этой сцене ска-

зался трагический конфликт государственной необходимости с теми несовершенными средствами, какими пыталось удовлетворить эту потребность Временное правительство второго состава. И, конечно, для всех было ясно, что победил солдат, а не Керенский».⁹⁷

Но весьма яркую речь лидера делегаты услышали только на третий день работы съезда. Начался же он с доклада М.М. Винавера о подготовке к выборам в Учредительное собрание. А вторым выступил профессор международного права, давний официальный советник (как ещё царского, так и революционного МИДа) Б.Э. Нольде. Свое выступление он посвятил «Национальному вопросу в России». Как и в начале мая у Кокошкина, речь Нольде оказалась предельно обоснованной, максимально развёрнутой, исходившей из опыта «разноплеменных», по его выражению, западных государств. Исходила и из бесспорной для него истины: «Я всё же не могу считать раздел России по национальностям единственно правильным и единственно возможным решением русской национальной проблемы. Такой раздел не имеет исторической опоры, ибо многие русские национальности /то есть народы России – Ю.Ж./ не знали собственного политического существования в прошлом, и русские губернии составлялись... из административных станций, к которым приписывались известные части территории».

Тем обоснование своей позиции не завершил. Продолжал: «Такому национальному разделу России могут оказать сопротивление могущественные факторы экономического характера, которые часто не позволяют дробить русскую территорию по этнографическим границам. Наконец, такое деление вызывает веские сомнения и с точки зрения правильного построения всего русского государственного обихода. Национальный раздел вызывает опасность национальных империализмов».

Последней фразой выразил предвидение неперенных территориальных споров. На том счёл достаточно выраженной исходную позицию, а потому и перешёл к конкретным рекомендациям. Свёл их к трём обязательным положениям. Во-первых, «обеспечение равномерной доли участия всех национальностей в делах общего и местного государственного управления и самоуправления». Во-вторых, удовлетворение «требований национальностей, касающихся языка, этого высшего символа и выражения национальности». При этом отметил непреложное. «Русский язык должен остаться языком центральных государственных учреждений, армии и флота, он должен, сверх того, (остаться) как единственно возможный в России международный язык».

В-третьих, указал Нольде, «разрешение национального вопроса следует проводить «на начале личном, а не местном» /то есть не территориальном – Ю.Ж./ «по отношению к положительным стремлениям национальностей в области их культурного национального строительства». Пояснил, что самый идеальный пример тому видит в положении армян. «Нет, – отметил он, – армянской национальной организации в пределах России, которая была бы приурочена к каким-либо губерниям и уездам с армянским большинством, но есть повсеместная национальная армянская организация /армяно-григорианская церковь – Ю.Ж./ с широкими культурными функциями».⁹⁸

Профессора международного права поддержал профессор истории Милюков. Правда, остановился на одном лишь аспекте проблемы, волновавшем его более других. Ни словом не обмолвился о финском вопросе – видимо, полагал его всего только бурей в стакане воды. Сделал краткий доклад об автономии Украины. «Подобное самочинное отпадение от России, – указал он, – до решения Учредительного собрания в явочном порядке едва ли является правильным разрешением национального вопроса». Напомнил, что соглашение Временного правительства с Радой справедливо «вызвало протесты в среде партии народной свободы». Но вынужден был констатировать и иное. Свершившееся вынуждает «образовать специальную комиссию для разработки ко времени созыва Учредительного собрания законопроекта

областной автономии Украины».⁹⁹ И только так можно выйти из того тупика, куда власть завели.

В день закрытия, 28 июля (9 августа), съезд одобрил две близких по сути резолюции. По вопросу об автономии Украины принял без каких-либо изменений или пополнений предложение Милюкова о создании особой комиссии. А также по национальному вопросу, но лишь в предельно узком его аспекте – культурного строительства. То есть именно так, как и осветил его Нольде в докладе:

«Государство может передать национальностям, действующим в качестве единых нетерриториальных публично-правовых союзов, осуществление указываемых законом задач культурного управления (просветительных, религиозных, по общественному призрению, экономических и т. д.) в отношении всех лиц, признающих свою принадлежность к этим национальностям. Организация этих национальных союзов, предметы их ведения и степень власти, размеры производимых ими из средств государственного казначейства пособий и условия обложения участников, а равно и отношение союзов к государству определяются в порядке общегосударственного законодательства».¹⁰⁰

Другая партия, также находившаяся в открытой оппозиции к власти, только не справа, как кадеты, а слева (большевистская) после трагических для неё июльских дней на время полностью отрезалась от всего, что беспокоило, волновало страну. На своём 6-м съезде, проходившем в Петрограде с 26 июля по 3 августа (7-16 августа) без скрывавшихся на Карельском перешейке Ленина и Зиновьева, без находившегося в тюрьме Каменева занималась исключительно внутрипартийными проблемами. Даже Сталин, выступивший дважды с основными докладами (отчётным и по текущему моменту) ни разу не вспомнил, ни словом не обмолвился о столь волновавшем его ещё совсем недавно национальном вопросе.

Предельно схожую позицию как бы замалчивания проблем Украины и Финляндии, других национальных окраин, заняли и партии, представленные в правительстве – меньшевики и эсеры. Более всего их тогда заботил самовольный, принявший массовый характер, захват помещичьих земель. Сопровождавшее его уничтожение барских усадеб, но лишь после того, как из них растаскивали сельскохозяйственный инвентарь, мебель, даже посуду, уводили скот и лошадей. Ведь эсер В.М. Чернов должен был защищать, как министр земледелия, частную собственность, законность, препятствовать тому, что буржуазия называла разгулом анархизма. А как лидер партии – этих самых крестьян, всемерно помогать им решить, наконец, вековечный вопрос о земле.

И ещё волновала меньшевиков и эсеров не менее злободневная проблема – власти. Уже ни для кого не являлось секретом, что Временное правительство окончательно и бесповоротно утратило доверие всех. И населения, и политических группировок. Правых кадетов, монархистов, прогрессистов, для которых оно стало слишком мягким, безвольным, ведущим тем страну к гибели. Левых меньшевиков, эсеров, меньшевиков-интернационалистов, посчитавших гонения на большевиков и анархистов не совместимыми с принципами демократии, революции.

Оказавшись в столь безвыходном положении, Временное правительство пошло на отчаянный шаг. Пытаясь снять с себя дальнейшую ответственность, попыталось прикрыться волеизъявлением общественности. Самой широкой. Созвало в Москве 12(25) августа Государственное совещание. По выражению его инициатора, Керенского – истинный русский «земский собор». Подчёркнуто не партийное совещание, участниками которого стали представители всевозможных организаций и обществ. От Союза георгиевских кавалеров, представителей всех казачьих войск, торгово-промышленных кругов, научных обществ до городских дум, земств, профсоюзов и ЦИКов Советов. Временное правительство наивно полагало: за решениями Государственного совещания сможет надёжно укрыться. Но ошиблось.

Открыл совещание Керенский. Сумбурной, как обычно, патетической речью попытался скрыть отсутствие какой бы то ни было программы действий. Зато пересыпал её мало-вразумительными угрозами всем без исключения политическим силам, и правым, и левым. Особенно же досталось депутатам финского сейма. Вознамерившимся пренебречь запретом Временного правительства и собраться на очередную сессию не когда-либо, а 16(29) августа. Так и не сумевшим сделать того – по приказу из Петрограда здание сейма заняли солдаты. Пока же, предвосхищая только возможные события, Керенский пригрозил социал-демократам Финляндии в случае сопротивления, противодействия применить всю полноту власти.

Зато предельно мягко отозвался о тех, с кем подписал соглашение – о деятельности Центральной Рады. «Я не хочу, по родственному заметил он, – другой интимной и братской распри. Я верю, что многомиллионная трудящаяся, рабочая и городская масса наших братьев по крови и по общей судьбе, украинцев, не смотря на многие, может быть, по недоразумению происходящие обиды и взаимные расхождения, никогда не пойдут по пути, на котором мы могли бы сказать: «Почему же ты, брат, целуешь меня и кто дал тебе тридцать серебрянников?»».¹⁰¹

Выступления других министров – И.Л. Авксентьева, Н.В. Некрасова (уже не кадета, а «радикального демократа»). С.Н. Прокоповича – не привнесли ничего нового. Оставили собравшихся в полном неведении относительно дальнейших намерений правительства, его программы.

Истинные настроения участников совещания стали раскрываться лишь на второй день. Именно тогда, хотя и вскользь, не став основной, определяющей, и прозвучала оценка отношения Временного правительства к происходящему на окраинах.

Самой мягкой из отрицательных оказалась декларация бывших депутатов Государственной Думы. «Сохранение единства России, – выразил их коллективное мнение кадет В.Д. Набоков. – вполне совместимое с установлением местных автономий властью Учредительного собрания, является исторической задачей», но в трагическую ныне переживаемую минуту всякие попытки к расчленению нашего отечества должны быть осуждены как сознательная или бессознательная помощь врагу».¹⁰²

Более решительно высказались бывшие депутаты Государственной Думы: «В вопросах национальных и социальных деятельность правительства и его местных органов не должна предрешать воли всего народа, выраженной в Учредительном собрании... В частности, в национальных вопросах **при полном сохранении прав** гражданского равенства и **национально-культурного самоопределения** /выделено мной – Ю.Ж./, завоёванных революцией, далее идущие стремления национальностей должны быть введены в пределы, совместимые с полным сохранением государственного единства России».¹⁰³

Ту же позицию разделял и М.В. Родзянко. Председатель несуществующего Временного комитета Государственной Думы, и давшего жизнь Временному правительству. «Я с тревогой, – отметил он, – слушал заявление министра-председателя о тех поднимающихся сепаратистских тенденциях национальностей, населяющих нашу великую Россию, и в этом я вижу, что не государство слабо, а слаба та власть, которая не могла всею мощностью остановить все эти движения, которые грозят оторвать от нас коренные наши провинции».¹⁰⁴

Противоположный политический лагерь, меньшевики и эсеры, выступавшие от имени ЦИКов Советов как рабочих и солдатских, так и крестьянских депутатов, продемонстрировали в отношении национального вопроса полную поддержку правительству. Сочли необходимым, явно идя на поводу у сепаратистов, повторить их неизменное требование: «Издание декларации Временного правительства о признании за всеми народами права на полное самоопределение, осуществляемое путём соглашения во всенародном Учредительном собрании... Образование при Временном правительстве Совета по национальным

делам, куда входили бы представители всех национальностей России, в целях как подготовки материала по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, представляющих нациям возможность разрешать вопросы своей внутренней жизни».¹⁰⁵

Мало того, представленный исключительно эсерами Всероссийский крестьянский союз выразился ещё более определённо.

Он «находит, – указала его декларация, – предпринимаемые Временным правительством меры соответствующими интересам государства как целого, и выражает надежду, что сами окраины не доведут русское государство до распада и гибели».¹⁰⁶

Но все такого рода декларации и выступления только констатировали происходящее. Если и расценивали его отрицательно, то всё же не предлагали ничего, что помогло бы вывести страну из тупика. Потому-то и прозвучали диссонансом на совещании «Военной партии» речи Л.Г. Корнилова и избранного незадолго перед тем атаманом Всевеликого Войска Донского генерала-от-кавалерии М.А. Каледина. Не стеснясь в выражениях – мол, что с них, с фронтовиков, взять – они потребовали незамедлительного наведения порядка. Сначала в армии. И для того ликвидировать вносящие смуту все без исключения солдатские Советы и комитеты, а также систему правительственных комиссаров. Вместе с тем и восстановить былую дисциплину, возродив обязательную отдачу чести нижними чинами офицерам, смертную казнь.

Только такими методами, убеждённо говорили они, можно предотвратить поражение. Спасти страну. Каледин же решительно заключил: «Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше».¹⁰⁷

Большевиков среди участников Государственного совещания не оказалось. Формируя на него делегацию, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов исключил их из её состава. На всякий случай, опасаясь каких-либо эксцессов в связи с июльскими днями. Вынудили тем крайне левую оппозицию заявлять о своих взглядах, своём видении происходящего в стране не с высокой московской трибуны, а на газетных полосах. В петроградском «Пролетарии», московском «Социал-демократе», на время заменивших запрещённый властями центральный орган, «Правду».

Прежде всего большевики обрушились на Государственное совещание как таковое. Объявили его «контрреволюционным заговором против народа», попыткой подменить им и Учредительное собрание, и ВЦИК. Саркастически комментировали отдельные выступления, дабышний раз подтвердить собственную правоту. Комментировали и буржуазную прессу. Особенно блестяще сумели, и не раз, обыграть заявление финансового магната П.П. Рябушинского, не постеснявшегося или сделавшего то по глупости пообещать, если потребуется, задушить «костлявой рукой голода... демократические Советы и комитеты».

Не оставили большевики без внимания и национальный вопрос. Правда, не пытались предложить серьёзный ответ на него. Всего лишь использовали конфликт власти и окраин с одной-единственной целью. Привлечь на свою сторону (или заручиться просто поддержкой хотя бы на короткое время) Финский сейм, Украинскую Раду. Действовали согласно испытанному принципу: «враг моего врага – мой союзник».

Так, ещё 10(23) августа член Московского областного комитета ЦК РСДРП(б) Н. Осинский (В.В. Оболенский) счёл нужным выразить в «Социал-демократе» свое мнение о событиях на Украине. В статье «Обманутые кредиторы» рекомендовал Раде и Генеральному секретариату:

«Вместо того, чтобы идти в ногу с коалиционным министерством и поддерживать его 3–5 июля (а это киевская Рада делала в те дни), надо было понять, что сделка с контрреволюционным по своему устремлению блоком приведёт только к разбитому корыту.

Орган Винниченко «Робитнича газета», по сообщению «Русского слова», пишет о том, что «правительство, очевидно, собирается спровоцировать Украину и задушить её войском вместе с Финляндией, либо, если поток крови не удастся, снова перейти к мошенничеству. Но, разумеется, добавляет «Робитнича газета», Центральная Рада не позволит себя спровоцировать.

Пожелаем, чтобы эти слова сбылись наделе и чтобы мелкая буржуазия Украины окончательно и ясно поняла, в каком направлении лежит путь к освобождению всех народов и за кем ей надо следовать на этом пути».¹⁰⁸

Сходные пожелания, адресованные на этот раз финским социал-демократам, выразил и М.И. Губельман, также член Московского областного бюро. В той же газете поместивший под псевдонимом «Ем. Ярий» статью «Судьба Финляндии». Только 18(31) августа, уже после завершения работы Государственного совещания. «Наша точка зрения, – писал он, – финским товарищам ясна и хорошо известна. Мы не только не поддерживали Временное правительство в его репрессиях по отношению к русскому и финляндскому народу. Мы решительно и открыто протестовали против этих насилий и репрессий...

Наша партия, партия революционного пролетариата, может в эти дни, как и раньше, сказать, что узы международной солидарности народов Финляндии и России станут тем крепче, чем свободнее будет каждая страна в деле самоопределения».¹⁰⁹

Но лишь одна статья, в номере «Пролетария» за 13(26) августа, оказалась глубокой, по своей сути – программой для партии. Статья Сталина «Контрреволюция и народы России».

Начал её Сталин примерно так же, как и Осинский: «Распускается сейм в Финляндии с угрозой «объявить Финляндию на осадном положении, если это потребуется» («Вечернее время», 9 августа). Открывается поход против Рады и Секретариата Украины с явным намерением обезглавить автономию Украины». И всё это предпринимается «с тем, чтобы, развязав контрреволюционно-шовинистические силы, потопить в потоках крови самую идею национального освобождения, вырыть яму между народами России и посеять между ними вражду на радость врагам революции.

Тем самым, наносится смертельный удар делу объединения этих народов в единую братскую семью. Ибо ясно само собой, что политика национальных «придинок» не объединяет, а разъединяет народы, усиливая среди них «сепаратистские» стремления. Ибо ясно само собой, что политика национального угнетения, проводимая контрреволюционной буржуазией, грозит тем самым «разложением» России, против которого так фальшиво и лицемерно вопиет буржуазная печать».

Таким образом Сталин и развернул исходную для Осинского точку зрения. Развернул в ту позицию, которую отстаивал вот уже четыре месяца. Отстаивал необходимость единства страны, только теперь, после разгула мелкобуржуазного национализма, не прямо – «против федерализма», а приспособившись к реально существовавшей ситуации.

«Мы вовсе не против объединения народов в одно государственное целое, – обращался Сталин к кадетам, генералам. – Мы отнюдь не за дробление крупных государств на мелкие. Ибо ясно само собой, что объединение мелких государств в крупные является одним из условий, облегчающих дело осуществления социализма». Последней фразой, сделав полный поворот кругом, пояснял свою позицию уже всем социалистическим партиям. И тут же уточнил необходимое:

Номы, безусловно, зато, чтобы объединение это было **добровольным**, ибо только такое объединение является действительным и прочным. Но для этого необходимо, прежде всего, полное и безоговорочное признание права народов России на самоопределение вплоть до отделения их от России... Необходимо, далее, это словесное признание подтвердить делом, предоставив народам теперь же определить свои территории и формы своего политического устройства на своих учредительных собраниях.

Только такая политика может усилить доверие и дружбу народов. Только такая политика может проложить дорогу делу действительного объединения народов».

Нет, Сталин не заигрывал, как то может показаться, с сепаратистами, не собирався идти на опасные по последствиям уступки. Просто проявил себя редкостным прагматиком, учитывающим все без исключения обстоятельства. И предлагал потому единственно возможный в тот момент способ сохранить единство страны – через власть Советов, через всепроникающую деятельность общероссийской большевистской партии, призванной объединить пролетариев без деления их по национальностям. Но таким образом ставил вопрос о власти:

«Либо народы России поддержат революционную борьбу рабочих за власть, и тогда они добьются освобождения, либо они её не поддержат, и тогда не видать им освобождения, как своих ушей».¹¹⁰

О том, что ключом к решению всех накопившихся проблем является власть, понял не только Сталин. Поняли, и столь же хорошо, и генералы. Государственное совещание завершилось 15(28) августа, а всего через неделю начался армейский мятеж. Начался благодаря откровенному попустительству и двуличному поведению Керенского и его заместителя по военному министерству Б.В. Савинкова. Эсера, знаменитого террориста, державшего в страхе царскую охранку. Начался со сдачи 21 августа (3 сентября) Риги и отхода частей Северного фронта почти на сто километров к северо-востоку. Открывая тем немцам дорогу на Петроград.

В тайне от остальных членов кабинета, Керенский дал согласие снять с фронта и ввести в столицу 3-й казачий корпус генерала А.М. Крымова. Якобы для охраны правительства, обеспечения в городе порядка и предотвращения восстания большевиков, о котором те пока и не помышляли. Помимо того, премьер согласился и с созданием некоей «Петербургской армии», должной вобрать 3-й казачий корпус и все части, расквартированные в Петрограде и его окрестностях, но подчинённой почему-то не командующему Северным фронтом генералу В.Н. Клембовскому, а непосредственно Ставке. То есть Л.Г. Корнилову и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу-от-инфантерии М.В. Алексееву.

Керенский отлично понимал, что дело идёт к государственному перевороту, и тем не менее одобрял все предложения «военной партии». Ничего не предпринимал даже тогда, когда 26 августа (8 сентября) корпус генерала Крымова, сопровождаемый купленными в Великобритании броневиками, двинулся на Петроград. Лишь узнав от В.Н. Львова, оберпрокурора Синода в первом составе Временного правительства, ставшего посредником между генералами и премьером, что будет вместе с остальными министрами арестован, испугался. За себя. Обратился за помощью к ВЦИКу и большевикам. Призвал именно их организовать оборону столицы, защитив демократию и революцию.

Мобилизация членов Красной гвардии, солдат запасных полков и моряков Кронштадта и Гельсингфорса началась 27 августа (9 сентября). На следующий день они выдвинулись на дальние подступы к Петрограду и заняли подготовленные позиции. Одновременно к казачкам корпуса Крымова направили агитаторов-большевиков, сумевших распропагандировать мятежников и отказаться от дальнейшего движения. 30 августа (9 сентября), поняв, что путч провалился, генерал Крымов застрелился.

Но Керенский не подал в отставку. 1(14) сентября объявил о двух важных решениях. Россию провозгласили Республикой и создали временный орган управления страной – Директорию. Включившую пять членов старого кабинета – самого Керенского и министров: М.И. Терещенко (иностраннх дел). А.И. Верховского (военного), Д.Н. Вердеревского (морского). А.М. Никитина (почт и телеграфов). А накануне Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов подавляющим большинством голосов принял резолюцию «О власти». Потребовавшую создать рабоче-крестьянское правительство, отменить частную собственность на землю, ввести на предприятиях рабочий контроль, предложить всем воюющим

странам заключить мир без аннексий и контрибуций. В знак протеста Президиум столичного Совета, состоявший только из эсеров и меньшевиков, подал в отставку. Совет тем не смутился и тут же избрал новый состав своего руководящего органа. Теперь уже – из большевиков и левых эсеров, а председателем утвердил Л.Д. Троцкого, вступившего перед тем в партию большевиков.

5 сентября ту же резолюцию принял и Московский Совет, также перешедший под полный контроль большевиков.

Глава II. Три фронта борьбы

Корниловский, точнее – военный мятеж, даже подавленный, коренным образом изменил политическое положение в стране. Устранил некую видимость равновесия во власти, выражавшуюся в надежде на прочность коалиционного правительства. Устранил и безосновательное представление, что союз социалистических партий эсеров и меньшевиков с ценовой буржуазией кадетами и служит надёжной гарантией от любых поползновений контрреволюции. Является той единственной силой, которая только и может отстоять завоевания революции и демократии. Правда, в чём конкретно выражаются эти самые завоевания, объяснить не мог никто. Ведь все давно назревшие, перезревшие вопросы Временное правительство упорно откладывало на разрешение Учредительного собрания. Уповало лишь на него.

Возможно, именно потому известный юрист, приват-доцент Петроградского университета, видный член кадетской партии (выдвинутый ею кандидатом в члены Учредительного собрания) К.Н. Соколов постарался развеять ложные иллюзии, призрачные надежды. Высказал неожиданный для многих, даже парадоксальный прогноз на ближайшее будущее. Заявил, что Россия находится на пороге гражданской войны. Только противоборствующими в ней силами станут не вроде бы очевидные противники – организованная демократия и сторонники старого режима, не буржуазия и социалистические партии, и даже не Временное правительство и Советы, как можно было предполагать. Нет.

«Отныне, – писал Соколов в самом распространённом еженедельнике той поры, «Ниве», – судьбу России решит борьба «контрреволюционеров разных оттенков» и большевиков».¹

Как и очень многие, в своих предположениях Соколов исходил прежде всего из безусловного, непреложного. Временное правительство больше никто уже не воспринимал как власть. Не считал таковой после корниловского мятежа, когда – не за помощью, нет за спасением – оно обратилось к большевикам. К той самой партии, которую всего полтора месяца назад видело своим главным противником. Именно её обвиняло в попытке государственного переворота. Её, которая и спасла правительство.

Не могло считаться Временное правительство общероссийской властью и после бессмысленно развязанного конфликта с финским сеймом, после заигрывания с Центральной Радой.

Но раз эсеры и меньшевики составляли основу такого правительства, то и они никоим образом не могли представлять хоть какую-нибудь силу.

Тогда, может быть, силой явится долгожданное Учредительное собрание? Да, на него надеялись чуть ли не все. Даже большевики. И никто из ожидавших его как нового мессии, не задумывался что и оно окажется бессильным. Ничего не сможет разрешить по самой простой причине – не сумеет выразить интересы большинства населения страны. По одной предельно простой причине – те, кому предстояло участвовать в первых за всю историю России всеобщих выборах, ещё не доросли до понимания своей лишь на первый взгляд простой задачи.

В массе своей народ, выросший и сформировавшийся в условиях самодержавия, не мог представить себе, кого и зачем ему следует выбирать депутатом Учредительного собрания, что конкретно должно собрание сделать. Разве и без него нельзя выйти из войны, дать землю крестьянам?

Так кто же тогда мог реально претендовать на власть? Иными словами, принимать решения, беря на себя всю ответственность за них, за их последствия.

Разумеется, лишь тот, кто чётко и ясно представлял себе те задачи, которые следует решить прежде всего. Сделать всё возможное, дабы вывести страну из кризиса. Политического, экономического, финансового, военного. И сохранить при этом целостность страны. Решить же всё это как можно скорее, не откладывая пусть на близкое, но всё же будущее. Да ещё твёрдо знать, что принятые решения удовлетворят далеко не всех. Неизбежно вызовут возражения, осуждения, даже сопротивление.

Претендуя на власть, следовало знать и главное. При выборах в Учредительное собрание основными станут не голоса, набранные какой-либо партией где-нибудь в Туркестане. У неграмотных кочевников, не имеющих ни малейшего понятия о происходящем за пределами их степей. Или у народов, населяющих Кавказ, Поволжье, Сибирь. Никогда прежде не задумывавшихся о политике, не представляющих смысла созываемого Учредительного собрания.

Самыми весомыми, решающими должны стать голоса почти семи миллионов солдат и матросов. И действующей армии, и тех, кого только что призвали в армию и готовили к отправке на фронт.

Вот потому-то несомненным претендентом на власть являлась прежде всего Ставка. Подчинённые ей корпуса и дивизии, находящиеся на линии, растянувшейся от Аландских островов до далёкой Персии. С также подчинёнными ей военными округами, охватившими всю страну. «Располагающими запасными полками, маршевыми ротами. Словом, с огромной вооружённой массой, приученной выполнять приказы, повиноваться командирам.

Но таким же претендентом выступали и большевики. Обладавшие по сравнению с другими партиями несомненным преимуществом. Жёсткой организационной структурой практически во всех губернских, во многих уездных городах. Членами партии, считающими своим прямым долгом безоговорочно выполнять, как свои, решения Центрального Комитета. Верящими в них. И к тому же, наравне со Ставкой, опиравшиеся на армию. Давно завоевавшие непререкаемый авторитет в солдатских Советах и комитетах. Верившими только большевикам, ибо именно они обещали немедленный мир и возвращение домой, где их ожидал раздел земли. Помещичьей, государственной, императорской семьи.

В своём прогнозе Соколов всё же допустил ошибку. Не учёл ещё одну, и немаловажную, силу. Успешную к тому времени не раз проявить себя. Сепаратистов, грозивших не только серьёзно изменить расклад сил, но и нарушить все планы тех, кто будет им противостоять.

1. На переломе

Почти всё это, наконец, стали понимать и члены Директории, всё ещё подменявшие Временное правительство. Потому и попытались скрыть свою беспомощность, бессилие очередным всероссийским совещанием. Призванным принять необходимые решения, взяв на себя ответственность за них. Совещанием, на этот раз названным Демократическим, ибо на нём были представлены только Советы, профсоюзы да все без исключения социалистические партии, в том числе и большевистская.

Как общероссийские, так и краевые, чисто национальные. Украинские, белорусские, эстонские, латышские, литовские, молдавская, грузинские, армянская, мусульманские, даже киргизская и бурятская.

Демократическое совещание открылось в Петрограде 14(27) сентября. По замыслу организаторов, должно было дать ответ на самый важный в те дни вопрос – о власти. Следует ли в правительстве сохранить коалицию с кадетами, или же сформировать однородный социалистический кабинет. Всё из тех же меньшевиков да эсеров.

Совершенно неожиданно вторым вопросом, чуть ли не все восемь дней работы совещания вытеснявшим первый, оказался иной. Национальный. А обсуждение его превратилось в своеобразный референдум о том, какой же отныне быть России. Остаться, как и прежде, унитарной, либо стать федеративной.

Поначалу к проблеме, и вполне закономерно, естественно, обратились на заседании рабочей группы национальных партий. Именно там, пока ещё в предельно узкой среде, игнорируя главный вопрос – о конструкции власти и – и заговорили уже 15(28) сентября. Делегаты из Армении, Грузии и Эстонии посчитали необходимым как можно быстрее провозгласить страну федеративной республикой. Лишь для того, чтобы поскорее покончить с той жёсткой централизацией государственного управления, которую они считали тяжёлым наследием старого режима.

Как тут же выяснилось, подобный взгляд разделяли далеко не все. Так, решительно против федерализации выступил представитель латышской социал-демократии. Тем не менее, буквально через день, уже на пленарном заседании Демократического совещания, о национальном вопросе заговорили многие.

Посланец Всероссийского мусульманского военного Совета (шуро), то есть солдат, призванных в армию из Татарии, Башкирии и Северного Кавказа, У. Токумбаев напомнил о корниловском мятеже. И чтобы избежать подобного в дальнейшем, предложил полностью перестроить все вооружённые силы. «Только национальная армия, – заявил он, игнорируя то, что под командой Крымова на Петроград шла и Туземная («Дикая») дивизия, – когда командный состав **близок по духу и крови** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ солдатской массе, способна спасти родину от дальнейшего развала и распада».

Этот призыв подхватил Величко, делегированный на совещание Украинским Генеральным Войсковым Комитетом. Правда, начал он речь с настойчивого пожелания властям провести назревшие, ожидавшиеся всем населением страны реформы как можно скорее, не дожидаясь Учредительного собрания. Затем возложил вину за корниловский мятеж на партии, стоявшие в те дни у власти. И из всего сказанного сделал нелогичный вывод. Обвинил «российскую революционную демократию» в нежелании поддержать лозунг о федеративном переустройстве страны и для того пойти навстречу «верховному революционному органу» украинского народа, Центральной Раде, в обретении автономии. Как бы мимоходом подчеркнул, что спасти Россию может только полный отказ от «бюрократического централизма».

Туже программу действия огласил и Соболевский – от имени Белорусского войскового комитета. Организации эфемерной, ни ранее, ни впоследствии больше никак не проявившей себя. Соболевский также отметил, что армию следует формировать лишь по национальному признаку. А Л.Ф. Жилунович, представлявший национальную партию, Белорусскую социалистическую громаду, развил мысль земляка. Попытался шантажировать и совещание, и Директорию, заявив: если власть не провозгласит демократическую федеративную республику, она не сможет рассчитывать на доверие белорусской демократии.

Более осторожно высказался ещё один армейский делегат Мачабели, от Грузинского военного совета. Вроде бы поддержал идею формирования национальных частей, но обосновал применительно к своему краю весьма своеобразно. «Грузины, – пояснил он, – как жители юга, как жители горной страны не переносят климат северных равнин и гибнут на них, не выполнив принятого на себя долга. Грузины-воины лишены возможности объединяться в /грузинские – **Ю.Ж.** / полки для того, чтобы там, на Кавказе, грудью защищать родные очаги». Столь же уклончиво выразил и отношение к федерации – мол, Грузия пока не требовала автономии только потому, что «не считает для себя возможным осложнять и без того непростое положение в стране».²

Подытожил все эти выступления от имени возникшего на совещании Совета национальных социалистических партий В.И. Нуцубидзе. Объявил о полной солидарности в вопросе о создании федерации одиннадцати партий из восьми регионов – Эстонии, Латгалии (восточная часть Латвии), Литвы, Белоруссии, Украины, Грузии, Осетии, Бурятии. И зачитал выработанную ими совместно декларацию. Ею же Директории либо вскоре созданному правительству предлагалось немедленно объявить Россию федеративной республикой. Для наиболее полного и свободного волеизъявления всех населяющих её народов дать им возможность созвать собственные Учредительные собрания. Сочла столь же необходимым декларация и формирование национальных армий,³ которые почему-то оказывались непрерывным атрибутом автономии.

Фактически к декларации присоединился и делегат от Центрального молдавского Комитета Румынского фронта. Выразил твёрдую надежду на «положительное решение вопроса об автономии Бессарабии».⁴ Однако такое пожелание породило не столько стремление к самоуправлению, сколько боязнь поглощения края Украиной. Опасением, выраженным ещё 26 июня (9) июля в Киеве. На совещании губернских комиссаров и председателей губисполкомов, созванном Генеральным секретариатом. Под более чем благовидным предлогом – заблаговременно обсудить вопрос вполне возможной эвакуации с территорий, которые может захватить противник. Но со странным требованием – «чтобы губернские комиссары по всем вопросам управления губерниями подчинялись Генеральному секретариату».

Уже сам такой вызов заставил и.о. бессарабского губернского комиссара В.Г. Кристи поставить перед организаторами встречи вполне закономерный вопрос: является ли факт его приглашения «признаком того, что генеральный комиссариат включил Бессарабию в состав Украины, или в данном случае кроется недоразумение?». Не получив внятного ответа, Кристи – от имени двадцати политических, общественных и национальных организаций – решительно заявил: «Все вышеупомянутые организации и общегубернские съезды высказались за то, что Бессарабия, согласно с возведённым Временным правительством принципом самоопределения народов, не может быть включена в состав Украины, но должна образовать особую автономную единицу».

Примечательно, что на том же совещании категорически отказались подчиняться Киеву представители ещё трёх губерний – Херсонской, Екатеринославской и Харьковской. То есть всей южной и восточной части того, что Генеральный секретариат считал Украиной. Объяснили свою позицию тем, что население их «ещё не выразило своего отношения к Раде».⁵ Продемонстрировали – украинские националисты в лучшем случае могут рассчитывать на власть лишь в пределах Киевщины, Волыни, Подолии, Черниговщины и Полтавщины. Никак не более.

...Особую позицию на Демократическом совещании выразил представитель армянской партии Дашнакцутюн. Как и Мачабели (но в отличие от него достаточно твёрдо и прямо) отметил: «Армяне не будут выдвигать никаких национальных требований до Учредительного собрания. Требований, которые могли бы создать затруднения для молодой республики в деле укрепления завоеваний революции».⁶

И всё же самое неожиданное, по меньшей мере, странное, если не просто провокационное, предложение сделал А.И. Чхенкели. Один из лидеров грузинских меньшевиков, комиссар Временного правительства и член краевого органа гражданского управления – Особого Закавказского комитета. Не только потребовал восстановления былого самоуправления Грузии во всём его объёме. Выразил крайнее сожаление, что не увидел среди тех, кто выступал по национальному вопросу, русских.

Перед нами, – продолжил Чхенкели, – ведь стоит не только старый национальный вопрос о так называемых инородцах, а вопрос о русской нации. Вопрос, из-за которого вы

тут сошлись, вопрос – роковой для всей страны и русской нации... Я бы хотел, чтобы и русские сказали, что и их государственное чувство очень мало отличается от национального чувства грузин». ⁷ Иными словами, пусть и довольно туманно, намёками, посоветовал русским задуматься о собственном самоопределении, сделав тем первый шаг на пути к отделению от... собственной страны!

Как сигнал тревоги следовало воспринять и то, о чём поведал делегат от казачьих частей, находившихся на фронте, есаул В.А. Нагаев. По его словам, на конференции Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, прошедшей в Екатеринодаре в начале сентября, была высказана поддержка федерализации России. ⁸ Только ради того, чтобы обрести с её помощью особый административно-территориальный статут, весьма близкий автономии.

Никто из участников Демократического совещания не обратил на всё это никакого внимания. Волновало их лишь одно. То, ради чего они, собственно, и собрались, – организация власти. Следует ли и далее сохранять Временное правительство, а если и сохранять, то как однородное социалистическое или коалиционное. В ходе шестидневной дискуссии все, казалось, согласились с предложением большевиков, поддержанных меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, лишить Временное правительство доверия, а всю власть передать Советам, ВЦИКу.

Однако И.Г. Церетели и В.М. Чернов всё же настояли на принятии иной резолюции. Сохранившей и Временное правительство, и коалицию с буржуазией. С очень небольшим перевесом – 766 голосов «за», 688 – «против» и 38 воздержавшихся. Именно её и приняло совещание 22 сентября (5 октября), в последний день своей работы. А перед тем – ещё одно, казавшееся весьма важным, решение. О выделении из состава совещания представительного органа – предпарламента или Временного Совета Российской Республики, перед которым до созыва Учредительного собрания и было бы ответственно правительство.

Керенский, воодушевлённый и ободрённый тем, что ему удалось сохранить чуть было не выскользнувшую власть, поспешил уже 25 сентября (8 октября) сформировать новый кабинет, третий коалиционный. Включивший трёх эсеров, четырёх меньшевиков, пять кадетов, одного радикального демократа и четырёх беспартийных. А вскоре, 7(20) октября, начал работать и предпарламент, председателем которого избрали одного из лидеров эсеров Н.Д. Авксентьева.

Но и тот и другой оставили, как и прежде, без ответа те вопросы, которые сами же считали первоочередными – о мире, о земле. Без ответа остался и национальный вопрос. Тот самый, из-за которого Россия за семь месяцев революции разительно изменилась, утратив и часть своей территории, и централизованную власть. Временное правительство – признало независимость Польши;

- вернуло прежние права и без того полунезависимой Финляндии;
- установило этнические границы Эстонии и Латвии, дав им местное самоуправление;
- предоставило фактически широкую автономию Украине, утвердив 1(14) сентября её правительство – Генеральный секретариат.

Правда, одновременно Временное правительство демонстрировало ставшие закономерными для него непродуманность и проистекавшую отсюда непоследовательность. Идя на значительные, зачастую безосновательные уступки, вскоре пыталось отменить их. Либо столь же поспешно разрешало недавно запрещённое. Так, спустив 18(31) июля сейм Финляндии только из-за назначенной им даты выборов, уже 30 сентября (13 октября) объявило об их проведении в ранее установленное время. 19 октября (1 ноября). И добилось тем лишь одного. На этот раз в парламенте Великого Княжества большинство получили не лояльные Петрограду социал-демократы, а враждебно настроенные к нему младофинны.

Схожими стали и последствия неожиданного запрета продолжать украинизацию двух армейских корпусов, а также и приказа о роспуске самовольно создававшихся украинских

полков с вызывающе антирусскими наименованиями – имени гетмана Мазепы, полковника Орлика, сотника Гонты, профессора Грушевского, Запорожской Сечи.

Скорее всего, как своеобразный ответ на лишение её национальной армии, Центральная Рада провела в Киеве так называемый Съезд народов России. Проходивший с 8(21) по 15(28) сентября и собравший девяносто два человека, выдававших себя за представителей латышей, литовцев, поляков, молдаван, белорусов, грузин, эстонцев, евреев, русских, татар, турок и украинцев. Все они, неизвестно откуда приехавшие, дружно потребовали от Временного правительства признать независимость Литвы, предоставить широкую автономию Белоруссии, Латвии, казачьим областям Юго-Востока, начать федерализацию всей страны. Мало того, самозванный съезд ещё и образовал собственный, столь же неправомочный «исполнительный орган» – «Совет народов России» под председательством М.С. Грушевского.⁹ Орган, который при желании можно было использовать как своеобразную националистическую альтернативу только что собравшемуся Демократическому совещанию.

При этом саму Центральную Раду ничуть не смущало, что она сама, даже обретя некую легитимность, не пользовалась поддержкой населения той территории, на власть в которой претендовала. Убедительным примером тому послужили результаты прошедших в начале августа выборов в городские думы губернских центров. На них украинские националистические партии – социал демократическая, социалистов-революционеров и социалистов-федералистов – получили менее четверти мест. От пяти процентов в Одессе до двадцати – в Киеве. Только в Харькове, благодаря голосам скопившихся там солдат, им удалось провести 54 гласных из общего числа 116.¹⁰ Ни история с выборами в финский сейм, ни «Съезд народов России» так и не послужили серьёзным уроком Директории и сменившему её вскоре очередному Временному правительству. Не стали знаком неумолимо надвигающейся катастрофы. А между тем весьма опасная тенденция – настойчивое желание получить автономию – ширилась, как эпидемия, охватывая один за другим всё новые и новые края. Сопровождалось же оно чуть ли не непременным требованием раздела вооружённых сил страны по национальному признаку.

К заявлениям Центральной Рады под предлогом украинизации, разрушавшей и саму армию, и сдерживаемый ею пока германский фронт, добавлялись предельно схожие, ранее просто немыслимые, выступления других националистических организаций. К тому же нередко под флагом ислама.

«Война для нас, мусульман, – заявил председатель Всероссийского мусульманского воинского Совета У Токумбетов, – закончилась, и мы не обязаны вмешиваться в чужие для нас – русские – дела, когда у нас есть свои цели, которые теперь надо осуществить».¹¹

В чём же выражались эти цели, красноречиво заговорили ещё в августе в Уфе. Там самочинно вознесшая «Комиссия по созыву 1-го мусульманского национального собрания» объявила о подготовке ею провозглашения автономии, но не столько национально-территориальной, сколько конфессиональной. Призванной объединить мусульман Казанской, Уфимской, Пермской, Оренбургской губерний и прилегающих к ним уездов Вятской, Симбирской, Саратовской и Астраханской.¹²

Если бы такой план удался, то вся Европейская часть России оказалась бы отрезанной от Сибири и Туркестана. Тех частей страны, где также всё настойчивее говорили о собственной автономии. Говорили давние сибирские областники – русские, к которым присоединились местные татары. Объединившиеся было на проведённом 4(17) октября в Томске 1-м общесибирском мусульманском съезде, но почти сразу потерявшие хоть какой-нибудь интерес к национальному обособлению.

Откровенно радикальные и, вместе с тем, предельно конкретные предложения прозвучали на двух съездах, прошедших один за другим в Ташкенте. С 8 по 11(21–24 сентября) –

созванном Туркестанским краевым мусульманским Советом (несмотря на название, скорее светской, нежели религиозной политической организацией). И на ещё одном, состоявшемся 17–20 сентября (31 сентября – 3 октября), инициатором которого стали улемисты, движение, возглавляемое и направляемое исламскими теологами и юристами.

Участники обоих съездов независимо друг от друга пришли к общему решению. Как можно быстрее создать автономную Туркестанскую федеративную республику в пределах бывшего генерал-губернаторства – Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской областей. Республику со своим парламентом, особым законодательством (основанном на шариате), казначейством, милицией и вооружёнными силами, и для того приступить к выработке собственной конституции.

Вместе с тем, но лишь на съезде, проведённом улемистами, прозвучал призыв сплотить всё население края в рядах единой партии – Союза мусульман (Иттифак аль муслимин) – и был провозглашён откровенно сепаратистский лозунг: «Туркестан принадлежит тюркам!»¹³

К таким решениям, неизбежно ведшим сначала к политическому обособлению, а затем и к отделению от России по национально-религиозному принципу, политиков края подталкивали непродуманные действия Временного правительства. Ещё 7(20) апреля создавшего краевой Туркестанский комитет. Поначалу всего лишь для «установления прочного порядка и устройства», «разрешения на месте всех возникающих вопросов».¹⁴ А пять месяцев спустя – наделённый более широкими и значительными полномочиями, в том числе и такими:

1. Рассмотрение законодательных предложений, касающихся Туркестанского края, возникающих в пределах края, и составление заключений по всем законодательным предположениям Временного правительства, относящимся к Туркестанскому краю.

2. Представление Временному правительству о неудобствах по местным обстоятельствам применения в крае тех или других мер, устанавливаемых законом...

3. Разработка мер к объединению деятельности местных правительственных учреждений и лиц по предметам, касающимся всего края.¹⁵

Если данное постановление, подписанное Керенским 26 августа (7 сентября), и не давало пока Туркестану автономии, то, во всяком случае, постаралось подготовить его к автономии в правовом отношении.

Более настораживающие события происходили в Крыму. Там, в Симферополе, 1(14) октября открылся Крымо-татарский мусульманский съезд. Созванный вроде бы только для избрания кандидатов в Учредительное собрание. На деле – для отчёта Крымо-татарского исполкома, образованного под председательством Ч. Челебиева ещё 25 марта (7 апреля), и выработки задач этого национального движения.

Председательствовавший и на съезде Челебиев отказался принимать во внимание, что Крым населяли не только татары, составлявшие менее трети его жителей, но и русские (почти пятьдесят процентов населения), болгары, греки, караимы, крымчаки, армяне, немцы, эстонцы. В докладе он исходил из интересов лишь своей национальной общины, ей требовал подчинить всю политическую деятельность на полуострове. И ссылаясь при этом, как на положительный пример, на достижения татар Поволжья и в ещё большей степени – Центральной Рады.

Потому, видимо, Челебиев и предложил участникам съезда одобрить, как самые важные и насущные, первоочередные следующие цели. Сплочение крымо-татарского народа, создание в рамках непременно федеративной России Крыма как национально-территориальной автономии, избрание для её управления курултая (сейма), формирование собственных воинских частей.

Как бы между прочим сообщил Челебиев о весьма многозначительном. «Перед нами, – поведал он, – встаёт новый вопрос, о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады,

входит ли Крымский полуостров в пределы нашей автономии. С этой целью были отправлены в Киев делегаты». А затем Челебиев рассказал о том, что свидетельствовало об окончательной утрате Временным правительством не только какого бы то ни было авторитета, но и вообще власти. Оказалось, что ответа украинцев – «Мы поздравляем вас с Крымом» – делегатам оказалось недостаточно, и тогда они обратились к... Съезду народов России. И получили его «резолюцию»: «Можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится».

После того Челебиев многозначительно добавил: «Осуществление вышеприведённой резолюции Съезда народов о **самостоятельности Крыма** /выделено мной – Ю.Ж./ зависит от нас самих».¹⁶

Итак, теперь вопрос об автономии Крыма решался не в Петрограде. Не Временным правительством или будущим Учредительным собранием. Решался в Киеве. Центральной Радой и неким самозванным Съездом народов. Их согласия уже было достаточно для начала раздела страны.

Происшедшее отнюдь не скрывалось, из него не делали тайны. обстоятельно изложила ход съезда симферопольская газета «Голос татар». Тем не менее, военный министр А.И. Верховский, поддержанный исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом В.В. Марушевским, разрешил 7(20) октября формировать отдельные мусульманские полки. В Симферополе (из крымских татар) – 32-й пехотный, в Казани (из приволжских татар) – 95-й, в Уфе (из башкир) – 144-й.¹⁷

Тогда же, осенью, наметилось стремление, но покалешь обособиться, и на Северном Кавказе. Поначалу у горских народов – адыгов, карачаевцев, черкесов и абхазов. В середине августа их представители собрались неподалёку от Майкопа и пришли к решению просить Временное правительство выделить их территории в особые округа. Вместе с тем, чтобы не осложнять отношений с сильными соседями, выразили намерение заключить союз с казаками Кубани.¹⁸

Противоположные взгляды выявились на другом съезде горских народов, уже всего Северного Кавказа. На нём прозвучало предложение провозгласить Северо-Кавказский имамат во главе с муфтием Дагестана Н. Гоцинским. Но, не получив поддержки большинства, оно было отвергнуто. Поэтому на новой встрече – во Владикавказе – 21 августа (2 сентября), с участием казачества, возникла иная идея. Образовать Юго-Восточный союз казачьих войск (Донского, Кубанского, Терского, Астраханского), горцев Кавказа и вольных народов степей (калмыков и ногайцев). Тот самый союз, о котором на Демократическом совещании сообщил В.А. Нагаев.

Месяц спустя эта идея стала претворяться в жизнь. 25 сентября (8 октября) на встрече в Екатеринодаре было решено не позже чем через месяц сформировать правительство становившегося, по сути, автономным огромного региона, для которого избрали новое название – Союз Юго-Восточных федеративных областей. По замыслу его создателей ему предстояло после Учредительного собрания стать штатом Российской Федеративной Республики.¹⁹ Обособленной административной единицей, уже располагавшей не только готовой структурой управления, но и армейскими формированиями – четырьмя казачьими войсками. Казалось, происходившее в стране должно было вызвать немедленную отповедь Временного правительства. Принятие каких-либо решительных мер или хотя бы осуждение. Ведь для того имелись вполне законные основания. Прежде всего, постановление, принятое кабинетом ещё в июле. Дающее право министрам военному и внутренних дел «не допускать и закрывать всякие собрания и съезды, которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности».²⁰ Но нет. Ни Керенский, ни Верховский не воспользовались предоставленными им правами. Даже не попытались пресечь сепаратистские поползновения Киева и Уфы, Симферополя и Ташкента, Екатеринодара.

Схожим образом повёл себя и Временный совет Российской Республики или Предпарламент, собравшийся в Петрограде 7(21) октября. В те самые дни, когда положение на фронте стало катастрофичным. Немецкие войска 3(16) октября захватили Эзель (Сааремаа), 5(18) – Моон (Муху), а на следующий день – Даго (Хийумаа). Закрепившись на островах Рижского залива, они высадились в Пернове (Пярну) и Гапсале (Хаапсалу) и начали наступление на север, к Ревелю (Таллину). Создали тем непосредственную угрозу столице.

Потому-то члены Предпарламента и попытались установить наиважнейшие, требующие сиюминутного решения, ибо от того зависела судьба страны, проблемы. Однако ограничивались почему-то лишь общими оценками да благими пожеланиями. Вели себя так, будто у них в запасе имелись, по крайней мере, месяцы.

В.К. Брешко-Брешковская (фракция эсеров), старейший член Предпарламента, известная как «бабушка русской революции». «Корень всего теперешнего положения – земельный вопрос. И если собрание действительно хочет помочь России выйти из бедственного положения, то оно должно решить этот вопрос согласно пожеланиям всей крестьянской России».²¹

Н.Д. Авксентьев (фракция эсеров), председатель Предпарламента. «Обстановка внутри страны – хозяйственная разруха, расстройство транспорта, финансовые затруднения, недостаток продовольствия. Решить их возможно только неотложным проведением законодательных актов, которые упорядочили бы хозяйственную, экономическую жизнь страны».²²

Л.Д. Троцкий (фракция большевиков), председатель Петросовета. «Петроград в опасности, революция и народ в опасности. Правительство усугубляет эту опасность, а правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти страну. Мы обращаемся к народу: Да здравствует немедленный честный демократический мир! Вся власть Советам! Да здравствует Учредительное собрание!».²³

А.И. Верховский, генерал-майор, бывший командующий Московским военным округом, военный министр. Уведомил членов Предпарламента о вынужденном сокращении армии на 59 дивизий, то есть 500 тысяч человек, благодаря чему на фронте и в непосредственном тылу останется 5,5 миллионов человек. Для чего? «Для достижения большего сокращения расходов». Чтобы хоть так сократить нехватку всего. Продовольствия (доставка муки по всем фронтам составила 26 процентов потребности, мяса – 50 процентов). Обувь (в январе заготовили 1.3 тысяч пар, в сентябре – всего 900 тысяч). Отметил «печальное состояние вымирающей авиации», автомобильного дела».²⁴

М.В. Алексеев, генерал-от-инфантерии, бывший Верховный Главнокомандующий. «Беспристрастная оценка положения скажет, что немедленное заключение мира явится гибелью России, физическим её разложением, неизбежным разделом её достояния и уничтожением работы поколений трёх предшествовавших веков. Купленный такой тяжёлой ценой мир не улучшит нашего экономического положения, не восстановит нашего расстроенного хозяйства, не даст нам хлеба и угля, не облегчит нам тяжести личного существования не только в ближайшем будущем, но и в более отдалённом будущем».²⁵

О мире, вернее о безрассудстве заключать его при отчаянном положении на фронте, генерал Алексеев заговорил отнюдь не первым, и далеко неслучайно. О том же, правда, несколько в ином ключе – о возможности хотя бы обороняться – говорили практически все выходившие на трибуну члены Предпарламента.

Говорил Керенский, вынужденный объяснять причины уже начатой эвакуации (или «разгрузки», как он предпочитал её называть) Петрограда и плана скорого переезда правительства в Москву. Говорил морской министр контр-адмирал Д.В. Вердеревский, напугавший слушателей страшным рассказом о положении на Балтийском флоте. Говорил началь-

ник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин. Говорил министр продовольствия С.Н. Прокопович. Говорили многие, очень многие иные. Но никто из них даже не задался вопросом – а может ли вообще русская армия ещё воевать? Ведь о печальном состоянии, в котором она оказалась, свидетельствовали не только два выступления Верховского. О том же, только ярче, красочнее, сообщала и телеграмма, поступившая в Предпарламент. На имя Керенского и Авксентьева, от Двинского – комиссара 2-го гвардейского Сибирского корпуса.

Впервые за эту войну, – писал Двинский, – полевые хлебопекарни не работают по несколько дней подряд за неимением муки, а офицеры, солдаты на передовых позициях не могут нести службы из-за отсутствия обуви. Конский состав, не получая фуража, дошёл до такого состояния, что ни один батарейный командир не ручается за то, что его лошади вывезут орудия в случае необходимости совершить передвижение вне шоссе-ных дорог...

Я считаю своим долгом доложить Временному правительству, что разруха в деле снабжения армии порождает в войсковых массах глубокое недовольство, переносимое массой на командный состав и войсковые организации, бессильные что-либо сделать».²⁶

На вопрос, что же следует предпринять, чтобы армия обрела вновь былую боеспособность, ответил не Керенский, и не Алексеев. Ответил, как ни странно, Троцкий. И ответил весьма своеобразно.

«Правительство Российской Республики, – требовательно бросил он в зал, – через головы империалистических правительств должно обратиться ко всем фактически воюющим народам о немедленном прекращении войны и заключении мира. Мы верим, что народ ответит немедленным перемирием. Если же бы этого не случилось, то мы, большевики, стали бы самыми ярыми оборонцами. И уж поверьте, мы бы повели войну по-настоящему...

Мы бы заставили всю страну напрячь всё своё внимание, отдать все свои силы и все средства для войны. Мы бы отобрали в тылу все сапоги и послали их на фронт. Мы бы оставили буржуям корки хлеба, а хлеб отправили на фронт. Произвели бы строгую ревизию всего имеющегося в стране и строго его распределили».²⁷

Однако при всей важности дилеммы «мир или война», члены Предпарламента выяснением лишь того, как же удержать оборону, ограничиться не смогли. Неизбежно затронули и иные проблемы. Внешней политики, отношений с союзниками. Но, главным образом, содержание наказа М.И. Скобелеву, направляемому в Париж. На конференцию союзных стран, призванную загодя, еще до победы, решить все территориальные споры. Потому-то членам Предпарламента и пришлось коснуться национального вопроса. Вернее, того, как толковать, как понимать лозунг «право наций на самоопределение». Применительно к Европе вообще и к России в частности.

Вышедший на трибуну П.Н. Милюков раскритиковал и саму идею Стокгольмской конференции, и суть наказа. Повёл речь вроде бы о весьма далёком, мало касающемся судеб России. О будущей принадлежности Эльзаса и Лотарингии, итальянских областей Австро-Венгрии, её же Боснии и Герцеговины, Трансильвании, болгарской Добруджи. Только затем бросил авторам документа упрёк, более напоминающий тяжкое обвинение в отсутствии патриотизма – «Ведь наказ Скобелеву начинается с самоопределения Литвы и Латвии!».²⁸ Мол, русским социалистам будущее, что трёх русских губерний, что австрийских, то есть вражеских, провинций – всё едино.

Первым поспешил возразить бывшему министру иностранных дел Ф.И. Дан, один из лидеров РСДРП (м). Правда, чтобы выйти из неловкого положения, ему пришлось прибегнуть к формулировке своего идейного противника Сталина. Растолковывать, что позиция «революционной демократии», то есть меньшевиков и эсеров, относительно Литвы и Латвии состоит отнюдь не в отстаивании для них такой же независимости, какую возвестили

для Польши. Самоопределение, подчеркнул он, не есть независимость. Для успеха классовой борьбы всем трудящимся выгодна связь с великой революционной Россией. И именно такая тактика и предполагается социалистами.

Не преминул Дан, воспользовавшись представившимся поводом упрекнуть самого Милюкова, переложив вину за происшедшее в Вильне на его партию. «Когда литовский сейм, – напомнил он, – провозгласил желательность отделения Литвы от России, во главе этого движения оказались не трудящиеся классы Литвы, а кадет Ичас». И добавил, защищая свою позицию: «Революционная внешняя и внутренняя политика есть самое лучшее средство противодействовать отделению национальностей, поддержанному кадетом. Отделению, которым спекулирует Германия».²⁹

Следующим вступил в полемику видный деятель кадетской партии П.Б. Струве. Для начала всю ответственность за развал вооружённых сил, за тяжкое положение, в котором оказалась страна, целиком и полностью возложил почему-то на революцию. Пояснил: «Единственный инструмент мира – армия... Сейчас мы дальше от мира, чем были в начале революции. Наша программа – неприкосновенность и целостность нашей территории, и только власть, которая будет стоять на почве такого понимания войны, будет пользоваться нашим признанием».³⁰

Теперь отстаивать наказ пришлось старому вождю эсеров В.М. Чернову. Отстаивать путано, маловразумительно. Пытаясь лишь с помощью софистики доказать недоказуемое. Что, с одной стороны, действительно, под самоопределением Польши следует понимать независимость, а Литвы и Латвии – также независимость. Но, с другой стороны, по твёрдому убеждению его однопартийцев, самоопределение якобы отнюдь не является неременным условием для отторжения или обособления, даже для независимости.³¹

На том непродолжительное обсуждение национального вопроса, уйдя в чисто теоретические дебри, завершилось. Так и не привело не то чтобы к оценке реальной ситуации на Украине, в Крыму, Поволжье, Туркестане, но даже просто к упоминанию о том. Обусловило же такую отрешённость пришедшее со слишком большим опозданием понимание того, что война для России закончилась.

Именно к такому заключению ещё в конце сентября пришли собравшиеся на квартире Г.Н. Трубецкого видные кадеты и прогрессисты А.А. Нератов, Б.Э. Нольде, М.В. Родзянко, Н.В. Савич. Н.А. Маклаков, М.А. Стахович, П.Б. Струве, В.Д. Набоков. Даже они, рьяные, непоколебимые, казалось, оборонцы, признали необходимым в дальнейшем во внешней политике ориентироваться только на всеобщий мир.³² А в десятых числах октября, на частной встрече только кадетов, П.Н. Милюков, А.М. Шингарёв, М.С. Аджемов, В.Д. Набоков, Ф.Ф. Кокошкин выслушали военного министра М.А. Верховского по его настоятельной просьбе.

«Верховский, – вспоминал Набоков всего полгода спустя, – заявил, что он хотел бы знать мнение лидеров к.-д. по вопросу о том, не следует ли немедленно принять все меры (в том числе воздействие на союзников) для того, чтобы начать мирные переговоры. Затем он стал мотивировать своё предложение и развернул отчасти знакомую нам картину полного развала армии, отчаянного положения продовольственного дела и снабжения вообще, гибель конского состава, полную разруху путей сообщения, с таким выводом: «При таких условиях воевать дольше нельзя, и всякие попытки продолжать войну только могут приблизить катастрофу».

«Милюков и Шингарёв, – продолжает Набоков, – сразу обрушились на Верховского. Мне пришлось молчать, тем более что как бы ни была обоснована и доказательна аргументация Верховского, его собственная несостоятельность была слишком очевидна, и ожидать от

него планомерной и успешной деятельности в этом сложнейшем и деликатнейшем вопросе было невозможно...

Разговор закончился тем, что Верховский спросил: «Таким образом, я не могу рассчитывать на вашу поддержку в этом направлении?», и, получив отрицательный ответ, встал и раскланялся. А на другой день в вечернем заседании комиссии по военным делам Совета республики /Предпарламента – **Ю.Ж.**/ повторил в дополненном виде свою аргументацию с теми же выводами».³³

Второй, ещё более веской причиной, заставившей Предпарламент так и не принять решений по каким бы то ни было проблемам, стала его откровенная неуверенность в своих властных полномочиях. Начиная с середины октября, все столичные газеты стали писать о готовящемся выступлении большевиков. Об их твёрдом намерении созвать очередной съезд Советов, который и отрешит Временное правительство вместе с Временным советом Российской Республики от власти. Возьмёт её на себя.

Писали газеты, что созыв съезда наметили на 20 октября, но по какой-то причине отсрочили. Правда, совсем ненадолго, всего на несколько суток.

Днём 24 октября (6 ноября) на трибуну Предпарламента неожиданно для его членов поднялся Керенский. Всегда экзальтированный, взвинченный, истеричный, на этот раз – отрешённый, подавленный, как бы покорный судьбе. Произнёс слишком длинную, постоянно вдаваясь в малозначащие подробности, речь. Явно контрастирующую с тем, что по его же словам происходило в Петрограде.

В последнее время, – медленно говорил премьер, – вся Россия и, в особенности, население столицы было встревожено открытыми призывами к восстанию, которые делались со стороны безответственной, отколовшейся от революционной демократии, я бы сказал, крайней – не в смысле направления, но крайней – в смысле отсутствия разума, части демократии...

Призывы к восстанию ежедневно помещались в газетах «Рабочий путь» и «Солдат», и вместе с тем начались приготовления к действительной попытке ниспровержения существующего государственного строя путём вооружённого восстания».

Описав в мельчайших подробностях тех, кого он назвал «врагами народа», Керенский поведал столь же хорошо известное всем. Что после открытой пропаганды восстания и его подготовки «группа, именующая себя большевиками», приступила к действиям. Еще 21 октября (3 ноября) разослала некий приказ о неисполнении распоряжений командного состава и военных властей без утверждения их присланными в полки комиссарами Петроградского революционного штаба.

Военные власти, продолжал Керенский, признали это распоряжение преступным и потребовали в самый кратчайший срок отказаться от него. Кроме того, по его, Керенского, личному указанию военные власти, хотя и могли приступить к немедленным и решительным действиям, но сочли возможным дать большевикам время, чтобы отказаться от своих намерений. «Мы. – пытался маловразумительно объяснить глава правительства столь странное бездействие, – должны были сделать это ещё и потому, что никаких реальных последствий этого приказа в первые сутки его объявления в войсках не наблюдалось...»

«В настоящее время, – продолжал Керенский, – прошли все сроки, и мы того заявления, которое должно было быть сделано в полках, не имеем. Наоборот, имеется обратное явление, а именно, самовольная раздача патронов и оружия, а также вызов двух рот на помощь революционному штабу. Таким образом, я должен установить перед Временным советом полное, явное и определённое состояние, известное части населения Петербурга как состояние восстания...

В настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает, Временное правительство и я, в том числе, предпочитаем быть убитыми

и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим... Временное правительство могут упрекать в слабости и чрезвычайном терпении, но, во всяком случае, никто не имеет права сказать, что Временное правительство за всё время, пока я стою во главе его, прибегало к каким бы то ни было мерам воздействия раньше, чем это грозило непосредственной опасностью и гибелью государству».³⁴

Продолжало Временное правительство бездействовать, проявляя редкостное, самоубийственное безволие и на следующий день, ставший для него, как и для Предпарламента, последним.

Утром 25 октября (7 ноября) в Петрограде повсюду появилось воззвание «К гражданам России». Оно уведомляло об уже свершившемся: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона».

К концу того же дня, в 22 часа 40 минут, открылся, наконец. Всероссийский съезд Советов. Второй по счёту. Прежде всего, объявил о взятии всей полноты власти в стране, а также принял собственное, программное воззвание:

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ – предложит немедленно демократический мир всем народам и немедленное перемирие на фронтах.

Она обеспечит – безвозмездную передачу помещичьей, удельной /бывшей императорской семьи – **Ю.Ж./** и монастырской земель в распоряжение крестьянских комитетов;

- отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии;
- установит рабочий контроль над производством;
- обеспечит созыв Учредительного собрания;
- озаботится доставкой хлеба в город и предметов первой необходимости в деревню;
- обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».

Сразу же самое основное (то, что ждала страна с марта месяца, что обещали, только обещали, меньшевики и эсеры, что только что прокламировали) закрепили законодательно, в форме декретов – о мире, о земле.

Своё тридцатичасовое заседание съезд завершил избранием постоянно действующего органа – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Многопартийного – включившего 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалистов и 1 эсера-максималиста. Сформировал однородное правительство Совет Народных Комиссаров, как решили теперь называть министров. С председателем В. Ульяновым (Лениным). Одним из пятнадцати народных комиссаров – председателем по делам национальностей – утвердили И.В. Джугашвили (Сталина). Сочли именно его, и только его, наиболее отвечающим данному посту.

2. Первый фронт. Украинский

Казалось, вот теперь-то Сталин и сможет развернуться. Вполне самостоятельно, уже не оглядываясь на обязательные для него решения партии, станет отстаивать собственные взгляды, претворять их в жизнь. И по собственно национальному вопросу, и по его производной – административному устройству страны. Но так лишь казалось...

В отличие от всех без исключения остальных Наркоматов, только Сталин не получил готового министерского аппарата. Действовавшего бы прежде не один год, давно отлаженного. Пусть даже и с пока занимавшимися саботажем чиновниками. Только Наркомнац приходилось создавать на совершенно пустом месте. А потому вместо разработки основополагающего – следует ли народам России предоставлять автономию, а если и следует, то кому

именно, в какой форме – Сталину предстояло, прежде всего, заняться скучной, рутинной административной работой.

К счастью, её удалось избежать. Свои услуги наркому предложил ставший его первым сотрудником С.С. Пестковский. Поляк по национальности. Примкнувший к революционному движению ещё во время учёбы в гимназии. К тридцати пяти годам прошедший каторжную тюрьму, ссылку, эмиграцию. В июне 1917 года вернувшийся в Россию и успевший поработать в Петроградском Совете профсоюзов, секретариате ЦК РСДРП(б). В октябрьские дни по поручению Военно-революционного комитета занявший столичный телеграф и десять дней остававшийся его комиссаром. Ещё три дня управлявший Государственным банком. И вот 8(21) ноября, сменивший место службы.

Позднее Пестковский вспоминал о тех днях:

«Я отправился к Сталину.

– Товарищ Сталин, сказал я, – вы – народный комиссар по делам национальностей?

– Я.

– А комиссариат у вас есть? – Нет.

– Ну, так я вам «сделаю» комиссариат.

– Хорошо! Что вам для этого нужно?

– Пока только мандат на предмет «оказывания содействия».

– Ладно!

Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом». ³⁵

Пестковский нашёл в одной из комнат Смольного свободный стол и два стула и прикрепил на стене лист бумаги с надписью «Народный комиссариат по делам национальностей». Чуть позже, в декабре, сформировал и первые структурные части наркомата, названные предельно просто – комиссариаты польский, литовский. А спустя месяц – ещё и армянский, мусульманский, белорусский, еврейский.

Тем временем на свет появились два, весьма странных по содержанию, правительственных, но скорее пропагандистских, нежели законодательных, акта. Подписанных Лениным и Сталиным. Первый, от 2(15) ноября – «Декларация прав народов России». Не содержащая ничего нового по сравнению с пунктом воззвания Второго съезда Советов, говорившем о праве наций на самоопределение. Всего лишь повторявшая соответствующую резолюцию Апрельской конференции РСДРП(б).

Начиналась «Декларация» с осуждения царской «позорной политики натравливания» одного народа на другой, которую отныне заменит иная – «политика добровольного и честного Союза народов России». А далее шло пояснение: «Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу». Но столь выдержанное в духе марксизма чисто классовое толкование неожиданно сменялось исключавшими его лозунгами.

В основу деятельности, указывала «Декларация», Совет Народных Комиссаров решил положить следующие начала: «1. Равенство и суверенность народов. 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений».

Так, выборочно повторив резолюцию Апрельской конференции, «Декларация» почему-то обошла более важное положение. То самое, на котором всегда настаивал Сталин, которое вынуждены были принять, как собственное программное, меньшевики – право на самоопределение не означает обязательности, безусловности отделения.

Содержался в «Декларации» и ещё один необычный по изложению для её авторов пункт. «4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, насе-

ляющих территорию России».³⁶ Ведь без раскрытия того, что подразумевалось под «свободным развитием», вполне могло сложиться превратное впечатление. Мол, в правах восстанавливается та самая пресловутая национально-культурная автономия, против которой всегда решительно выступали и Ленин, и Сталин.

А две недели спустя, 20 ноября (3 декабря), за подписями опять же Ленина (главы правительства), и Сталина (наркома по делам национальностей), появился ещё один необычный для лидеров большевиков акт. Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Исходившее из грезившегося Г.Е. Зиновьеву ещё в апреле: «Истомлённые войной народы Европы уже протягивают нам руку, творя мир... А далёкая Индия, та самая, которую веками угнетали «просвещённые» хищники Европы, подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы депутатов».

Обращение не ограничилось лишь столь фантастической картиной событий за рубежом, выдававшей желаемое за действительность.

«Мусульмане России, – призывало оно, – татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты / казахи и узбеки – **Ю.Ж.** / Сибири и Туркестана, турки и татары / азербайджанцы – **Ю.Ж.** / Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, веете, чьи мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными.

Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно, вы имеете на это право».³⁷

Словом, вновь речь шла о той самой национально-культурной автономии. Только о ней, ни о чём более.

Легко заметить, что оба правительственных акта выглядел и так, словно авторы их ничего не знали о происшедшем после марта 1917 года. В Эстонии и Латвии, на Украине и в Крыму, Поволжье и Туркестане, на Северном Кавказе. Там, где задолго до появления и «Декларации», и обращения местные националисты явочным порядком или при поддержке Временного правительства уже добились всего того, что теперь им только пообещали. Обрели либо самоуправление, либо такую автономию, за которой могло последовать лишь провозглашение полной независимости.

Не менее примечательна и ещё одна настораживающая особенность обоих документов. В них ни разу не упомянули ни об автономии, ни о федерации. О том, без чего все последние месяцы не обходилось ни одно заявление националистов. Не были упомянуты те самые понятия, которые, по сути, автоматически превращали Россию из унитарного государства в федеративное. В то самое, против которого решительно выступал Сталин. И отношения к которому он никак не мог не проявить, выразить в той или иной форме.

Столь странные особенности (или несуразности?) неизбежно вынуждают задать вопрос: а были ли подписавшие оба акта Ленин и Сталин действительно их авторами? А если нет, то кто же оказался столь неосведомлённым о поистине судьбоносных новостях? Ответ может быть только один – Ленин. Ведь он вместе с Зиновьевым с начала июля по конец октября скрывался, находился в глубоком подполье. Да, регулярно получал исчерпывающую информацию о планах и действиях партии. Но занимался, опять же вместе с Зиновьевым, исключительно научной работой. Писал теоретические труды, в частности объёмистую книгу «Государство и революция», не затрагивавшие национальные проблемы.

Сталин же, в отличие от Ленина, не просто находился в гуще событий. Изучал и постоянно анализировал новости. Свидетельство тому его публицистика, многочисленные статьи, пестрящие ссылками на газеты всех политических направлений. В том числе и на кадетскую «Речь», скрупулёзно следившую за положением на национальных окраинах, заведем, что могло свидетельствовать об угрозе распада страны.

Но теперь приходится отвечать на новый, также неизбежный вопрос. Почему же Сталин, зная обо всём происшедшем, либо стал соавтором обоих актов, либо просто поставил под ними подпись?

Для начала сделаем предположение. Скорее всего, текст «Декларации» и обращения готовил Зиновьев в соавторстве с Лениным. Слишком уж напоминает их содержание всё то, о чём оба они, но главным образом Зиновьев, и говорили на Апрельской конференции, и писали в более поздних статьях. Однако Зиновьев по ряду причин подписать акты никак не мог. Во-первых, он не вошёл в Совнаркоме. Оставался до конца года всего лишь членом ЦК. Во-вторых, после злосчастного инцидента – публикации в газете меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь» частного мнения (как его, так и Каменева) о желательности отсрочить взятие большевиками власти – видимо, счёл появление своей подписи под официальными актами слишком нарочитым. Свидетельствующим о слишком поспешном желании «примазаться» к новому руководству, оказавшемуся правым в вопросе о дате революции.

Потому-то, как можно предположить с большой степенью вероятности, Ленин и Зиновьев упростили, уговорили Сталина поставить под написанными ими «Декларацией» и обращением своё имя. А так как акты никакого практического значения не имели, являлись откровенно пропагандистскими, Сталин и подписал их.

Такое, скорее всего нелёгкое, решение ставило Сталина в ложное положение. Не позволяло сразу и открыто отречься от сути документов. Вместе с тем не освобождало его как наркома и от необходимости чётко, предельно ясно сформулировать правительственную линию в национальном вопросе. Изложить соответствующие ей планы государственного устройства (если страна останется унитарной), или переустройства (при федерализации).

Чтобы избежать ненужных осложнений с товарищами по партии, Сталин прибег к обычному в таких случаях приёму. Воспользовался первым предоставившимся поводом, которым стал съезд социал-демократической рабочей партии Финляндии. Приехал в Гельсингфорс, но не как нарком, а как член Политбюро ЦК РСДРП(б). Выступил 27(14) ноября с короткой речью, в которой и объяснил, уточнил собственную позицию.

«Нас пугали, – начал излагать Сталин собственную «декларацию» по национальному вопросу, – развалом России, раздроблением её на многочисленные независимые государства. При этом намекали на провозглашённое Советом Народных Комиссаров право наций на самоопределение как на пагубную ошибку».

Именно так, используя безличную форму глагола «провозглашение», Сталин и отстранился (вполне демонстративно) от сути документа, под которым стояла и его подпись. А далее прояснил и иное, причину своего формального авторства «Декларации»: «Я должен заявить самым категорическим образом, что мы /здесь он уже не отделял себя от Совнаркома – Ю.Ж./ не были бы демократами, я не говорю уже о социализме, если бы не признали за народами России права на свободное самоопределение».

Итак, Сталин использовал только термин «самоопределение», отказавшись дополнить его: «до отделения и образования самостоятельного государства». Собственно, то же самое он сказал ещё и в первой фразе – «нас пугали развалом России». И тут же пояснил, о чьей же независимости вообще может идти речь.

«Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права на свободное самоопределение восстановить такое доверие невозможно. И важно здесь не только словесное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом Народных Комиссаров на деле, оно будет проведено в жизнь без промедления».

На том свои пояснения Сталин не закончил. «Добровольный и честный союз, – использовал он, наконец, слова. «Декларации», – финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров».³⁸

Вместе с тем выступление Сталина содержало и нечто странное, необъяснимое. Он, посланец только что победившей большевистской партии и один из её лидеров, не просто обещал, а гарантировал независимость стране, где всего полмесяца назад провалилась попытка пролетарской революции.

В ночь на 14(1) ноября в Великом Княжестве началась всеобщая забастовка – по решению Гельсингфорского Совета рабочих организаций и Центрального революционного комитета Финляндии, за которыми стояли вожди социал-демократической партии. На рассвете отряды Рабочей (Красной) гвардии заняли все стратегические пункты финской столицы, но так и не решились разогнать «буржуазные» сейм и сенат, сформировать революционное правительство. Ограничились немногим. Потребовали исполнить закон верховной власти, принятый ещё 18(5) июля, установить 8-часовой рабочий день и провести местные выборы.³⁹

Сталин не скрыл нежелания поддерживать революцию в Финляндии. А потому вскоре ему пришлось объяснять своё «классовое отступничество». Сказать 22 декабря (4 января) на заседании ВЦИКа: «Буржуазная печать заявляет, что мы привели страну к полному развалу, потеряли целый ряд стран, в том числе и Финляндию. Но, товарищи, мы её потерять не могли, ибо фактически она никогда не являлась нашей собственностью».

Обращаясь же к сторонникам леворадикального курса, мечтавшим о начале мировой революции хотя бы с Финляндии, подчеркнул: «Нет на свете такой силы, которая заставила бы отказаться Совет Народных Комиссаров от своих обещаний. Это мы доказали тем фактом, что совершенно беспристрастно отнеслись к требованиям финской буржуазии и немедленно приступили к изданию декрета о независимости Финляндии».⁴⁰

Логично было бы ожидать от Сталина, а вместе с тем и Совнаркома, проявления такого же отношения к Украине. Тем более, что там у власти находились не буржуазные партии, а социалистические – эсеры и социал-демократы.

Ещё до того, как Временное правительство пало, в Киеве 20 октября (2 ноября) открылся Третий Всеукраинский войсковой съезд. Выступая при его открытии, М.С. Грушевский, предвосхищая события, объявил: главной задачей самого ближайшего времени станет провозглашение Украинской Народной Республики.⁴¹ А 25 октября (7 ноября), сразу же после получения из Петрограда известий о переходе власти к Советам, в Киеве самочинно возник некий Краевой комитет по охране революции. Объявил себя ответственным не перед Временным правительством, а почему-то перед Генеральным секретариатом.

Правда, все деяния неизвестно кем образованного комитета практически ограничились выпуском воззвания, провозгласившего объединение всех «украинских» губерний. Помимо Волынской, Подольской, Киевской, Черниговской, Полтавской. Харьковской, ещё и Екатеринославской, Херсонской, Таврической (но без Крыма), отныне обязанных подчиняться только Центральной Раде, к которой якобы перешла вся гражданская и военная власть.

28 октября (10 ноября) Комитет самораспустился, передав свои функции Генеральному секретариату. Вечером того же дня Третий войсковой съезд поспешно принял резолюцию, полностью отвечающую призыву Грушевского, брошенному неделей ранее. «Исходя, – глаголющая она, – из принципа полного, ничем не ограниченного права наций на самоопределение, мы требуем от своего высшего органа, Центральной Рады, немедленно провозгласить Украинскую Демократическую Республику в этнографических границах Украины».⁴²

Между тем ещё накануне объединённое заседание киевских Советов рабочих и солдатских депутатов заявило о своей полной поддержке Второго Всероссийского съезда Сове-

тов и для закрепления его власти на Украине сформировало революционный комитет. В ответ командующий войсками Киевского военного округа генерал Квечинский, оставшийся верным Временному правительству, вызвал для «умиротворения» города и «наведения порядка» в нём части Чехословацкого корпуса, расквартированные в губернии. Не дожидаясь их прибытия, решил ликвидировать угрозу большевистского переворота в зародыше и отдал приказ об аресте членов революционного комитета.

Однако арест привёл к иному, нежели ожидал Квечинский. К вооружённому восстанию сторонников Советов – красногвардейцев завода «Арсенал» и других предприятий Киева, солдат артиллерийского парка, понтонного батальона и даже двух рот украинского полка им. Хмельницкого. Не имея руководящего центра, не располагая хоть каким-нибудь планом действий, в течение трёх дней они сопротивлялись превосходящим силам гарнизона. Включавшим три юнкерских училища, школу прапорщиков и два полка донских казаков. Только слишком явное неравенство заставило повстанцев к концу 31 октября (13 ноября) сложить оружие.

Тем временем, воспользовавшись ситуацией, город незаметно заняли украинские части – полки им. Хмельницкого и им. Полуботка, батальон им. Шевченко и полк, срочно сформированный из делегатов Войскового съезда. Штаб округа, узнав о том и не без оснований опасаясь подхода выступившего из Жмеринки 2-го армейского корпуса неизвестной политической ориентации, отказался от борьбы. Передал Центральной Раде власть в Киеве.

Поначалу националисты не стали открыто проявлять свои намерения. 3(16) ноября Генеральный секретариат уведомил:

«Центральное правительство всей России не имеет возможности управлять государственной жизнью. Целые края остались без руководящих центров. Поэтому растёт разруха политическая, хозяйственная и общественная... Компетенция Генерального секретариата расширяется на все те губернии, где большинство населения составляют украинцы. Поэтому Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии (без Крыма) включаются в территорию единой Украины...

Всякие слухи и толки о сепаратизме, об отделении Украины от России – это или контрреволюционная пропаганда, или обыкновенная обывательская неосведомлённость. Центральная Рада и Генеральный секретариат твёрдо и ясно заявили, что Украина должна быть в составе Российской Федеративной Республики как равноправное государственное тело. Современное политическое положение этого решения ничуть не меняет».⁴³

А неделю спустя, 7(20) ноября, уже Центральная Рада выступила с точно таким же, по сути, заявлением, Третьим Универсалом. Практически ставившим Петроград перед свершившимся фактом – взятии ею всей полноты власти в пределах девяти губерний.

«Отныне Украина, – возглашал Универсал, – становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от Российской Республики и сохраняя единство с нею /выделено мной – Ю.Ж./, мы твёрдо встаём на земле нашей, чтобы собственными силами помочь всей России стать федерацией равных и свободных народов.

До Учредительного собрания Украины вся власть – творить согласие на землях наших, устанавливать законы и руководить – принадлежит нам, Украинской Центральной Раде, и нашему правительству, Генеральному секретариату. Имея силу и власть на родной земле, мы этими силой и властью встанем на охране законности и революции не только в нашей земле, но и во всей России:

Также извещаем:

К территории Украинской Народной Республики относятся земли, населённые, в основном, украинцами – Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Полтавская, Харьковская. Екатеринославская, Херсонская, Таврическая (без Крыма) губернии. Окончательно границы Украинской Народной Республики с присоединением частей Курской,

Холмской, Воронежской губерний и других смежных областей, где большинство населения составляют украинцы, будут установлены после выражения организованной воли народа».

Тем самым, Рада претендовала уже не только на широчайшую автономию, да ещё и на не мыслимой ранее огромной территории, но и на ведущую, руководящую роль при формировании нового государственного устройства всей страны.

Ещё один раздел Универсала заставлял усомниться в том, что речь идёт всего лишь об автономии:

«Четвёртый год на фронтах льётся кровь, и понапрасну гибнут силы всех народов мира. Волей и именем Украинской Республики мы, Украинская Центральная Рада, твёрдо стоим на том, чтобы мир был восстановлен как можно скорее. И потому решительно настаиваем на том, чтобы центральное правительство заставило бы и союзников, и противников немедленно начать мирные переговоры».

Завершался же Третий Универсал установлением дат выборов в украинское Учредительное собрание – 27 декабря (9 января), и созывом его – 9(22) января 1918 года.⁴⁴

... Сталин вернулся из Гельсингфорса в Петроград 15(28) ноября. Сразу же узнал не только о содержании «Уведомления» Генерального секретариата и Третьего Универсала. Узнал и о готовности наркома по просвещению А.В. Луначарского передать представителям Центральной Рады реликвий украинского народа – булав, полковых знамен, бунчуков, грамот, пушек. Словом, всего привезенного в столицу Российской Империи после упразднения Екатериной II гетманства. На следующий день Сталин поспешил сделать в Совнаркоме заявление. Предложил не торопиться с возвращением исторических ценностей, ибо оно стало бы фактическим признанием не только Центральной Рады, но и возникновения Украинской Народной Республики.

19 ноября (2 декабря) Сталин вновь выступил на заседании правительства. На этот раз – с аргументированным докладом, результатом которого стали три поручения, данные ему. Сформировать особую комиссию для переговоров с представителями Рады и ответа им – в неё, помимо Сталина, вошли нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий и Луначарский. Выяснить реальное положение дел на Украине, в случае необходимости воспользовавшись прямым проводом (телетайпом). И подыскать кандидата для поездки в Киев, как уполномоченного Совнаркома – наиболее подходящим для такой миссии сочли Г.Е. Зиновьева, уроженца Херсонской губернии.⁴⁵

29 ноября (12 декабря) особая комиссия Сталина внесла на рассмотрение ВЦИКа проект сразу же утверждённого решения, практически отклонившего возвращение исторических реликвий.

«Представители Всеукраинской Рады, – отмечала преамбула декрета, – просили, чтобы передача была сделана в их руки, однако в мандатах этих представителей не была предусмотрена сама передача, и не было нового обращения к Совету Народных Комиссаров как к законной верховной власти в России... Ввиду этого, а также и резкой формы, в которой представители Рады вели дальнейшие переговоры с народными комиссарами, принята следующая резолюция:

Дальнейшие переговоры о сроке и порядке передачи реликвий вести с украинской фракцией Центрального Исполнительного Комитета, и официальную передачу совершить в руки доверенного лица этой фракции».⁴⁶

Так стало окончательно понятно, что же имел в виду Сталин, выступая в Гельсингфорсе за две недели перед тем. Да, можно было согласиться с независимостью Польши, Финляндии. В конце концов они всегда являлись чужеродными для страны. Всегда стояли особняком, жили собственной жизнью, никогда не ощущая себя неотъемлемой частью России. Более того, всегда противились такому представлению. Но вот Украина...

Разумеется, вполне возможна определённая автономия для шести губерний, в основном сельскохозяйственных, с преобладанием крестьянского населения, говорящего на местном диалекте. С чересполосицей национальностей – украинцев (они же малороссы), поляков, русских, евреев. Но говорить не то чтобы о независимости, о даже минимальной территориальной автономии уже девяти губерний, да ещё при планах присоединить к ним по меньшей мере ещё три, где на власть претендовала Центральная Рада, было просто невозможно. Потому Третий Универсал и требовал незамедлительного ответа. Отнюдь не дипломатического, нет. Предельно жёсткого, волевого. Хотя бы для того, чтобы затея киевских сепаратистов не привела к цепной реакции таких же заявлений на всех национальных окраинах.

Своё отношение к событиям на Украине Сталин изложил 17(30) ноября. В ходе переговоров по прямому проводу с Киевом. С С.С. Бакинским, членом бюро Юго-Западного областного комитета (объединял большевистские организации Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний), и с членом ЦК Украинской РСДРП, членом Центральной Рады и Генерального секретариата, секретарём труда Н.В. Поршем.

Начал Сталин с «признания за нациями права на полное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Но напомнил о том не ради того, чтобы поддержать позицию Центральной Рады, нет. Для иного. Чтобы растолковать – такие решения может принимать только народ, а отнюдь не политики, выступающие от его имени.

«Воля нации, – объяснял Сталин, – определяется путём прямого референдума или через национальные конституанты /учредительные собрания – **Ю.Ж.**/. Если воля нации выражается в пользу федеративной республики, то правительство/Совнарком – **Ю.Ж.**/ ничего против этого не может иметь». И добавил, повторив сказанное в Гельсингфорсе относительно Финляндии: «Что касается автономии, скажем – Украины, то она должна быть полной, не стеснённой комиссарами. Сверху недопустима никакая опека и никакой надзор над народом украинским».

Что же это – готовность признать положения Третьего Универсала? Ничуть. Как и прежде, в марте, Сталин отказывался от мысли о распаде страны. Только теперь, под давлением конкретных обстоятельств, вынужден был использовать для сохранения целостности России систему Советской власти. Повсюду без малейшего исключения для какой-либо территории.

«Власть в крае /на Украине – **Ю.Ж.**/, – откровенно заявил Сталин, – как и в других областях должна принадлежать всей сумме рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включая сюда и организации Рады... Мы /Совнарком – **Ю.Ж.**/ все думаем, что абсолютно необходим съезд представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Нам непонятно то недоверие, с которым тов. Порш относится к идее такого съезда. Мы полагаем, что вы – киевляне, одесситы, харьковчане, екатеринославцы и прочие – должны взяться за созыв такого съезда. Конечно, совместно с Центральной Радой. Если Центральная Рада откажется кооперировать с вами в этой области, что кажется нам маловероятным, то созвать его без Рады. Власть Советов должна быть принята на местах. Это та революционная заповедь, от которой мы не можем отказаться...»

Ещё раз повторяю наше общее мнение: немедленно созвать краевой съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине. Вопросы о Советской власти в центре и на местах не допускают никаких уступок. Иного способа образования краевой власти и иной её формы я себе не могу представить. Мне непонятно недоверие Рады к идее Советской власти».

Лишь после такого пояснения и вместе с тем прямого указания, как надлежит действовать, Сталин позволил себе дать политическую оценку Раде. Счёл её явно недемократическим учреждением. Это «понятно из того, – пояснил он, – что Центральная Рада сверху при-

соединяет к себе всё новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все здесь думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть решён лишь самим населением путём опросов референдума и проч. Поскольку Центральная Рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя как организацию не демократическую».

«Съезд Советов Украины, – подвёл Сталин итог сказанному – должен дать, между прочим, мнение о способе опроса населения по вопросу о принадлежности к той или иной области». ⁴⁷ Иными словами, полагал нарком по делам национальностей, дело оставалось за небольшим – созывом съезда Советов на Украине. Он-то и позволит распутать тугой узел проблем, созданных киевскими сепаратистами. Ради чего, собственно, направили на юг Зиновьева, но что ему так и не удалось сделать своевременно.

Но в ещё большей степени помешали созвать съезд тогда, в середине ноября, события, разыгравшиеся в Могилёве, в Ставке. Изменившие общую ситуацию в стране, и не в лучшую сторону. Положившие, собственно, начало Гражданской войне.

Исполняя давнее желание народа, а вместе с тем и настойчивое требование к «центральной власти», выраженное в Третьем Универсале, Совнарком направил 7(20) ноября Верховному Главнокомандующему русской армии генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину предписание обратиться к командованию германских и австро-венгерских вооружённых сил с предложением приостановить боевые действия. На следующий день, уже нотами Наркомата по иностранным делам, всем союзным странам было также предложено установить перемирие на всех фронтах и немедленно начать мирные переговоры. Тем Совнарком повторил (чуть ли не дословно) обращение папы Бенедикта XV, направленное им ещё 1 августа ко всем воюющим народам.

Послы стран Антанты решили на ноты не отвечать и отныне в какие-либо официальные отношения с Совнаркомом не вступать. В свою очередь, руководители военных миссий при Ставке выразили Духонину протест в связи с нарушением Россией союзнических обязательств решать вопрос о перемирии только по взаимному соглашению. Правда, со своим демаршем они опоздали. За неисполнение предписания Духонина сместили с поста, заменив Н.В. Крыленко, одним из трёх «со-наркомов» по военным и морским делам.

Между тем, германское командование ухватило за возможность существенно облегчить положение хотя бы на одном своём, Восточном, фронте. Поспешило согласиться приступить к переговорам, начавшимся 20 ноября (3 декабря) в Брест-Литовске. В тот же день Крыленко занял Ставку и стал свидетелем зверской расправы сопровождавших его матросов с Духониным. Стало известно Крыленко и иное. Прежний главковерх позволил находившимся в тюрьме города Быхова (неподалёку от Могилёва) руководителям августовского мятежа генералам Корнилову, Деникину, Лукомскому, Эрдели и Маркову бежать в Новочеркасск. Под защиту Донского войскового правительства генерала А.Н. Каледина, ещё 25 октября (7 ноября) отказавшегося признать Советскую власть. У которого теперь появился новый, весьма веский повод для вооружённого противостояния Петрограду (видимо, для того он и отозвал с фронта пять казачьих дивизий) – переговоры с противником.

Тем самым, стратегическое значение территории, на которую претендовала Центральная Рада, резко возросло. Ведь для того, чтобы подавить мятежна Дону, требовалось перебросить войска по железной дороге, и непременно через Харьков. Киевские же власти всё решительнее отстранялись от всего происходившего в России – 23 ноября (6 декабря) секретарь по военным делам Петлюра довёл до сведения Крыленко откровенно сепаратистское постановление Генерального секретариата, принятое на основании резолюции Центральной Рады:

«События, совершившиеся в Ставке главковерха, нарушили оперативную связь с фронтом, что угрожает украинской территории опасностью. Принимая во внимание всякие

возможности, вплоть до подписания условий мира, начатые переговоры о перемирии требуют объединения и координирования этого дела на всём Украинском фронте и единства его для соблюдения условий перемирия обеими воюющими сторонами. Только при этих условиях вся территория Украинской Народной Республики может быть действительно защищена.

Ввиду этого Генеральный секретариат объявляет фронты Юго-Западный и Румынский единым Украинским фронтом, входя по отношению к Румынскому фронту в соглашение с румынским правительством и автономной Молдавией, и ставя этот единый фронт во всём объёме задач и работ под общее своё руководство, уведомляя об этом Ставку главнокомандующего для координирования Украинского фронта с остальными фронтами Российской Республики».

Так, Центральная Рада вполне сознательно и преднамеренно использовала то, на чём же сама настаивала. Под предлогом начавшихся переговоров (всего лишь о перемирии) сделала всё, чтобы осложнить задачу российской делегации в Брест-Литовске и вместе с тем облегчить роль немецкой стороны – разрушила, пусть и предельно слабый, не имеющий сил продолжать борьбу, но всё же единый, а потому и представляющий угрозу для Германии и Австро-Венгрии, фронт. Не довольствуясь тем, Рада поспешила предельно ослабить силы Северного и Западного фронтов русской армии.

«Генеральный секретариат, – продолжало его постановление, – уведомляет все украинские войсковые части на всех фронтах, что им принимаются все меры для перевода украинских частей с других фронтов на фронт Украинский, считаясь с общим положением фронта. Все части не украинские на Украинском фронте должны знать, что оборона Украинского фронта защищает также и единство всего фронта всей России и даёт возможность осуществить мир в интересах всех народов России.

Ввиду этого неукраинские войсковые части должны добросовестно и честно выполнять свои обязанности в отношении охраны Украинского фронта, ибо общая защита защищает общие интересы народов всей России. В этой общей работе по охране всего фронта будут принимать участие дружеская и братская румынская армия и части молдавских войск.

Объявляя перемирие на Украинском фронте именем Украинской Народной Республики, Генеральный секретариат считает необходимым дальнейшую работу в отношении немедленного осуществления мира вести в согласии с союзными державами».⁴⁸

Таким откровенным по содержанию постановлением Рада давала понять всем, и особенно своим оппонентам, Сталину Совнаркому, что отныне она больше не будет скрывать своих намерений. Начинает вести собственную политику. Без оглядки на Петроград. Активную. Сразу по нескольким направлениям.

Создавая (пусть лишь на бумаге) собственный «фронт», Рада сразу добивалась весьма многого. Для начала – того, на что прежде не только не могла надеяться, как бы того ей ни хотелось, но и не имела ни малейшего юридического основания. Получала право выступать на переговорах, становясь как бы воюющей державой. Признаваемой не только Берлином, Веней, Софией и Стамбулом. Ещё и румынским правительством. Потерявшим контроль над большей частью своей страны, оккупированной немецкими войсками. В военном и экономическом отношениях полностью зависевшим от сильного соседа, которым неожиданно стала Украина. Присвоившая управление тремя русскими армиями, составлявшими основу Румынского фронта, и Одесским военным округом, тылом этого фронта, где были расквартированы 25 запасных полков, то есть 6 дивизий.

Добилась Рада признания своей суверенности (хотя, всего лишь, де-факто), заодно приобретя и первого союзника, уже три дня спустя. 26 ноября (9 декабря) в Фонтанах, где генерал-лейтенант фон Морген (от имени Германии), генерал Лупеску (от имени Румынии) и генерал-лейтенант А.К. Келчевский (от имени Украины) подписали акт о перемирии на Румынском фронте.⁴⁹ Первый – такого рода – с начала мировой войны.

Тогда же обозначилась и истинная внешнеполитическая ориентация Рады. Прокламированное ею в постановлении от 23 ноября намерение добиваться мира совместно с Антантой на деле обернулось явным подыгрыванием Берлину. Выразилось то в упорном стремлении ослабить силы Северного и Западного фронтов, оставленных Киевом Петрограду, и так с величайшим трудом противостоящих натиску немецких войск. Именно с такой целью и потребовал Петлюра ультимативно от Крыленко пропустить на юг 21-й корпус, заявивший о своём подчинении Раде. Вместе с тем, всячески препятствовал тот же Петлюра передислокации на северный, «русский» участок Германского фронта, тех частей, которые не пожелали «украинизироваться».

Подобная тактика оказывалась на руку только Германии, позволяя ей перебросить ненужные теперь дивизии с Восточного фронта на Западный.

Подобными методами Рада попыталась заодно и дискредитировать Совнарком перед Парижем и Лондоном. Превращала его в сознательного пособника, если не союзника, Берлина. Между тем А.А. Иоффе, председатель российской делегации в Брест-Литовске, и стремился к обратному. Выдвинул как неперемное условие ведения переговоров, помимо «очищения островов Моонзунда», то есть отвода немецких частей на старые, дооктябрьские, позиции, ещё и «непереброску войск на другие фронты». Указывал, что для Советской России «дело идёт о перемирии на всех фронтах», и потому задачу свою он видит в «привлечении к переговорам правительств всех воюющих стран в целях обеспечения всеобщего мира».⁵⁰

Не довольствуясь лишь тем, Рада одновременно попыталась объединить, а если получится, то и возглавить, все возникшие за последние месяцы на окраинах России националистические самозванные «правительства», представлявшие только себя. С этой целью 25 и 26 ноября (8 и 9 декабря) Генеральный секретариат направил ноты: Великой Белорусской Раде; молдавскому Совету края (Сфатул цэрий); Крымской Директории, сформированной татарским Курултаем; Юго-Восточному союзу казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, образовавшему 16(29) ноября в Екатеринодаре своё правительство во главе с генерал-майором М.А. Богаевским; Закавказскому краевому комиссариату, преобразованному 15(28) ноября из Закавказского особого комитета, детища Временного правительства. Не удовлетвовавшись столь небольшим кругом адресатов, Генеральный секретариат направил ноту ещё и в Томск, где только что начала заседать Сибирская Областная Дума.

Всем им Рада предложила «образовать по принципу федеративному однородное социалистическое правительство». Предложила, по сути, начать раздел страны по национальному и, вдобавок ко всему, ещё и по территориальному признаку. Исходила притом из ложного представления о слабости Совнаркома, его неспособности (как, видимо, твёрдо верили в Киеве) противостоять неизбежному распаду России.

«В настоящее время, – бездоказательно утверждала нота, – когда совершенно определённо выяснилась невозможность нормальной работы Учредительного собрания, при отсутствии общепризнанной всероссийской власти, которая действовала бы правомерно, установление правительства, опирающегося на авторитет вновь возникающих республик, равно как и на всю социалистически мыслящую демократию России, является крайне необходимым».

Понимая, что никто не станет «покупать кота в мешке», нота содержала и «основы будущего федеративного государства Российского», которые украинский народ мыслит обязательными для всех частей федеративной России;

«К числу таких общегосударственных основ Генеральный секретариат относит республиканское и действительно демократическое устройство каждого государства России, свободу совести, личности, слова, печати, собраний, стачек, неприкосновенность жилища и пр. В то же время Генеральный секретариат стоит на принципе полного взаимного невмеша-

тельства в политическую жизнь федерирующихся республик, поскольку таковые не выходят за пределы вышеуказанных основ.

Поэтому правительство Украинской Народной Республики считает преступными попытки сокрушить право на внутреннюю независимость каждой из республик России. Генеральный секретариат будет решительно бороться с узурпаторами чужих прав в случае, если попытки эти будут направлены против истинно демократических и свободных республик России.

Если таковое понимание основ федеративного строя разделяется всеми республиками, если и там мыслимо создание условий, вполне допускающих возможность немедленного действительного проведения в жизнь указанных политических свобод, то Генеральный секретариат не предвидит никаких реальных препятствий для деятельного строительства, совместно со всеми республиками России, нового федеративного правительства, имея в виду, в ближайшую очередь, создание благоприятных условий для работы Учредительного собрания, а также для скорейшего проведения в жизнь общеевропейского демократического мира».⁵¹

Положительный ответ Рада получила только от правительства Донской области.

3. Жребий брошен

Далеко не случайно на преступное по смыслу предложение Рады первым, но и последним, откликнулся генерал Каледин. Именно ему, как никому другому, союз с украинскими националистами сулил весьма многое, если не всё. Возможность снять с передовой пять казачьих дивизий, которые позволили бы ему обеспечить независимость Дона, если не от России, то, во всяком случае, от давления не признанного им Совнаркома, необходимости выполнять его постановления и декреты. Обеспечивал проезд этих дивизий через территорию Украины, несмотря на неоднократные протесты Крыленко, призванного как главковерх отвечать за стабильность и боеспособность фронта, особенно во время начавшихся в Брест-Литовске переговоров. А ещё можно было совместно с Радой поделить Воронежскую губернию, на территорию которой претендовали и Киев, и Новочеркасск.

Центральная Рада от поддержки Дона также выигрывала, и немало. Обеспечивала себе надёжное прикрытие от вполне возможного наступления сил Совнаркома с востока. Получала, как ей казалось, время для создания настоящей армии. Призванной заменить подозрительно быстро «украинизировавшиеся», на деле деморализованные, распропагандированные большевиками полки и корпуса.

По приказу Петлюры с 20 ноября (3 декабря) одновременно начались и демобилизация солдат (русских), и формирование профессиональных – «сердюкских» – дивизий. Двух пехотных и одной кавалерийской. В которых, как и в царское время, запрещался выбор комитетов, вводилась строжайшая дисциплина, устанавливалось единоначалие офицеров. Обнаружив острый недостаток в украинском по национальности командном составе, созданный тогда же Петлюрой собственный Генеральный штаб обратился с призывом к русским офицерам, и даже юнкерам, встать на защиту Украинской Народной Республики, вступив в её армию.

Несмотря на столь очевидно негативную для Петрограда ситуацию в Киеве, Совнарком всё ещё считал своими основными противниками мятежные казачьи области, Донскую и Оренбургскую. Но для установления там своего контроля правительство Советской России могло направить верные части только с фронта, причём непременно через территорию, где господствовала Рада. И потому Троцкий, уже взявший в свои руки вопросы не только внешней политики, но и обороны, потребовал от Крыленко «немедленно двинуть по направлению к Москве /главный железнодорожный узел – Ю.Ж./, Ростову-на-Дону и Оренбургу

такие силы, которые, не колебля наш фронт, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов». Поручил «запросить Украинскую Раду – считает ли она себя обязанной оказывать содействие в борьбе с Калединым, или же намерена рассматривать продвижения наших эшелонов на Дон как нарушение своих территориальных прав».

В тот же день, 24 ноября (7 декабря), Петлюра в разговоре по прямому проводу с советским главкомом ушёл от прямого ответа. «Вопрос о том, что же происходит на самом Дону, – заметил он, – следует проверить, дабы не вызвать лишних, а может быть и опасных конфликтов».⁵²

Тогда-то киевские большевики во второй раз образовали Военно-революционный комитет. Были уверены, что не только легко свергнут Раду, но и созовут, как их к тому настойчиво призывал Сталин, Краевой съезд Советов. Однако действовали столь беспечно, что о таких планах сразу же стало известно и Раде, и Генеральному секретариату. В ночь с 29 на 30 ноября (с 12 на 13 декабря) всех членов ревкома арестовали, председателя (Л.Л. Пятакова, брата Г.Л. Пятакова) зверски убили, а солдат гарнизона, принявших сторону ревкома, разоружили и вывезли из города.

Устранив потенциальную политическую оппозицию, Рада поспешно назначила на 4(17) декабря съезд Советов, организовав его на свой лад. Делегировала в его состав 670 делегатов от националистического Крестьянского союза (Селянской спилки) и 950 – от «украинизированных» воинских частей. Они же послушно избрали своим председателем М.С. Грушевского и единодушно одобрили всё, что делала прежде и что намеревалась делать Рада.

Такие события и вынудили Совнарком к решительным мерам. 2(15) декабря на его заседании выступил Сталин, после чего и было принято менявшее всё постановление: «1. Войска против Каледина продвинуть через Украину, не считаясь с последствиями. 2. Официально признать независимость Украинской Республики Советов с конфискацией земли у помещиков».⁵³

Ничего, разумеется, не зная о таком решении, Петлюра в свою очередь отважился на крайний шаг. 3(16) декабря подписал «Обращение к украинским войскам Юго-Западного и Румынского фронтов». В нём же в очередной раз попытался оправдать сепаратизм, ставший основой всей политики Рады.

«Петроградское правительство народных комиссаров, – утверждал киевский военный министр, – с каждым днём показывает неспособность вести армию Российской Республики к миру и устроению жизни истрадавших народов России. Солдаты в окопах и в тылу голодают, одежды не хватает, лошади падают от недостатка провианта. Неумелыми распоряжениями так называемых народных комиссаров окончательно расстроены пути сообщения, и нет надежды, чтобы Верховный Главнокомандующий смог наладить дело подвоза хлеба и фуража».

Нарисовав столь безрадостную и удручающую картину всеобщей разрухи, Петлюра не захотел объяснить, что досталась она в наследство от царского режима и Временного правительства. Но лишь такой подтасовкой фактов он не ограничился. Вполне сознательно умолчал и о собственных, слишком настойчивых, требованиях «украинизации» армии. Ни слова не сказал и о своих домогательствах перемещать национальные части с одних фронтов на другие. В частности, о конфликте с Крыленко по поводу дислокации 21-го «украинского» корпуса. Сдерживавшего немецкие силы у Вольмара (Валмиеры) – последнего препятствия для противника на пути ко Пскову и Петрограду. Преднамеренно обвинял в том большевиков.

«От этого/нехватки продовольствия, фуража и обмундирования – **Ю.Ж.**/ голодные и мёрзнувшие солдаты принуждены бежать со своих постов и открывать фронт перед непри-

ятелем, который ещё не заключил с нами перемирия /и опять Петлюра шёл на сознательный подлог, «забыв» и о сепаратном, «украинском», перемирии на Румынском фронте, и об общем, подписанном накануне советской делегацией в присутствии представителей Рады – **Ю.Ж./**. Генеральный секретариат, как правительство Украинской Народной Республики, не может относиться к этому безучастно».

Далее министр повторил решение полуторанедельной давности об образовании из Юго-Западного и Румынского фронтов объединённого, Украинского. Подчинённого лишь Киеву. Только теперь не в военно-стратегических, а во внешнеполитических целях.

«Генеральный секретариат заявляет, – пафосно продолжал Петлюра, – что с этого дня берёт дело перемирия в свои руки и будет вести его самым решительным образом, причём будет иметь в виду интересы трудового народа, а также честь и достоинство революционных армий – украинской и всероссийской. Принимая во внимание единство фронта всей России и необходимость единообразия в условиях перемирия на всех фронтах, Генеральный секретариат будет употреблять все усилия, чтобы в этом важном для всей России деле быть в контакте со Ставкой Верховного Главнокомандующего как техническим центром всей российской армии. Однако Генеральный секретариат считает необходимым объявить войскам Украинского фронта, что всякие распоряжения Ставки Верховного Главнокомандующего могут иметь силу только при условии прохождения их через Генеральный секретариат Украинской Республики».

Вот так, не больше и не меньше! Ставка отныне – всего лишь «технический центр», а дело мира, дело перемирия, уже достигнутого с огромным трудом в Брест-Литовске, полностью берёт на себя Генеральный секретариат и лично он, Петлюра. Не довольствуясь тем, военный министр Рады снова пошёл на сознательный обман – солдатской массы. Ничего не сообщая о начатом формировании сердюцких дивизий, пообещал тем, кто останется в рядах украинской армии, все блага «национальной демократии».

«Чтобы достигнуть достойного революционных войск перемирия, – растолковывал Петлюра, – а также для того, чтобы как можно скорее заключить демократический мир, необходим порядок на фронте, который, как всем известно, неумелыми распоряжениями народных комиссаров совершенно разрушен, отчего страдают больше всего солдаты. Генеральный секретариат в ближайшие дни издаст устав о реорганизации армии на новых, демократических началах, имеющих в виду равенство всех войсковых чинов, несущих тяжёлую службу защиты своей земли. До издания же устава, немедленно после оглашения сего, для координирования работы командного состава с выборными организациями должны быть организованы комиссариаты из представителей национальных и областных /т. е. украинских и неукраинских – **Ю.Ж./** войск. Военно-революционные комитеты должны незамедлительно передать этим комиссариатам свои полномочия».

В заключение Петлюра вернулся к тому, что действительно являлось самым главным, и не только для солдат. «Мир должен быть заключён, – настаивало «Обращение», – как можно скорее. Все вышеуказанные меры направлены к этой для всех дорогой и желанной цели, а потому Генеральный секретариат, как орган власти солдат, рабочих и крестьян Народной Украинской Республики, заявляет: кто будет препятствовать ему в осуществлении этой цели и намеченных мероприятиях, тот является врагом интересов солдат, рабочих и крестьян Украины, а с врагами демократии Генеральный секретариат умеет бороться».⁵⁴

Именно так, вполне преднамеренно извращая факты, Петлюра пытался заручиться поддержкой солдатской массы. Внушить тем, от кого в конечном счёте зависело не только будущее, но и само дальнейшее существование Рады, что именно она, Рада, и радуется об интересах народа. Только она стремится к скорейшему заключению мира, пытаясь сохранить для того стабильность фронта. Мешают же тому народные комиссары из далёкого и «чуждого» им Петрограда. А потому любую попытку Совнаркома или подконтрольного ему Крыленко

вмешаться в события на Украине следовало рассматривать как покушение на самое дорогое – возможность очень скоро заключить мир.

Тем временем Совнарком счёл необходимым довести до всеобщего сведения суть своего решения от 2(15) декабря. Достаточно понятно сформулировать своё отношение к политике, проводимой Радой. 3(16) декабря советское правительство поручило Ленину, Троцкому и Сталину подготовить немедленно, до конца заседания, необходимое заявление, названное, в конечном счёте, «Манифестом».

Хотя данный текст готовили трое, подписи под ним почему-то поставили только Ленин и Троцкий. Может быть, для придания большей категоричности содержащимся в нём угрозам. И всё же авторство отдельных смысловых разделов «Ультиматума» установить довольно просто – по содержанию. Так, первые три абзаца, безусловно, подготовил Ленин. Повторил в них то, о чём именно он говорил и писал в последние месяцы.

«Мы, – щедро, как всегда, обещал премьер, – Совет Народных Комиссаров, признаём Народную Украинскую Республику, её право отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой на федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними. Всё, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признаётся нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно».

Далее следовало два абзаца, в которых видна оригинальная позиция не кого-либо, а только Сталина. Та, что была высказана им недавно в Гельсингфорсе: «Против Финляндской Республики, которая остаётся пока буржуазной, мы не сделали ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа, и не делаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих и желающих входить в состав Российской Республики».

И сразу же, без малейшего логического перехода, повторялось недавнее заявление Сталина в разговоре по прямому проводу с Киевом: «Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведёт двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине. Между прочим, Рада отказывается созвать по требованию Советов Украины съезд украинских Советов немедленно».

Затем следовал текст, который, судя по решительности, в равной степени могли написать и Сталин, и Троцкий, но только не Ленин:

«Эта двусмысленная политика, лишаящая нас возможности признать Раду как уполномоченного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской Республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения».

Такими шагами явились:

1. Дезорганизация фронта. Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая, таким образом, единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путём организованного соглашения правительств обеих республик.

2. Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине.

3. Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти, ссылаясь заведомо ложно на автономные будто бы права Дона и Кубани».

Завершался же «Манифест» по всем правилам, присущим не такого рода документам, а лишь ультиматумам:

«В настоящее время, ввиду всех вышеизложенных обстоятельств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде перед лицом народов Украинской и Российской республик следующие вопросы:

1. Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта.
2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия Верховного Главнокомандующего никаких воинских частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места.
3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединым восстанием.
4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято.

В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине». ⁵⁵

Легко заметить, что ни один из пунктов ультиматума не затрагивал политического положения на Украине, не ставил под сомнение право Рады на руководство краем. Более того, даже война, которая могла возникнуть, должна была считаться не между Россией и Украиной, а между Радой и Советской властью, как на Украине, так и в России.

Опубликовали ультиматум в официозе, газете «Известия», 6(19) декабря, но ещё в ночь на 3(16) декабря с пометкой «срочно» передали в Киев по радио. Поэтому ответ, но не Рады, а Генерального секретариата, то есть правительства правительству поступил задолго до истечения предусмотренного срока – вечером 4(17) декабря. Его демонстративно отправили не в Петроград, а в Ставку. На имя Верховного Главнокомандующего.

Авторы ответа, Винниченко и Петлюра, попытались воспользоваться тем, что им показалось «вопиющим противоречием» в «Манифесте». Они язвительно заметили: «Нельзя одновременно признавать право на самоопределение вплоть до отделения и в то же время грубо покушаться на это право навязыванием своих форм политического устройства самоопределившегося государства». Тем как бы предлагали Совнаркому прежде всего самому разобраться, добивается ли он осуществления им же отстаиваемого права на самоопределение, или стремится во что бы то ни стало установить Советскую власть в пределах всей России.

Винниченко и Петлюра даже не потрудились задуматься о достаточно давно и хорошо известном им. О том, что между провозглашением права на самоопределение и установлением суверенитета нового государства, признаваемого мировым сообществом, пролегает тернистый путь демократических процедур. Прежде всего – референдум, который только и даст возможность определить территорию, претендующую на автономию или независимость. Затем – всеобщее, равное, тайное, прямое, альтернативное голосование, выборы в верховный орган данной, пока ещё отнюдь не независимой территории. Потом – провозглашение сеймом (он же парламент) искомой независимости или автономии. И только потом – то, что называется «цивилизованным разводом». Согласованные действия по отделению.

Но тщательное исполнение такого рода процедур могло принести непредсказуемые результаты. Сузить территорию, на власть в которой Рада претендовала, до пяти, а может и меньшего числа губерний. Привести не к независимости, а только к автономии, да и то национально-культурной. Потому-то Винниченко и Петлюра вместо того, чтобы предложить Совнаркому собственный вариант решения вопроса, прибегли к весьма низкого пошиба препирательствам.

Не имея иных аргументов, попытались приписать чуть ли не всему русскому народу украинофобию. «Центральной Радой, – безосновательно утверждали они, – не удовлетворены великорусские элементы черносотенного, кадетского и большевистского направления, которым, вероятно, более желателен был бы иной национальный состав Рады». И, усугубляя свою предельно шовинистическую позицию, добавили: «Генеральный секретариат пред-

ставляет полную возможность указанным элементам выехать из Украины в Великороссию, где их национальное чувство будет удовлетворено».

Задав такой тон своему ответу, документу сугубо официальному, чуть ли не дипломатическому, Винниченко и Петлюра уже не смогли нормально ответить ни на один из поставленных перед ними вопросов. Нисколько не соображаясь с фактами, даже собственными прежними Универсалами и обращениями, продолжали настаивать на своём:

«Генеральный секретариат не находит возможным единственно силами украинских частей охранять всю громадную линию фронта, поэтому он уводит с Северного и Западного фронтов украинские войска на Украинский фронт».

«Генеральный секретариат... признаёт право на самоопределение каждой национальности или области вплоть до отделения, поэтому навязывать Великороссии, Дону, Уралу / Уральскому казачьему войску – Ю.Ж./, Сибири, Бессарабии либо кому другому своё понимание политического управления... не находит логичным и возможным... Предлагает добровольное соглашение всех областей и народов Великороссии, Кавказа, Кубани, Дона, Крыма и др. на следующих условиях: правительство должно быть однородно социалистическим, от большевиков до народных социалистов; должно быть федералистским».

«На территории Украинской Народной Республики власть принадлежит демократии Украины. Всякое покушение вооружённой силы на эту власть будет подавляться той же силой, поэтому Генеральный секретариат, во избежание братоубийственной войны, предлагает Совету Народных Комиссаров отозвать большевистские войска из Украины... Генеральный секретариат избегает кровавых способов разрешения политических и государственных вопросов, но если народные комиссары Великороссии, принимая на себя все последствия грядущих бедствий братоубийственной войны, принудят Генеральный комиссариат принять их вызов, то Генеральный секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам».⁵⁶

Не удовлетворившись подчёркнуто вызывающим отклонением всех требований СНК, киевские сепаратисты пошли ещё дальше. Вознамерились, явно идя на обострение и без того сложной ситуации, добиться любой ценою давно желанного. Переподчинить части и соединения Юго-Западного и Румынского фронтов Генеральному секретариату по военным делам, то есть лично Петлюре. Начиная с 4(17) декабря стали планомерно и последовательно захватывать штабы – двух фронтов, армий, корпусов, дивизий, полков. Одновременно арестовывали всех членов военных комитетов, отказывавшихся признать власть Рады, а заодно и вообще всех большевиков.

5(18) декабря Петлюра попытался продолжить развал русской армии, ничуть не задумываясь о том, как это повлияет на ход мирных переговоров в Бресте. В телеграмме «украинскому комиссару» уже Северного фронта безапелляционно потребовал:

«Приказываю никаких распоряжений ни прапорщика Крыленко, ни его комиссаров, ни большевистских комитетов не исполнять. Все украинцы Северного фронта подчинены Вам и войсковой фронтовой Раде через самые ближайшие свои рады. Получивши сей приказ, немедленно организуйте украинский командный состав и прочее и займите соответствующую позицию по отношению к большевистским революционным комитетам, а также по отношению к так называемым народным комиссарам, и докажите, что тот, кто поднимает руку на молодую Украинскую Народную Республику и её благополучие, найдёт в войсках-украинцах фронта решительный и твёрдый отпор. Поручаю Вам для проведения всего этого в жизнь пользоваться всеми способами, какие вызываются Вашим географическим положением по отношению к Петрограду, откуда надвигается на Украину большая угроза. Необходимо, чтобы Вы эту угрозу удержали возле Петрограда».⁵⁷

Иными словами, Петлюра потребовал от ещё даже не созданных украинских частей перейти к боевым действиям и блокировать Петроград. Расценить такой приказ иначе, как развязывание войны, да ещё и на территории России, как оказание своеобразной помощи германским войскам, и без того стоявшим чуть ли не у порога столицы, было невозможно. И потому в тот же день Троцкий телеграфом известил главковерха Крыленко об отношении Совнаркома к происходившему. Правда, проявляя свою склонность к военному руководству, оценил события только с внутривластной позиции. Забыл, что, прежде всего, он – нарком по иностранным делам, ведущий нелёгкие переговоры с командованием вооружённых сил Германии и Австро-Венгрии.

«Мы не можем, – сообщал Троцкий в Ставку, – допустить безнаказанно такие провокационные действия... Противоречия между нами и Радой лежат не в национальной, а в социальной области... Мы не можем сейчас ни на минуту ослабить нашу борьбу с контрреволюцией под влиянием протестов Рады... Нельзя позволить Раде безнаказанно прикрывать социальную корниловщину знаменем национальной независимости. Мы ждём от Вас решительных действий в том смысле, чтобы обезопасить наши войска на Украине от контрреволюционных посягательств Рады. Завтра мы выработаем формальное заявление по этому вопросу, но в области практических действий Вам незачем дожидаться официальной декларации».⁵⁸

Однако решение Совнаркома последовало не «завтра», как полагал Троцкий, а в тот же день, 5(18) декабря, и было сформулировано достаточно жёстко и решительно.

«Признав ответ Рады, – отмечало оно, – неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами. Поручить комиссии в составе товарищей Ленина, Троцкого и Сталина принять соответствующие активные меры по сношению со Ставкой и выпустить два воззвания – к украинскому народу и солдатам. Считать эту комиссию полномочной действовать от имени Совета Народных Комиссаров». Кроме того, было решено «предоставить тов. Антонову /-Овсеенко – **Ю.Ж.**/ согласно его просьбе поездку в Ставку... Прямой же задачей тов. Антонова должна явиться организация борьбы и боевых действий с Радой».⁵⁹

Вместе с тем, уже на следующий день, как и обещал Троцкий Крыленко, в Ставку направили решение Совнаркома в несколько ином, более откровенном варианте: «Ответ Центральной Рады считаем недостаточным, война объявлена, ответственность за судьбы демократического мира, который срывает Рада, падает целиком на Раду. Предлагаем двинуть дальше беспощадную борьбу с калединцами. Мешающих продвижению революционных войск ломайте неуклонно. Не допускайте разоружения советских войск. Все свободные силы должны быть брошены на борьбу с контрреволюцией».⁶⁰

Именно эта телеграмма, судя по стилю, скорее всего написанная Лениным, предельно ясно выражала и задачу, вставшую перед Совнаркомом, и способ её решения. Главное – переговоры в Брест-Литовске. Переговоры, которые смогут стать успешными только в том случае, если Россия сумеет хоть как-то удержать фронт, сохранив армию. И только второе – подавление мятежа на Дону. Контрреволюционного выступления, которое стало центром притяжения всех тех, кто отказывался признать власть Совнаркома. Прежде всего, генералов и офицеров, устремившихся с фронта в Новочеркасск. Но быстро сломить сопротивление мятежников, опять же, мешали киевские сепаратисты.

Незначительный диссонанс в чёткую программу боевых действий на юге внесло кратковременное вмешательство Троцкого, на этот раз выступившего в роли уже наркома по иностранным делам. 6(19) декабря к нему обратился почему-то всё ещё существовавший орган солдат-украинцев столичного гарнизона. Петроградская Войсковая Рада, передавшая срочное послание Генерального секретариата. Винниченко и Петлюра, хотя и были твёрдо уверены в безмерной слабости Совнаркома, всё же попытались выиграть время, несколько

оттянув начало войны с Россией, и потому предложили тем, кого они отказывались признавать, «мирно урегулировать конфликт».

Нарушив договорённость от 5 декабря о коллективном принятии всех решений по Украине, Троцкий единолично не только подготовил ответ Раде, но и, воспользовавшись отсутствием Сталина на заседании правительства, утвердил его как решение Совнаркома.

Очередной документ выглядел весьма странно. Прежде всего, содержал совершенно излишние в данном случае рассуждения о чисто теоретическом положении – имеющем «принципиальный характер» условия Рады, и, в частности, то, что «право на самоопределение не составляло и не составляет предмета спора или конфликта». Источником же разногласий Совнаркома с Генеральным секретариатом Троцкий назвал только «поддержку Радой буржуазной кадетско-калединской контрреволюции». А потому признал вполне возможным соглашение с Киевом после «заявления Рады об её готовности немедленно отказаться от какой бы то ни было поддержки» мятежа на Дону⁶¹. Тем самым Троцкий вводил и Крыленко, и Антонова-Овсеенко в заблуждение относительно целей их немедленных действий. Задерживал выступление советских сил, чего, собственно, и добивался Генеральный секретариат.

И всё же российско-украинское военное столкновение отсрочил более чем на месяц отнюдь не документ, подготовленный Троцким, и не его, мягко говоря, своеобразная позиция в данном вопросе, а иное.

Прежде всего, ещё одна попытка Винниченко использовать Петроградскую Войсковую Раду, которой он и поручил начать от имени Генерального секретариата официальные переговоры с так и не признанным им Совнаркомом. 7(20) декабря добровольные посредники обратились на этот раз к Сталину с просьбой принять их. Однако нарком от беседы с ними уклонился и поспешил о происшедшем уведомить правительство. И тут же получил указание – вместе с Троцким всё же встретиться с доморощенными дипломатами. Лишь встретиться, но ни в коем случае не вступать с ними в переговоры и, тем более, не давать им какой-либо ответ или обещания.⁶²

Сталин своё отношение к Раде скрывать ни от кого не собирался. Уже 8(21) декабря официальный орган ВЦИК газета «Известия» опубликовала его небольшую статью – «Украинская буржуазия и контрреволюция. Предельно откровенную, нелицеприятную, ибо выражала позицию не правительства, а личное мнение одного из её членов. В ней Сталин, как недавно и ультиматум Совнаркома, и Троцкий, соединил оба гордиева узла – киевский и новочеркасский. Счёл наиболее приемлемым разрубить их одним ударом.

«Выставлять принцип самоопределения, – указал Сталин, – для того, чтобы поддерживать бесчинства Каледина и политику разоружения революционных советских войск, как это делает теперь Генеральный секретариат, это значит издеваться над самоопределением и элементарными принципами демократии... В угоду врагам революции, столпившимся теперь на юге. Генеральный секретариат Рады не пропускает революционные войска против Каледина и Родзянко /бывший председатель Четвёртой Государственной Думы и – в первых числах марта – её Временного комитета в то время находился на Дону – Ю.Ж./». Только в этом дело.

Между народами России, между русским и украинским народами нет никакого конфликта. Вместе боролись они против царизма и керенщины, вместе же доведут они нынешнюю революцию до полной победы... Конфликт существует только между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Генеральным секретариатом Рады. Этот конфликт должен быть разрешён во что бы то ни стало. Но он может быть разрешён лишь совместной борьбой русского и украинского народов против контрреволюционных элементов в Центральной Раде».

Таким своим объяснением ситуации предвосхитил смысл и даже отчасти содержание документа принципиального значения, появившегося днём позже. Утверждённого на

совместном заседании Совнаркома и ВЦИКа одного, вместо предусмотренных ранее двух, воззвания – «Украинским рабочим, солдатам, крестьянам, ко всему украинскому народу». Воззвания, поставившего, наконец, точку в слишком затянувшейся бессмысленной и бесплодной дискуссии между Киевом и Петроградом.

Вместо переговоров, которые, по мнению Генерального секретариата, должны были стать для начала фактическим признанием и равноправного по отношению к России правового положения Украины, и её властного органа, Центральной Рады, воззвание с первых же слов утверждало прямо противоположное – единство страны.

«Братья-украинцы! – отмечало воззвание. – Враги вашей и нашей свободы хотят разъединить нас. Центральная Рада примкнула к врагам Советской власти в России».

А далее объяснялись причины, и породившие конфликт, возникший не по вине Совнаркома: «Контрреволюционное движение, начатое на Дону черносотенным генералом Калединым. Центральная Рада в насмешку над здравым смыслом объявляет движением в пользу «самоопределения Дона»... Рада пошла ещё дальше... Центральная Рада ночью напала на советские революционные войска, разоружила их и выслала из Киева».

Лишь затем, как бы мимоходом, воззвание перешло к чисто юридической проблеме. К тому, что менее всего интересовало, затрагивало чувства простых людей, но весьма болезненно волновало интеллигенцию края: «Братья-украинцы! Вас уверяют, будто мы выступаем против самоопределения Украины. Это ложь. Ни на минуту не помышляем мы покушаться на права Украины. Революционный пролетариат один только заинтересован в том, чтобы за всеми народами было обеспечено право на самоопределение вплоть до отделения».

Отдав лишь тем дань привычной, даже непрременной в те дни риторике по пресловутому вопросу (в том, несомненно, сказалась настойчивость одного из соавторов документа, Сталина), воззвание перешло к наиважнейшему.

«Украинские рабочие! – растолковывало оно. – Ваши интересы предают капиталистам. Украинские солдаты! Вас восстанавливают против общероссийской солдатской семьи. Вас втягивают в преступную междоусобную войну в интересах украинских помещиков. Украинские крестьяне! Вы не увидите земли, не увидите воли, если отделитесь от рабочих и солдат России...

Центральная Рада делает всё возможное, чтобы посеять рознь между нами и украинцами. Но мы и в этот момент ещё раз заявляем вам – Советская власть стоит на страже национальных свобод ваших, как и всех народов, населяющих Россию».

Воззвание не только констатировало сложившееся положение и оперировало лозунгами классовой борьбы. Предлагало оно и конкретный план действий трудящимся южного края.

«Требуйте, – советовало оно, – немедленного переизбрания Рады. Требуйте перехода всей власти на Украине к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пусть в Советах преобладают украинцы. Пусть и у вас укрепитя Советская власть, единственно способная обеспечить интересы рабочих, солдат и крестьян».⁶³

Петроград не ограничивался словами. Ещё в разгар полудипломатической переписки, 6(19)декабря, началось формирование трёх военных отрядов, что по требованию Ставки ни в коем случае не должно было оголить ни один из участков Германского фронта. Первого Минского, Р.И. Берзиня – включившего 17-й, 19-й, 60-й стрелковые полки, 37-й запасной, 132-й отдельный артиллерийский дивизион и три пулемётных команды. Северного летучего, Р.Ф. Сиверса – полторы тысячи солдат из различных запасных полков с шестью орудиями и тремя броневиками. Первого Петроградского сводного, Ховрина – матросы и красногвардейцы на двух бронепоездах.

Двинулись они не на Киев, кратчайшим путём (с Западного фронта – через Чернигов, с Северного – через Брянск и Бахмач), а в обход тех губерний, которые Рада полагала частью

Украинской Республики, на Харьков. Для того чтобы как можно скорее установить контроль над железными дорогами, связывающими фронт с Доном. И тем воспрепятствовать уходу с передовых позиций казачьих полков, устремившихся в родные станицы, и групп офицеров, отказывавшихся признавать советскую власть.

9(22) декабря три отряда, объединённые в Южный революционный фронт с главным командующим В.А. Антоновым-Овсеенко и начальником штаба полковником М.А. Муравьёвым, заняли Харьков. Находившиеся там 2-й Украинский и Чигиринский полки, а также расквартированный в Купянске, в ста километрах от губернского центра, Запорожский полк не оказали сопротивления и сдались без боя. В последующие дни советские войска продолжили наступление по линии железной дороги Харьков – Лозовая – Синельниково – Александровск (ныне Запорожье), завершив блокаду Донской области с севера и запада.⁶⁴

Успешные действия частей Южного революционного фронта, отрезавших Раду от её потенциального союзника – Войска Донского, не заставили её хоть сколько-нибудь смягчить непримиримую сепаратистскую позицию, и потому напряжённость между Петроградом и Киевом ничуть не ослабевала. Красноречиво подтверждала то опубликованная 13(26) декабря в «Правде» большая статья Сталина «Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте».

Появление статьи свидетельствовало и об ином. О том, что Сталина в те дни проблема Украины волновала более других. Ей ведь он посвящал вторую за неделю публикацию. Сознательно, явно преднамеренно, иногда – даже дословно, повторил, пункт за пунктом, содержание недавнего «Воззвания». Только сделал то в развёрнутой форме, предельно просто, чуть ли не разговорным языком, чтобы вернее донести свои мысли до всех.

Ни словом Сталин не упомянул ни о собственно автономии Украины, ни о её территории, которую центральная власть могла бы признать. Только – о самом главном. О возможности подавить мятеж на Дону:

«Между украинским и русским народами нет и не может быть конфликта... Конфликт возник не между народами Украины и России, а между Советом Народных Комиссаров и Генеральным секретариатом Рады».

«Мы за самоопределение народов, но мы против того, чтобы под флагом самоопределения протаскивали контрабандой самодержавие Каледина, ещё вчера ратовавшего за удушение Финляндии».

«Вопрос о централизме и самоопределении не имеет отношения к конфликту с Радой... Конфликт начался с приказов фронту члена Генерального секретариата Петлюры, грозивших полной дезорганизацией фронта... Конфликт начался приказами Петлюры, был обострён политикой Генерального секретариата, начавшего разоружение Советов депутатов Украины. Конфликт дошёл до высшей точки, когда Генеральный секретариат наотрез отказался пропустить революционные войска Советов против Каледина».

Завершил же Сталин статью несколько иначе, нежели «Воззвание».

«Говорят, – писал он, – о необходимости соглашения Совета Народных Комиссаров с Генеральным секретариатом Рады. Но разве трудно понять, что соглашение с нынешним Генеральным секретариатом есть соглашение с Калединым и Родзянко? Разве трудно понять, что Совет Народных Комиссаров не может пойти на самоубийство?..

Одно из двух: либо Рада порвёт с Калединым, протянет руку Советам и откроет дорогу революционным войскам против контрреволюционного гнезда на Дону, и тогда рабочие и солдаты Украины и России закрепят свой революционный союз новым взрывом братания, либо Рада не захочет порвать с Калединым, дорогу революционным войскам не откроет, и тогда Генеральный секретариат Рады добьётся того, чего тщетно добивались враги народа, т. е. пролития крови братских народов».⁶⁵

Однако накануне публикации статьи неожиданно пришёл третий вариант ответа, не предусмотренный Сталиным. И пришёл не из Киева, а из Харькова.

...Ещё 4(17) декабря Генеральный секретариат имитировал «съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины». Подобрал для него две с половиной тысячи воинствующих националистов, готовых своим именем подтвердить полномочия Рады. Те не только не замедлили выразить поддержку и самой Раде, и её политике, но ещё и приняли вызывающе оскорбительную резолюцию:

«Мы осуждаем централистские намерения Московского (Великорусского) правительства, которое, ведя дело к войне между Московщиной /так в тексте! – Ю.Ж./ и Украиной, грозит разорвать федеративные связи, к которым стремится украинская демократия».⁶⁶

130 действительно избранных, а не подобранных депутатов – большевики и левые эсеры – в знак протеста покинули Киев и уехали в Харьков. Крупнейший промышленный центр края, где 11(14) декабря открывался 3-й съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов (то есть Харьковской и Екатеринославской губерний). Включились в его работу, почему с общего согласия съезд областной и переименовали во Всеукраинский. Тот же поспешил избрать как высший орган власти края временный ЦИК во главе с украинским социал-демократом И.Г. Медведевым и принял манифест «Ко всем рабочим, крестьянам и солдатам Украины». В нём возвестил о лишении всех прав как Рады, так и её Генерального секретариата. Ни словом пока не упомянув ни о формах будущих взаимоотношений с Петроградом, ни о той территории, на которую собирался распространить свою юрисдикцию, возвестил лишь о том, что счёл самым важным. О намерении» обратиться к Совету Народных Комиссаров с заявлением, что войны между Украиной и Россией быть не может».⁶⁷ И сделал то уже на следующий день, 13(26) декабря, радиотелеграммой:

«Вновь созданная народная власть Народной Украинской Республики ставит своей неперенной задачей не только избежать столкновения, вызванного прежней Радой, но и направить все силы на создание полного единения украинской и великорусской демократий». А далее уточнялось: «ответ, данный прежней Радой 4 декабря на ультиматум Совета Народных Комиссаров, дан ею не от имени украинского народа, а от имени лишь тех незначительных кругов украинской буржуазии, интересы которых она защищала... Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины уверен, что дело не дойдёт до пролития крови, что шовинистическо-националистический угар, созданный Радой, прекратится».⁶⁸

Но перед тем, 12(25) декабря, съезд наконец посчитал необходимым всё же прояснить свои отношения с Петроградом. Резолюцией «Об организации Советской власти» поручил ЦИКу «немедленно распространить на всей территории Украинской Республики все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства федерации /т. е. Совнаркома – Ю.Ж./, имеющие общее для всей федерации значение». Иными словами, тем признал вхождение Украины в состав Российской Федеративной Советской Республики. И уточнил: «установить между рабоче-крестьянским правительством Российской Федерации, а также правительствами отдельных частей России и рабоче-крестьянским правительством Украины полную согласованность целей и действий, необходимую в интересах рабочих и крестьян, народов Российской Федерации, исходя из принципа, что правильными и нормальными эти взаимоотношения могут быть только в случае, если правительства всех частей России будут органами власти рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».⁶⁹

Во второй резолюции, «О самоопределении Украины», утверждённой в тот же день, разъяснил принципиальную разницу между взглядами своими и Рады. «Съезд, – провозглашал документ, – будет бороться за самоопределение Украины в интересах рабочих и крестьян, за их господство, за отмену всяких национальных ограничений, всякой национальной вражды и ненависти, за Украинскую рабоче-крестьянскую республику, основанную на тес-

ной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России».⁷⁰

Тем самым съезд безоговорочно признал и поддержал идеи, изложенные не столько в «Декларации прав народов России», сколько в разговоре Сталина по прямому проводу 17(30) ноября с Н.В. Поршем и С.С. Бакинским, ставшим в советском правительстве края, Народном секретариате, ответственным за межнациональные дела.

Однако о территории уже советской, рабоче-крестьянской Украины, о том, какие же губернии составляют её, на съезде так и не было сказано ни слова. Случайно ли?

Столь благоприятные вести из Харькова позволили Ленину, Троцкому и Сталину вздохнуть с облегчением. Ещё бы, ведь теперь у Рады появился не менее опасный, с её точки зрения, противник, нежели Россия. Противник, столь же законно, как и она сама, претендующий на власть в Киеве и всём крае. Зато у Петрограда появилась свобода политического манёвра. И потому он, не порывая окончательно с Генеральным секретариатом, занял предельно осторожную позицию в своём ответе харьковскому ЦИКу.

«Совет Народных Комиссаров, – говорилось в нём, – обещает новому правительству братской республики полную и всестороннюю поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины».⁷¹

4. Эффект домино

В декабре 1917 года вполне обоснованное беспокойство Совнаркома вызывало положение не только на Украине, но и на других национальных окраинах (оказавшихся в равной степени как по эту, так и по ту сторону германского фронта), так или иначе влиявшее на ход переговоров в Бресте.

Некоторые трения между Петроградом и Гельсингфорсом возникли при официальном признании независимости Финляндии. Дело заключалось в том, что ещё в октябре непродуманная, конфронтационная политика Временного правительства привела к победе на октябрьских выборах в сейм Финляндии младофиннов. Получивших 112 мест из 200 и сразу же образовавших новую правую партию – Национально-коалиционную. Не удовлетворявшуюся гарантией признания независимости страны.

6(19) декабря сейм не только принял постановление о государственной независимости Финляндии, но и ультимативно потребовал от Совнаркома незамедлительного вывода русских войск с отныне суверенной территории.⁷² Всех. И расквартированных в Великом Княжестве задолго до революции: 62-го армейского корпуса (четыре дивизии с приданной им артиллерией); гарнизона крепостей (и прежде всего Свеаборгской, расположенной неподалёку от Гельсингфорса); кораблей, стоявших в порту столицы, одной из баз Балтийского флота. И введённых после захвата немца и Моонзундского архипелага и сдачи Корниловым Риги: бригады 45-й дивизии, 5-й Кавказской казачьей дивизии, штаба 1-го конного корпуса. А заодно и отрядов Отдельного корпуса пограничной стражи, расположенных вдоль шведской границы.

Сейм, тем самым, не афишируя свою ориентацию на Берлин, пытался помочь германскому командованию. Создать возможность для высадки немецкого десанта на южном побережье Финляндии и «взять в клещи» Петроград. Нарушить и без того зыбкое равновесие на фронте, благодаря чему диктовать свою волю на переговорах в Бресте. Понимая всё это, Совнарком не просто отклонил такое требование. Поручил Наркоминделу «ответить, чтобы Финляндия ультиматумов не предъявляла, так как иначе будет наказана».⁷³

Мало того, несколько депутатов сейма от третьей по величине фракции, Аграрного союза, впервые в истории взаимоотношений с Российской Империей выразили, хотя и в

весьма мягкой форме, недовольство существовавшей с 1809 года линией границы. Предложили Петрограду вернуть якобы некогда входившие в состав Великого Княжества Восточную Карелию, западную часть Мурманского полуострова и даже Аландские острова, испокон века населенные одними шведами.⁷⁴

Не могла улучшить только что начавшиеся отношения соседних государств и небрежность, допущенная – сознательно или невольно, по незнанию – премьером П. Свинхувудом в судьбоносном для финского народа документе. Привезённой 16(29) декабря делегацией сейма в Петроград просьбе признать независимость Финляндии. В ней почему-то были использованы два наименования того органа, к которому и было адресовано обращение – и Совет Народных Комиссаров, и Российское правительство.

Но такой огрех оказалось устранить очень легко. Совнарком поручил своему управляющему делами В.Д. Бонч-Бруевичу «словесно довести до сведения делегации финляндского сейма о возникших в Совете Народных Комиссаров затруднениях и просить их внести в Совет новое обращение, с более ясно сформулированным обращением к Совету Народных Комиссаров как к Российскому правительству».⁷⁵

Свинхувуд не стал упорствовать, почему уже 18(31) декабря вопрос был разрешён. Принятый в тот день Совнаркомом декрет гласил: «Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением: а) признать государственную независимость Финляндской Республики; б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих стран для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».⁷⁶

Спустя четыре дня, 22 декабря (4 января) ВЦИК утвердил этот декрет Совнаркома. Теперь следовало приступать к являвшимся неременной формой ««цивилизованного развода» предусмотренным «практическим мероприятиям». Одним же из них предстояло стать согласование границы. Сохранение её по прежней линии либо внесение каких-либо уточнений, серьёзных или незначительных изменений. Однако решение данной задачи началось не сразу. Лишь в феврале 1918 года, да к тому же ещё и с представителями нового, революционного правительства...

Совершенно иначе сложилось положение на неоккупированной территории Прибалтики. Действовавшие там избранные при Временном правительстве Земские советы Эстонии и Латвии пока ещё не требовали независимости. Довольствовались обрётённой национально-территориальной автономией и с момента образования занимались весьма прозаическими, но необычайно важными делами. Упрочением своей администрации и своеобразным культурным возрождением – переводом делопроизводства и школьного образования на соответственно эстонский и латышский языки. И дожидались созыва Учредительного собрания, которое, как все полагали, и разрешит проблему конструирования страны из полусамостоятельных «штатов». В том числе – Эстонского и Латвийского.

Поначалу умиротворяющую роль во взаимоотношениях Земских советов с Совнаркомом сыграло то, что Петроград способствовал завершению формирования Эстонии и Латвии в тех этнических границах, к которым они стремились. 16(29) ноября советское правительство согласилось с предложением Нарвской думы. Утвердило «присоединение к городской территории всех прилегающих к городу населённых местностей и мануфактур», «образование Нарвского уезда» и «присоединение его к Эстляндской губернии».⁷⁷ Не стал возражать Совнарком и получив просьбу, впервые выраженную ещё 13(26) марта, о выделении Режицкого, Люцинского и Двинского уездов, то есть Латгалии, из Витебской губернии и присоединения их к Лифляндской.⁷⁸

Относительно мирно до конца декабря складывались отношения обоих Земских советов и с явными конкурентами. С также претендовавшими на власть в обеих губерниях испол-

комами – Советом рабочих и воинских депутатов Эстонии, Советом рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. Тому способствовали веские причины.

Во-первых, оба исполкома в ноябре ещё являлись частями своеобразной структуры – Северо-Западного областного объединения, охватывавшего Эстляндскую, Лифляндскую, Новгородскую и Псковскую губернии. Одного из тринадцати такого рода существовавших тогда в стране. Созданных после 29 марта (12 апреля) исключительно для оказания центром помощи в организации Советов на местах и их большевизации. Чисто классового органа, далеко не случайно в деталях повторявшего строение РСДРП(б). Почему опиравшегося не столько на пролетариат, сколько на солдатскую массу. В данном случае – на полки, корпуса и дивизии 12-й, 1-й и 5-й армий Северного фронта.

Во-вторых, Земские советы и исполкомы до некоторой степени объединяла общая застарелая ненависть к проживавшим в крае немцам. Не одно столетие угнетавшим местных жителей, хотя остававшимся национальным меньшинством. В Эстляндии и Лифляндии проживало всего 141 тысяча немцев, то есть 8 % жителей обеих губерний. Тем не менее, только они могли избирать и быть избранными в ландтаги – органы местного самоуправления, существовавшие триста лет. Только они являлись крупными землевладельцами и составляли подавляющую часть горожан. Ко всему этому, с началом мировой войны в шовинистическом угаре их считали теми, кого спустя двадцать лет назовут «пятой колонной».

Наконец, до поры до времени сдерживало открытое противостояние Земских советов и исполкомов ещё и то, что националисты только начали создавать собственные вооружённые силы, на которые при необходимости и могли бы опереться. 1-й, 2-й, 3-й запасной эстонские полки и незаконные отряды милиции «Самооборона» («Омакайтсе») начали формировать лишь в конце сентября, и в начале декабря они вместе насчитывали не более 10 тысяч человек. А о поддержке Земского совета Латвии заявило всего несколько батальонов в девяти полках латышских стрелков. Оба же исполкома через Северо-Западное областное объединение фактически контролировало все три армии Северного фронта.

Лишь через месяц после победы революции Эстляндский и Лифляндский исполкомы сочли нужным стать органами власти не только советскими, но и национально-территориальными. Поступили так вынужденно, реагируя на вызывающие в канун созыва Учредительного собрания действия Земских советов. Эстонского, 15(8) ноября провозгласившего себя «единственным носителем власти в губернии».⁷⁹ И Латышского, тогда же объявившего о преобразовании во Временный национальный совет.

Первым сделал шаг в том же направлении Ревельский (Таллиннский) городской Совет рабочих и воинских депутатов. Принял 1(14) постановление о выходе из Северо-Западного объединения, объявив семимесячное пребывание в нём «случайностью». Пояснил: «Эстонский край резко отличается от всех губерний области по национальным, этнографическим особенностям, а также в аграрнохозяйственном и промышленном отношениях».⁸⁰ Готовя такой акт, предварительно, 5(18) ноября, объявил о роспуске Земского совета, а 19 ноября (2 декабря) – и его исполнительного органа, Губернской земской управы.⁸¹

Только 23 декабря (4 января) Совет рабочих и воинских депутатов Эстонии принял подготовленное губернским комитетом РСДРП(б) воззвание, которым, в частности, провозглашалось: «Посредством объявления государственной независимости Эстонии /имелось в виду ещё не сделанное – Ю.Ж./ буржуазия надеется избавиться от правительства трудящихся... Не отделение от России, а самый тесный и братский союз с трудящимися России – таков в противоположность этому наш лозунг».⁸² А 31 декабря (13 января) Исполком Эстонского совета заявил, что в интересах и революции, и самого эстонского народа целесообразно оставаться «в самом тесном государственном единении с рабочим правительством России».⁸³

Аналогичное решение вскоре было принято и в Латвии. Проходивший 16–18(29–31) декабря в Вольмаре (Валмиере) Губернский съезд Советов как итоговый документ принял декларацию. В ней, помимо наиважнейшего (о разделе помещичьей земли, о рабочем контроле, национализации банков) шла речь и об автономии. Такой, которая «не выходит за рамки принципов декретов пролетарской диктатуры России и в то же время обеспечивает самое широкое самоопределение трудовой демократии Латвии». ⁸⁴ Вместе с тем, съезд потребовал: «Следует самым решительным образом бороться с любой другой властью /подразумевался Временный национальный совет – **Ю.Ж.**/, которая попыталась бы утвердиться помимо Советов или выступить от имени населения Латвии». ⁸⁵

Наконец, 24 декабря (6 января) последовала и «Декларация о самоопределении Латвии». «Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов, – провозглашала она, – облечённый доверием масс, заявляет, что пролетариат Латвии никогда и нигде не выражал стремления отделиться от России, прекрасно понимая, что самостоятельность такого небольшого народа, как латышский, в окружении империалистических держав является просто иллюзией, которая будет раздавлена как мыльный пузырь». ⁸⁶

Как Земские советы, так и исполкомы Эстонии и Латвии не без оснований дружно опасались восстановления политической и экономической власти немцев. Восстановления весной ликвидированных сословных средневековых органов, которые и позволяли национальному меньшинству сохранять своё привилегированное положение в крае. Убедительным подтверждением тому стало положение, сложившееся в Курляндии после оккупации её германскими войсками.

В октябре майор фон Гослер, исполняя приказ командующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского, созвал в Митаве (Елгаве) в соответствии с Курляндскими статутами 1617 года Земский совет (ландрат). Из немецкого рыцарства (дворянства), но с приглашением и латышей. 21(9) сентября ландрат торжественно открылся принятием верноподданнейшего адреса, которым просил Вильгельма II взять на себя защиту края и принять для того корону герцога Курляндского. Император противиться не стал. Ещё бы, ведь митавский адрес «почему-то» до деталей совпадал с его собственной программой. Одобрённой, ко всему прочему, на совещании Верховного командования армии при участии канцлеров Германии и Австро-Венгрии. Ещё 23(10) апреля, в Кройцнахе, ставке Гинденбурга. Стой самой программой, пункт 12-й которой гласил: «Курляндия присоединяется к нам, возможно, в форме автономии». ⁸⁷

Решением судьбы одной только губернии Прибалтийского края программа Вильгельма и его генералов не ограничивалась. Надеясь на скорый и неминуемый полный разгром России, предreshала будущее и остальных двух: «Эстляндия и Лифляндия – автономии с правом /? – **Ю.Ж.**/ позже принять решение о присоединении к нам». ⁸⁸ А чтобы подготовить такую аннексию. 22(9) декабря оккупационные власти собрали дворянство Лифляндии (точнее, только южной её части), Эстляндии (вернее, лишь островов Даго и Эзель), а также бюргеров Риги. Те и приняли столь нужное Берлину решение – об отделении от России всей Лифляндии.

Сходную судьбу Германия предуготовила и Литве – в соответствии со всё той же программой Вильгельма. Ей также предстояло стать составной частью Германской Империи. И для политических манипуляций в таких целях оккупационные власти поначалу создали откровенно марионеточный, не представлявший никого Совецательный совет Литвы. Только убедившись в его полной неработоспособности, провели в Вильне, с 18 по 22(5–9) сентября конференции представителей остававшихся в крае лидеров политических региональных партий. На нём и был избран как орган управления Виленской, Ковенской и Сувалкской губерний Литовский совет (тариба) с председателем Президиума А. Смето-

ной. Три месяца спустя, 24(11) декабря Тариба приняла декларации о воссоздании Литовского государства и аннулировании всех связей с Россией. Но о независимости столь важный акт не упоминал никоим образом. Вместо того «просил у Германии помощи и защиты», высказывался за «весомые, твёрдые союзнические связи Литовского государства с Германией, которые, прежде всего, должны получить выражение в конвенциях – военной, в области связи и путей сообщения, в общности пошлин и валюты».⁸⁹

Настойчивое стремление аннексировать часть территории России несколько позже генерал Людендорф объяснял весьма прозаически. «Если бы мы в будущую войну, – писал он в 1921 году, – опять оказались бы предоставленными самим себе, то с помощью Курляндии и Литвы нам бы удалось разрешить продовольственный вопрос несравненно удовлетворительнее... Население Литвы и Курляндии давало бы Германии новый прирост живой силы».⁹⁰

Вот такая, весьма непростая, проблема – будущее, самое ближайшее будущее и Прибалтики и Литвы – и стала не просто главным, а чуть ли не единственным вопросом мирных переговоров Российской Советской Республики с Центральными державами. Официальных переговоров, начавшихся 22(9) декабря на оккупированной немцами территории, что, несомненно, давало Германии моральное преимущество. В 200 километрах к западу от линии фронта, в том же самом Брест – Литовске, где всего неделю назад уже подписали соглашение о перемирии.

При открытии переговоров глава советской делегации А.А. Иоффе чётко сформулировал цели Петрограда. Заявил, что стремится «добиться заключения всеобщего демократического мира». Но не просто мира, а непременно без аннексий и контрибуций. И сразу же разъяснил, что понимает под аннексией Совнарком:

«Всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности».

А затем объяснил, чтобы ни у кого не осталось ни малейшего недопонимания, ещё раз:

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насильем, если ей... не предоставляется право свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о форме государственного существования этой нации, то присоединение её является аннексией или захватом и насильем».⁹¹

Тем самым, Иоффе прямо указал на оккупированные Германией земли Польши, Литвы, Курляндии. Был уверен, как и всё руководство большевистской партии, как все члены Совнаркома, что при свободном волеизъявлении население данных территорий, безусловно, выскажется в своём большинстве в пользу советской власти и тем самым за воссоединение с революционной Россией. Только потому ещё раз повторил формулировку позиции Петрограда:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.